ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 16 (4874)
21 апреля
1982 г.
СРЕДА

ГОД ИЗДАНИЯ 53-й

Планет Виктора СКРЫЛЕВА

22 апреля — день рождения В. И. ЛЕНИНА

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

ВСЕГДА С НАМИ, БЕССМЕРТЕН И ВЕЛИЧАВ

Виктор ТЕЛЬПУГОВ

...ЕСТЬ у меня дома коллекция камней, обыкновенных вроде бы с виду, но очень дорогих для меня. Подобраны они на дорогах разных городов и стран, неброские, молчаливые свидетели времен и эпох. Краков и Женева, Париж и Берлин... По тем дорогам, по серым этим камням ходил Ленин.

Мне много пришлось покопесить по белому свету, от обрывистых берегов Енисея до благообразных парижских набережных, от Балтики до чинного Женевского озера, словом, по всем городам и весям, так или иначе связанным с именем Владимира Ильича. Где он жил, где начинал наше великое дело. Во время этих поездок я услышал много преданий и былей о Ленине, познакомился с людьми, знавшими Ильича лично, увидел за далью времен другую даль — штрихи, подробности биографии пламенного революционера, титана научной мысли, подлинно народного вождя, приблизился к постижению огромных масштабов личности Ленина!

Ленинскую тему нельзя ни в коем случае рассматривать как некую «вещь в себе», изолированную от самых наисовременнейших процессов. Здесь ключ к глубокому исследованию героя нашего времени, ибо на протяжении всей 65-летней истории Страны Советов именно в борьбе за торжество ленинских идей ковался характер бойцов коммунистического строительства.

XVII съезд советских профсоюзов... Речь Леонида Ильича Брежнева... Задачи, поставленные перед трудящимися и нами, писателями, в том числе: как можно полнее отражать то, чем масса живет. Так учил Ленин.

Вновь и вновь обращаясь к бессмертным ленинским произведениям, еще и еще раз убеждаешься в непреходящем значении мудрого ленинского слова, в глубочайшей диалектической связи ленинских идей с современным коммунистическим строительством в нашей стране, с развитием мирового революционного процесса.

Только один пример. Ровно через два месяца после Октябрьской революции Владимир Ильич поставил вопрос: «Как организовать соревнование?» «Буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического порядка», — отмечал он. И далее: только социализм впервые позволяет большинству трудящихся «...проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами».

Какая точность прицела у ленинских строк! И, наверное, нет необходимости доказывать, что одно только имя Ленина рождает у наших недругов панический страх.

На небольшой парижской улочке с поэтичным названием Мари-Роз есть музей Владимира Ильича. Антуан Лежандр, хранитель, комендант этого дорогого нам места, рассказывал мне о том, как непросто живется музею, как косятся на него записные антисоветчики... Но уверен: музей будет жить всегда. Потому что рабочие Парижа взяли на себя заботу о его сохранности.

В канун 110-й годовщины со дня рождения Ленина Центральный Комитет КПСС в своем постановлении отмечал: «Главный источник всех наших побед — в нерушимом единстве партии и народа, в умении коммунистов, говоря словами Ленина, сблизиться, до известной степени слиться с самой широкой массой трудящихся, поднять их энергию, героизм и энтузиазм, сосредоточивая революционно напряженные усилия на важнейших очередных задачах». А наше литературное дело — часть общепролетарского дела, «колесико и винтик» великого строительства, примеров которому история цивилизации еще не знала.

Два года назад в Шушенском мы посадили писательскую аллею — хрупкие, тонкие деревца, гнущиеся под упругим енисейским ветром. Помнится, кто-то из присутствовавших сказал раздумчиво: а ведь вырастут, когда-то! Обязательно вырастут! Как выросло и охватило своими корнями весь земной шар дерево ленинизма.

Советская художественная Ленониана имеет в своем активе большие обретения. И, видимо, нет нужды сегодня в перечислениях. Собранные воедино, эти книги, фильмы, спектакли представляют собой взволнованное повествование о глубочайших народных корнях ленинизма, о величайшей человечности Ильича.

Ленин и народ, партия и народ. Нерасторжимое единение...

Держу в руках только что вышедший сборник «Ленин с нами: бессмертен и величав», девятый том Ленинианы, выпускаемой издательством «Современник». В книгу вошли произведения литераторов Российской Федерации. Конечно же, это только крупица в бесконечном процессе художественного осмысления жизни великого человека, в процессе, связанном с огромной ответственностью прикосновения к ленинской теме, требующей от писателя правды, и только правды, отвергающей начисто любую фальшивую ноту.

Неизмеримо глубоко влияние ленинских идей на развитие нашей многоязыкой советской литературы — уникального явления мирового масштаба. Радуемся мы, что и наш писательский труд вливается в труд наших республик.

На заре Советской власти Ленин мечтал о времени, когда труд станет для человека истинной радостью. Верные традициям «великого почина», миллионы наших сограждан вышли в минувшую солнечную, весеннюю субботу на праздник труда. Как емко, по-ленински звучит это словосочетание — Праздник труда!

Ленин всегда с нами.

Ленин бессмертен и величав.

ПРАЗДНИК КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ. Второй московский часовой завод. Перед началом субботника.

Фото В. БОГДАНОВА

ДРУЖБА И БРАТСТВО

250-летию добровольного присоединения Казахстана к России были посвящены Дни литературы и искусства братской республики в РСФСР.

Эстафету Дней литературы и искусства Казахстана столица передала областным центрам РСФСР — Новосибирску, Оренбургу, Ульяновску. Посланцы казахской земли встретились с газовиками и тружениками сельского хозяйства Оренбуржья, посетили памятные места на родине В. И. Ленина, познакомились с работой ученых новосибирского Академгородка. Состоялся фестиваль художественных и документальных кинофильм, прошли выставки прикладного изобразительного искусства, книг.

В ЦДЛ состоялся вечер казахской литературы, посвященным 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Председательствовал секретарь правления СП СССР Ю. Верченко. Открыл вечер председатель правления СП РСФСР С. Михалков.

Выступивший на вечере первый секретарь правления СП Казахстана Д. Мулдагалиев отметил, что подлинный расцвет степного края начался после победы Великого Октября.

На вечере выступили писатели: М. Антхожина, О. Димитриева, С. Жиембаева, Е. Ертушенко, Х. Ергалиев, Р. Казанова, Г. Камбеков, В. Кузнецов, Т. Кузовлева, Н. Лушникова, С. Мауленов, Т. Молдагалиев, К. Мурзалиев, О. Сулейменов, Ф. Унгарсынова, А. Шамшенова, М. Шаханов.

На вечере присутствовали секретарь ЦК КП Казахстана К. К. Казыбаев, первый секретарь Алма-Атинского обкома партии К. М. Аукадиев, заведующий отделом культуры ЦК КП Казахстана К. С. Султанов, заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС Н. М. Долгов.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

В ЦДЛ имени А. А. Фадеева состоялся вечер, посвященный Советскому Азербайджану. Он проходил под девизом «К 60-летию образования СССР».

Открывая вечер, председательствовавший А. Софронов говорил о дружбе народов и литератур.

Вступительное слово произнес доктор исторических наук М. А. Казиев. На вечере выступили заведующий отделом культуры ЦК КП Азербайджана В. М. Гулиздаде, азербайджанские и московские литераторы А. Ахундова, В. Дубровин, А. Зейналлы, Р. Казанова, Д. Новруз, С. Рустам хамлы, В. Трофименко, И. Шиляревский, В. Шлавский. Они читали бессмертные строки классиков азербайджанской литературы, свои стихи и переводы. Стихи Самеда Вургуна прочел народный артист РСФСР В. Теленги.

На вечере присутствовали постоянный представитель Совета Министров Азербайджанской ССР при Совете Министров СССР Э. Д. Гусейнов, посланцы трудовых коллективов республики.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Каверина В. А. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Каверина Вениамина Александровича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
16 апреля 1982 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя, главного редактора журнала «Сибирские огни» тов. Никулькова А. В. орденом Дружбы народов

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя, главного редактора журнала «Сибирские огни» тов. Никулькова Анатолия Васильевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
16 апреля 1982 г.

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ

За плодотворную работу по развитию советской литературы и искусства, активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся белорусская республиканская газета «Литература и мастерство» («Литература и искусство») награждена орденом Дружбы народов.

На торжественном собрании, посвященном 50-летию газеты, награду Родины коллективу вручил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Т. Я. Киселев.

Наш корр.

МИНСК

НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

В двадцатые — тридцатые годы в этом здании [ул. Куйбышева, 21] помещался созданный при жизни В. И. Ленина Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции. Сейчас здесь находится Комитет народного контроля СССР. В деятельности народного контроля, развивающего ленинские традиции рабкрина, ярко проявляется демократизм советского общества, где право контроля принадлежит народу как единственному хозяину своей страны.

Читайте репортаж из Комитета народного контроля СССР

стр. 10, 11

«МЫ СОГЛАСНЫ, КОЛЛЕГИ: КОНЦЕПЦИИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ — ОМЕРЗИТЕЛЬНЫ»

Открытое письмо советских ученых

Минул уже почти месяц с тех пор, как «Литгазета» опубликовала открытое письмо ученых из «Лондонской школы гигиены и тропической медицины». Четыре английских биолога попытались обелить разоблаченную нами в пакистанском городе Лахор лабораторию ЦРУ по разработке бактериологического оружия. В связи с этим редакция публично ознакомила наших британских оппонентов с уличающими ЦРУ документами и неопровержимыми фактами. Мы тогда же предложили лондонским ученым провести у них дома пробный эксперимент на испытание объективности так называемой «свободной прессы»: перепечатает ли она материалы «ЛГ», то есть позволит ли западной общественности ознакомиться с доказательствами тайной разработки в США и Англии бактериологического оружия? «Свободная пресса» молчит, и опыт проверки «свободного обмена информацией» с Западом можно считать завершенным. Но осталась начальная проблема — угроза вирусной войны...

Напоминаем поэтому, что ЦРУ уже спровоцировало на Куба вспышку смертоносных эпидемий. И по сей день в США близ города Балтимор на специальном армейском полигоне апробируется токсинное оружие для массового истребления людей. Тем временем тридцать английских биологов негласно создают сейчас вирусное оружие в лаборатории британского «Микробиологического отдела обороны». Все это происходит вопреки подписанной Англией и Соединенными Штатами международной конвенции о запрещении биологического оружия. А лондонские авторы письма «Литгазета» до сих пор не дали ответа на наше и ним обращение осудить конкретных инициаторов подготовки вирусной войны.

Между тем редакция «Литгазеты» получила открытое письмо от четырех ученых из московского Института медицинской паразитологии и тропической медицины. Один из его авторов — профессор А. Н. Алексеев — упоминался в предыдущем письме британских биологов.

Публикуем текст письма советских ученых.

«Мы с интересом прочитали в «Литературной газете» от 24 марта письмо наших уважаемых британских коллег профессора Г. Дэвидсона, докторов К. Кертиса, Г. Уанта, П. Роулингса. Мы знаем их как честных ученых и квалифицированных специалистов, сделавших немало для развития методов борьбы с переносчиками опасных вирусных и паразитарных болезней. Будучи лично знакомы с этими четырьмя английскими биологами, мы верим тому, что они, сотрудничая лишь краткосрочно с руководимой американцами лабораторией в Лахоре, нисколько не причастны к какой-либо секретной разработке бактериологического оружия. Вызвавший их возражения репортаж корреспондента «Литгазеты» из Лахора поднимает общечеловеческую проблему

● ОКОНЧАНИЕ НА 9-Й СТР.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСУНОК

— А время, еще подна тужься!

Рисунок из газеты «Канадиан трибюн»

«Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела».

В. И. ЛЕНИН

Василий НОВИКОВ

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

К 50-летию постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»

ИСПОЛНЯЕТСЯ пятьдесят лет со дня постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», принятого 23 апреля 1932 года. С высоты великих достижений советской культуры зрелого социализма отчетливо видно историческое значение этого документа. Постановление ЦК ВКП(б) было подготовлено всем ходом преобразований, совершавшихся в Стране Советов, и знаменовало собой новый этап в развитии советской литературы.

«Советологи» всех мастей, начиная с Г. Струве, М. Истмена, Э. Брауна и кончая Г. Ермолаевым, как это показано в книге А. Беляева «Идеологическая борьба и литература», пытаются представить постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» как акцию, нарушившую свободное развитие различных направлений в советской литературе в 20-х годах и приведшую к унификации художественного творчества, к упадку литературы в 30-х годах. Эта точка зрения не только предвзята, не соответствует объективной действительности, но и упрощенно догматична, она извращает самую суть диалектически сложного художественного процесса, происходившего в нашей стране в переломный период, когда советская литература набирала новую силу.

Те, кто знает историю советской литературы, могут с открытым сердцем сказать: художественная энергия, накопленная в предшествующий период (1917—1932), в тридцатых годах многократно умножилась, нашла не просто свободный выход из порою искусственно создававшихся различными группировками творческих тупиков и лабиринтов, но обрела творческую базу в лице нового героя, строителя социализма, стала могуче проявлять себя во всех видах творчества — в прозе, поэзии, драматургии, киноискусстве, живописи, скульптуре. В тридцатые годы были созданы уникальные типы романа-эпопеи, ознаменовавшие новый этап развития искусства социалистического реализма не только в советской, но и в мировой литературе («Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого). Поэзия обогатилась новыми видами лирико-эпических поэм («Смерть пионерки» Э. Багрицкого, «Страна Муравия» А. Твардовского, «Бессмертие» М. Бажана). Наряду с героическо-народными драмами («Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Партизаны» К. Крапивы) появились лирические драмы, остро ставившие вопросы коммунистической нравственности («Машенька» А. Афиногенова, «Таня» А. Арбузова, «Девушки нашей страны» И. Микитенко). В киноискусстве созданы были ленты, ставшие классикой социалистического реализма: «Чапаев», трилогия о Максиме, «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта», «Щорс», «Член правительства».

В тридцатые годы художественное творчество, как никогда ранее, было насыщено энергией созидания, черпало темы из самой гущи жизни, из бурлящих событий выхватывало типы, восхищалось массовым трудовым героизмом, рисовало картины новостроек. Но искусство при этом никогда не теряло перспективы. Оно передавало победный марш истории. И на темы современности в советской литературе создавались значительные произведения («Поднятая целина» М. Шолохова, «Гвади Бигва» Л. Качели, «Соть» Л. Леонова, «Энергия» Ф. Гладкова, «Люди из захолустья» А. Малышкина). Пафосное изображение новых явлений, энтузиазма народных масс сочеталось с суровым реализмом, с раскрытием острейших конфликтов, трудностей, которые пришлось преодолеть советскому народу, чтобы построить мощные индустриальные гиганты, перевести единоличное сельское хозяйство на рельсы коллективного развития. В тридцатые годы были заложены многие плодотворные традиции советской литературы, получившие развитие в годы Великой Отечественной войны и в наше время. И главная из них — это внимание к новому человеку, который, перестраивая мир, одновременно перестраивал свою натуру. Новый герой, обычный в своем своеобразии и в то же время величественный, как величественна была эпоха, которую он воплощал в себе, вставал перед взором современников. Таким был для нашего поколения Павел Корчагин Н. Островского. Новое художественное мышление утвердилось в стране. Искусство обрело новые образные формы. Оно стало символом нового мира. Новое мировосприятие стало достоянием большинства писателей и художников. Творчество широко охватывало жизнь народа, было разнообразным. Рядом с динамической прозой В. Катаева «Время, вперед!» появились лирические повести К. Паустовского «Кара-Бугаз» и «Колхида», пленяющие красотой чувств, родниковой прозрачностью и выразительностью русского языка. Большинство произведений было проникнуто романтикой созидания, и над страной весело звучала звонкая песня победителей.

ОБЩЕЕ направление успешного развития советской литературы и искусства во второй половине 20-х годов и начале 30-х годов было определено партией в 1925 году в резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». Еще тогда перед писателями и деятелями культуры была поставлена главная задача — консолидация сил на основе великих творческих целей. В 1925 году, решительно выступив против ошибок РАППа, партия высказалась за тактичное и бережное отношение к так называемым попутчикам, к крестьянским писателям и всем «промежуточным идеологическим формам». Основой основ взаимоотношений в литературной среде партия выдвинула принцип творческого соревнования. Тогда же было сказано, что форма, метод в искусстве вырабатываются посредством поисков, а не деклараций, не декретов. Партия ясно высказалась за художественное многообразие творческих открытий.

В резолюции ЦК РКП(б) от 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» были заложены теоретические основы, характеризующие закономерности развития литературы и искусства в условиях строительства социализма. А когда победа социализма стала очевидной, когда была осуществлена индустриализация и коллективизация страны, произошли коренные изменения в социальных отношениях, начало складываться морально-политическое единство народа, тогда в 1932 году ЦК ВКП(б) принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». ЦК партии учитывал, что происшедшие коренные изменения в стране привели к огромным изменениям в литературе и искусстве, в том числе — в мировоззрении, психологии, творческой позиции многих писателей и художников. «Попутчиками» создавались значительные произведения о социалистических преобразованиях в стране, и сам этот термин утратил свое значение. Стала складываться единая советская многонациональная литература. Огромную роль в этом деле сыграла начавшая с 1929 года выходить в свет «Литературная газета». Отдельные группировки, в том числе и РАПП, превратились в узкие, замкнутые в рамках своих бесплодных дискуссий группы, пришли в противоречие с поступательным ходом развития литературы и искусства в стране. ЦК ВКП(б) указывал: «Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству».

ЦК ВКП(б) признает необходимым ликвидировать РАПП и соответственно перестроить работу других творческих организаций, «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей...»

Спустя два года после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» состоялся Первый Всесоюзный съезд советских писателей, на котором на демократических принципах была оформлена организация единого союза советских писателей, принят устав, избраны руководящие органы. Такие же съезды прошли в национальных республиках.

В Стране Советов впервые в истории человечества были найдены новые организационные формы работы творческой интеллигенции на основе добровольного объединения писателей, художников, деятелей культуры в союзы, стремящиеся к единой цели — активному участию в создании новой, социалистической культуры. Дальновидность этих мероприятий партии доказана полувековой историей. Объединение писателей в единый союз отнюдь не сковывает их инициативы, творческих дерзаний, поисков новых форм. Наоборот — предполагает, становится целью работы союза, ибо чем выше активность отдельного члена союза, чем выше взлет творческой мысли, новаторских дерзаний писателей, тем сильнее союз, тем лучше он работает, лучше справляется с исторической миссией, выпавшей на его плечи. Эту диалектику добровольного единения творческой интеллигенции в союзы и полной свободы творчества при социализме никак не хотят признать западные советологи, идеализирующие буржуазную демократию и считающие фальшивую, насквозь прогнившую, «проституированную», по словам В. И. Ленина, буржуазную «полную свободу» выше свободы, которую обеспечивает художнику социализм.

А вот крупнейшие писатели — М. Горький, А. Толстой, М. Бажан глубоко понимали эту диалектику и приветствовали объединение творческой интеллигенции в единый союз. Об этом же говорили на съезде представители национальных литератур: украинской (И. Кулик), белорусской (М. Климкович), татарской (К. Наджми), грузинской (М. Торошелидзе), армянской (Д. Симонян), азербайджанской (М. Алекберли), узбекской (Р. Маджиди), туркменской (О. Таш-Назаров), таджикской (Г. Лахути). В своей пламенной речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей Вс. Иванов заявил, что так называемые «беспартийные» группы, выдвинувшие в 20-х годах лозунги независимости искусства от политики, фактически сковывали творческую инициативу писателей, уводили их от столбовой дороги истории. Вс. Иванов, вслед за А. Толстым, главным оружием познания сложнейшей диалектики жизни в ее революционном развитии признал учение Маркса — Ленина. Оно дает художнику крылья, в минуты творческих раздумий вызывает подлинно революционное вдохновение, помогает глубоко проникать в сложные явления жизни, видеть в сегодняшнем дне созидания великое будущее, поэтизировать красоту нового мира.

ИСТОРИЧЕСКОЕ значение Первого Всесоюзного съезда советских писателей М. Горький видел в первую очередь в том, что съезд продемонстрировал победу большевизма как в идейном, так и в организационном плане. Писатели единодушно, в том числе и те, что ранее считали себя «колеблющимися», «признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве, в живописи словом». М. Горький говорил: «...отныне понятие «беспартийный литератор» останется только формальным понятием, внутренне же каждый из нас почувствует себя действительным членом ленинской партии, так прекрасно и своевременно доказавшей свое доверие к чести и работе литераторов беспартийным разрешением всесоюзного съезда».

Не менее важным показателем победы большевизма явился тот факт, что советская литература предстала на Первом съезде советских писателей как всесоюзная. Это свидетельствовало о верности принципов ленинской национальной политики, проводимой партией. Эта политика привела к расцвету национальных литератур, к возросшей мощи всех ее национальных отрядов.

Процесс ускоренного развития национальных литератур, в том числе — новописьменных, формирования советской литературы как многонациональной начался с первых лет Советской власти. На богатом фактическом материале это убедительно раскрыто в шеститомной «Истории советской многонациональной литературы», подготовленной ИМЛИ имени А. М. Горького. Факт, что буквально за полтора десятилетия в Стране Советов победил социализм, определил и ускоренный процесс единения, упрочения дружеских связей, взаимообогащения и взаимовлияния советских многонациональных литератур.

В трудах Л. Тимофеева, Г. Ломидзе, Л. Новиченко, Ч. Гусейнова, В. Озерова, М. Пархоменко, Ю. Суровцева представлена картина стремительного развития современной многонациональной литературы. Важно подчеркнуть, что формирование единой многонациональной советской литературы — процесс динамический, многогранный, сложный. Не сразу, не из пены морской, как Афродита, появилось и утвердилось общее понятие красоты, идейно-нравственного величия социалистического образа жизни в наших литературах (если мы обратимся даже к истории русской, украинской, грузинской, армянской — то есть литературам, имеющим вековую историю). Потребовались годы борьбы, общих усилий наиболее революционных, талантливых и марксистски мыслящих писателей, чтобы преодолеть влияние старых предрассудков национальной исключительности и национальной ограниченности и утвердить интернационалистские идеалы. Об этом ярко говорил на Первом Всесоюзном съезде советских писателей Е. Чаренц, увидевший в интернационализме сопричастность с общечеловеческой культурой: «Я счастлив и чувствую себя частью наипередового потока человечества благодаря тому, что Октябрьская революция изъяла из духовного поля моего зрения эту жалкую химеру национальных самоограниченностей».

ОСНОВОЙ основ, цементирующих национальное единство советской многонациональной литературы, явилась дружба народов, формирование новой социальной и интернациональной общности советских людей. Образование Союза Советских Социалистических Республик ускорило этот процесс и оказало стимулирующее воздействие на формирование многонациональной советской литературы.

Можно привести огромное количество фактов, как в 20-х годах почти одновременно во многих национальных литературах появились произведения о В. И. Ленине, о революции и гражданской войне, об индустриализации и коллективизации. В результате литература и искусство запечатлели в своих полотнах основные этапы строительства социализма, стали пионерами в изображении на только рождения нового мира, но и новой интернациональной общности советских людей (вспомним прекрасные очерки П. Павленко, Л. Леонова, Н. Тихонова о Туркменистане, романы Ивана Ле «Роман межгорья», Б. Ясенского «Человек меняет кожу» и др.).

Поэтизация нового героя, глубокое понимание красоты новых человеческих отношений, коммунистической нравственности — высшего мерила человеческого достоинства, — все это определило пафос основных произведений всей нашей литературы. И, естественно, как результат расцвета художественного творчества в каждой национальной литературе, на основе своей плодотворной почвы, с учетом традиции, национальных особенностей, возник, стал утверждаться, обогащаться новыми красками социалистический реализм, который был признан на Первом Всесоюзном съезде советских писателей единым методом всей советской литературы. Вопреки всяким домыслам «советологов» социалистический реализм не был кем-то «выдуман», «навязан», «декретирован». Он возник до революции в творчестве Горького, Ивана Франко, М. Коцюбинского, А. Акопяна, Яна Райниса и утвердился как единый метод в советской многонациональной литературе в 30-х годах. Великий гуманный и интернациональный смысл социалистического реализма раскрыл Горький: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью». Свободное от какого-либо налета догматизма и схематических дефиниций, это определение социалистического реализма, данное Горьким, как верный компас, направляет творческие усилия всех прогрессивных писателей мира к великой, благородной цели — к коммунизму!

Как же может в таком случае социалистический реализм сковывать волю художника? Всем творческим людям на опыте известно, что как раз социалистический реализм, приведший многих советских писателей к великим открытиям, позволяет каждому, кто стремится к вершинам гуманизма, проявить свой талант в той сфере творчества, в какой он чувствует себя наиболее способным, наиболее сильным. На этой основе и возникает художественное многообразие искусства социалистического реализма, которое обычно сравнивают с цветущим садом. Художественное многообразие — естественное, органическое, спонтанное свойство искусства социалистического реализма.

«Чувство семьи единой» — так назвал свой сборник стихов Павло Тычина в 1938 году. И он же писал: «Коль ты океан, а не ручеек,— двигай историю». Вот эта сопричастность великой истории, вот это чувство «семьи единой» и определяет масштабность мысли советских писателей, чувство «океана», и то многообразие художественных дерзаний, полета фантазии, сочетание эпических и лирических голосов, которое так характерно для советской многонациональной литературы. Еще раз подчеркнем, вспомнив Маяковского, и скажем, что стартовой площадкой для взлета художественной мысли в советских национальных литературах явился «построенный в боях социализм».

Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» оформило то, что нарождалось и подготовлялось всем ходом истории. Оно явилось катализатором нового процесса, вызвало прилив новых сил, способствовало новому подъему художественного творчества во всех национальных литературах Страны Советов.

МЫ — СОВЕТСКИЙ НАРОД

Вардгес ПЕТРОСЯН

ДОМ ДРУЖБЫ

В КОНЦЕ 20-х годов Николай Тихонов пешком прошел от Севана до Еревана и описал свое путешествие по Армении в знаменитом эссе «Дни открытий». Он вспоминает о беседе с одним армянским крестьянином. «Посмотрите и скажите, на что похожа армянская деревня?» — спросил крестьянин. Тихонов ответил, что деревня чем-то напоминает укрепление, крепость. «Верно! — воскликнул предложивший вопрос.— Если бы вы еще посмотрели больше, то сказали бы, что она похожа на кладбище. И то и другое сравнение справедливо. А почему, дорогой? Потому, что армянский человек жил в постоянном ожидании опасности... Дом — крепость. Ни одного окна на улицу. Узкие бойницы. Защищаться до последнего. Если враг сильнее — это уже конец. Это уже не крепость — кладбище. И так было веками... Но больше не будет. И таких деревень не будет в Армении. Пришла советская власть! Все! Конец вандализму, конец резне! Дружба народов».

Я вспомнил беседу Н. Тихонова с армянским крестьянином, потому что в ней необычайно точно отразилась наша история, несокрушимая вера народа в торжество нового строя. Уже в первые годы Советской власти простой крестьянин осознал, что краеугольным камнем своей политики Советский Союз провозгласил дружбу и сотрудничество между людьми разных национальностей. Это было для армян и других народов нашей страны спасением не только физическим, но и духовным. Конечно, культурные и экономические контакты существовали всегда, но впервые в истории революция положила дружбу между народами в основу государственного строя.

Армяне еще в пятом веке создали алфавит и вскоре перевели на свой язык Библию, множество философских книг. В течение всех последующих веков на армянский язык постоянно переводились лучшие произведения мировой литературы. Но вот в чем парадокс. Наша собственная письменная культура фактически была неизвестна миру. Новая эра в культуре Армении была связана с русским языком, русскими писателями. В 1915—1916 годах, в трагические времена геноцида армян в Османской империи, в России вышли две книги: сборник армянской прозы и антология армянской поэзии. Первую из них составил и отредактировал Максим Горький, вторую — Валерий Брюсов. И сейчас, когда почти все ценное, что есть в армянской литературе, переведено на русский и другие языки народов СССР, мы помним, что у истоков наших литературных взаимосвязей стояли блистательные представители русской интеллигенции.

В преддверии 60-летия Союза Советских Социалистических Республик, оглядываясь на пройденный нами путь, нельзя не заметить, как окрепли связи между некогда разъединенными народами. Взаимные переводы художественных произведений, к примеру, получили государственное значение, вышли за рамки чисто литературных взаимосвязей.

По-настоящему крепка и основательна та дружба, которая зиждется на знании культуры другого народа. И здесь наше советское искусство, рожденное Великой Октябрьской революцией, является удивительным феноменом. Ведь не только армянская и другие литературы, имеющие многовековую историю, но и более молодые получили благодаря русскому языку выход в большой мир, о чем не могли мечтать даже самые ярые фантазеры лет сто назад.

Еще Александр Сергеевич Пушкин в своей знаменитой книге «Путешествие в Арзрум...» в очень скупых, но точных словах писал о трогательном отношении армян к России.

Я вспоминаю армянскую женщину из горной деревни Советской Армении, сказавшую с наивной гениальностью: «Три синевы на свете: небо, море... и Русь». Кто она была, эта старая женщина? Внучка или правнучка той карской жительницы, которая поцеловала руку Пушкина? Не знаю, но обе они — дочери одного и того же народа, и Россия для них — это упование и молитва, опора их сынам, их земле.

Крупный зарубежный армянский поэт Ваан Текеян прочитал в 1944 году в советском посольстве в Египте свое стихотворение «Армения к России»: «Посмотри на древнюю Армению, которая благодаря тебе заново приобрела свою силу и гений, и в тех боях, которые ты сейчас ведешь, она рядом с тобой, и в горячие минуты боя близкая и далекая Армения смотрит на тебя, Россия, и говорит: спасибо!» (подстрочный перевод). Слова эти сказаны в трудное для нашей страны время, и в них отражено отношение зарубежных армян к Советскому Союзу.

Но дружба не улица с односторонним движением. Мы всегда ощущали ответную любовь, доброту русского и других народов нашей необъятной социалистической Родины. В тридцатые годы на строительстве Севано-Разданского каскада работал житель Архангельска Михаил Иванович Гончаров. «В Армении мы, дети разных народов, трудились не покладая рук, — пишет он, — мы знали, что помогаем одному из древнейших народов мира. Армения стала для нас второй родиной. Мы полюбили ее суровую и добрую природу, полюбили ее талантливых и трудолюбивых сынов. Мои дети сызмалу интересовались историей армянского народа, они наизусть помнят мои рассказы о тридцатых годах, о моей молодости, которую я оставил в ваших чудесных горах. Теперь, когда я читаю, что уровень воды в Севане снизился и что проводится громадная работа по спасению озера, сердце сжимается от сознания, что я уже не могу помочь Армении. Но в Армению приедет мой сын Володя, который заканчивает строительный институт, приедет и, подобно своему отцу, будет работать в горах вашей прекрасной земли».

Сказать по правде, я не знаю, поехал ли Володя Гончаров на сооружение туннеля Арпа — Севан, но на этой исключительной по значимости для нашего народа стройке я познакомился со многими замечательными людьми: русскими, украинцами, грузинами, азербайджанцами, белорусами, чей благородный труд спас для нашей земли красоту Севана. В то же время на бескрайних просторах Сибири мне часто встречались армяне — геологи, летчики, музыканты, партийные работники... Было радостно видеть своих земляков, строящих наш большой дом — Союз Советских Социалистических Республик, в котором навечно поселилась дружба народов — дружба людей.

Хочу привести несколько строк из письма, полученного мною из Тюмени. Девушка решила изучить армянский язык и сейчас уже добилась немалых результатов. Нина Комаровская пишет: «Я кое-что знаю об Армении, но даже все прочитанное и увиденное — отдельные, отрывочные сведения. А ваша книга «Армянские эскизы» объединила мои знания в цельное представление о вашей республике. Простите, может быть, я и не имею права так говорить, но все-таки Армения не только ваша, но и немножечко моя. Нет, я никогда не жила там, никто из моих родственников не был армянином. И профессия моя не связана с историей вашей родины — я программист-математик на ЭВМ. Для меня самая лучшая река в мире — Волга, самые лучшие песни — русские. Но Армения, ее история, ее язык мне тоже очень дороги».

Слова Нины Кочаровской — еще одно доказательство того, что дружба народов в СССР не пустая патетическая фраза, а реальные человеческие отношения.

Немало написано ярких очерков, эссе, статей о нашей многонациональной Родине. И все же, мне кажется, наша публицистика в долгу перед жизнью, наша действительность богаче, чем ее отражение в литературе. Не надо выдумывать людей, ситуации — надо просто увидеть жизнь, проникнуть в глубину каждого факта. Я думаю, мы должны писать новые и новые книги, которые помогут читателю узнать как можно больше о каждом народе нашей Родины. Когда я читаю очерки писателей из других республик об Армении, мне представляется, что это окна в неизведанный мир, в незнакомую культуру. В них чувствуется искренняя любовь и уважение к нашей древней земле.

Мы в республике большое значение придаем такому боевому жанру художественной литературы, как публицистика. В этом самом злободневном, действенном жанре успешно трудятся и Серо Ханзадян, написавший трехтомное документальное эссе «Сказ о Родине», и Сильва Капутикян, Зорий Балаян, Каспис Суренян, Марго Гукасян, Меружан Тер-Гуламян и многие другие, создавшие яркие очерковые книги.

У некоторых писателей, особенно молодых, существует снисходительное отношение к публицистике. Как правило, большинство из них начинали работать в газете или журнале, но потом «ушли в большую прозу», творить, как они считают, «для вечности». Дело, однако, обстоит иначе: публицистика во все времена помогала писателю в изучении жизни, выводила его из субъективного мирка на широкий простор современности. В подтверждение сказанного хочу привести слова Габриэля Гарсиа Маркеса: «...нет в моих книгах ни единой строчки, в основе которой не лежал бы подлинный факт». И далее: «реальная действительность — писательница талантливее нас». Мы обязаны настойчиво изучать эту действительность и отображать ее в своем творчестве. Уверен, что никто из классиков, садясь за письменный стол, не думал, что он пишет для вечности, — они писали для своего времени, а это и значит — на века.

Мне роман «Выбор» Юрия Бондарева дорог именно за страстную публицистичность. Она не ослабляет произведение, а усиливает его. Писателю больше веришь, когда он открыто, недвусмысленно защищает свои принципы, интересы народа. Попробуйте исключить яркую публицистичность космической темы из романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день»... Невозможно, потому что благодаря этой сквозной теме события на буранном полустанке оборачиваются глобальной проблемой. Или очерковая книга Иманта Зиедониса «Курземите»... Она рассказала мне о латышском народе, его характере больше, чем многие повести и романы.

Литература, искусство — «добрые вестники» дружбы народов, и мы должны сделать все, чтобы наша молодежь обрела разнообразные знания о братских народах, чтобы в ее мыслях и сердцах навечно поселилась любовь к своей многонациональной Родине.

ЕРЕВАН

ПРАЗДНИК КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

ПЛУТ СТРОИТЕЛИ ГЛАВМОССТРОЯ (СПУ-311). К дню ленинского коммунистического субботника они на месяц раньше срока сдали 264-квартирный дом в Южном Тушине

Фото В. БОГДАНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРОЙ: ПОЗИЦИЯ АВТОРА И ЛОГИКА ЖИЗНИ

Эту дискуссию начали прозаики Р. Киреев и Ю. Антропов («ЛГ», № 5, 1982). Затем разговор продолжили Н. Самвелян («ЛГ», № 7, 1982), А. Михайлов («ЛГ», № 9, 1982), Н. Иванова («ЛГ», № 9, 1982), В. Яворницкий («ЛГ», № 10, 1982), А. Латынина («ЛГ», № 11, 1982), М. Тычина («ЛГ», № 12, 1982), А. Карлов («ЛГ», № 13, 1982), М. Синельников («ЛГ», № 14, 1982), Э. Ставский («ЛГ», № 15, 1982). Сегодня слово — азербайджанскому писателю Эльчину.

ЭЛЬЧИН

БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

ОДИН из участников нашей дискуссии спрашивает: «Что же мы имеем в сегодняшней литературе — есть ли в ней пророческий пафос, который всегда отличал ее, который был заявлен пушкинским «Пророком»?» «Пророческого пафоса» критику в сегодняшней литературе явно не хватает: он считает, что она растрачивает себя на изображение мелких людей и незначительных ситуаций. Но странно: прозу Пушкина при его жизни, как известно, упрекали в анекдотичности, тривиальности, холодности — словом, во всех тех грехах, в которых упрекают целый ряд современных писателей. Впрочем, и в поэзии Пушкина были произведения, которые казались тогдашней критике приземленными и обыденными: выражаясь языком нашей дискуссии — «фиксаторскими»: «Граф Нулин», «Домик в Коломне»... Не надо делать вид, будто Пушкин все писал так же, как «Пророка» или «Подражания Корану».

Между тем прямо поразительно, как подходит характеристика некоторых современных героев в статье А. Михайлова именно к пушкинской типологии. «Не дает покоя вопрос, почему перечисленные персонажи А. Кима, В. Личутина, В. Маканина, Р. Киреева, В. Михальского, все эти рефлектирующие интеллигенты, трезвые реалисты и умеренные гедонисты, оказываются в конце концов обреченными на бесплодную работу духа?» Но разве это не про Онегина?!

«В последние годы чего только мы не начитались о городской жизни — и о «пиритах», и о сыроедах, и о драмах в малогабаритных квартирах, и о старушках, брошенных эгоистичными и дурно воспитанными детьми (интересно, кто их воспитывал: не те ли самые старушки в годы, когда были молодыми мамами?), и об ужасных, чуть ли не каннибальских поступках при обмене квартир, и о том, что едва ли не на каждой научной кафедре энергия сотрудников в основном уходит на выживание и подсиживание друг друга. Никому не приходит в голову утверждать, что ничего подобного в жизни нет. Но почему обо всем этом нам сообщают так уныло, плоско, с такой интонацией обреченности в каждой фразе, будто бы априори соглашаясь с тем, что в нынешнем мире нет ни мощных натур, ни мощных страстей, ни смелых, неординарных поступков, что, более того, они как бы даже неприличны?»

Я не разгадал всех аллюзий Н. Самвеляна, но об обмене писал Ю. Трифонов, а о кафедре — И. Грекова. Насчет уныния и обреченности погодим пока судить, но «мощные натуры, мощные страсти и смелые неординарные поступки» Н. Самвелян находит совсем в иных современных произведениях. Он отвергает «фиксаторскую литературу», охарактеризованную выше, и жаждет «экстремальных ситуаций». Что же, все должны писать романтические истории на «вечную тему смерти и бессмертия»? Все должны изрекать истины типа: «Нравственно лишь то, что полезно всем людям»?

Кого только не упрекали в объективизме и «фиксаторстве»! И Чехова, и Джалила Мамедкулизаде, и, кстати говоря, Михаила Шолохова. Может быть, вернемся к «идеальному герою» учительницы Протопоповой? («ЛГ», № 41, 1963). Ведь призывают же нас вернуться к герою — «рупору идей»...

Сказать по правде, разговоры о том, будто «элементарное отсутствие писательского темперамента стало считаться новаторством», будто «сложные» ситуации и «экстремальные» ситуации — это одно и то же и т. д. и т. п., кажутся мне основанными в лучшем случае на недоразумении, в худшем — на подтасовке.

Мне довелось участвовать в споре о романе Р. Киреева «Подготовительная тетрадь» на страницах «Литературной газеты».

Мой оппонент Юрий Болдырев начал с того, что роман написан холодно и безразлично. Он утверждал это отчасти потому, что главный герой, герой-рассказчик, с горечью повторяет, что в результате всех событий ничего не изменилось. Я тогда говорил, что это неверно хотя бы потому, что в результате написан роман.

Это только кажется, что, например, в «Обмене» и «Предварительных итогах» ничего не произошло. Там рушатся старые миры и возникают новые, но это происходит без тех табличек, которые в шекспировском театре «Глобус» заменяли декорации. И, в общем, неправда, что современные герои не хотят «умирать за идею». Герой «Другой жизни» умер за нее в буквальном смысле слова. Но разве должна идти речь непременно о физической смерти? Тимофей Ланин В. Личутина переживает духовную смерть...

Удивительное дело. Когда-то Маяковский мрачно шутил над тем, что от него требовали: «Сделайте мне красиво!». Теперь мы должны внимать наказу: «Сделайте мне экстремально»?

Думаю, что этого нельзя требовать от всех. И желательно иметь в виду, что «позиция автора» заключается в том, чтобы поднять вопрос, а вовсе не всегда в том, чтобы его решить, да еще всем угодить своим решением. Единоборство прагматика Петра Свечкина и романтика Виктора Карманова не кончилось вместе с романом Руслана Киреева.

А вот чем кончается конфликт романа Федора Абрамова «Дом»? Будет ли построен Дом? Перелом очевиден только в отношении Пряслина к сестре и племянникам. Все остальное не решено. Автор и не берется решать все на свете. Ответы на все вопросы, как часто приходится слышать, знают не писатели, а критики...

Традиции азербайджанской литературы предусматривают очень различное отношение к художественному отображению жизни. Наши классики установили образцы ярчайшей тенденциозности, которая проявляет себя и в открытой форме, и в скрытой столь глубоко, что произведение кажется загадочным. Это загадочность и неоднозначность самой действительности. Иногда у одного и того же писателя находишь открытое решение конфликта, а иногда, кажется, не находишь никаких. Эта особенность остается в силе и для советской азербайджанской литературы. С жалостью или только с осуждением относится к злой красавице Гезрчин Сулейман Рагимов? Одобряет или критикует максимализм и прямолинейность своей Алмас Джафар Джабарлы? А каково отношение Акрама Айлисли к Кадыру, герою повести «Над Курой, в теплых лесах», которого он разоблачает и в то же время любит? На все эти вопросы нельзя ответить однозначно. Позиция автора состоит здесь в том, что невозможно найти ответ, который умещался бы в одно несложное понятие.

Мне понравился рассказ Вл. Солоухина «На дачу съезжались гости...», напечатанный недавно в «Неделе» (№ 3, 1982). Его название как бы вторит известному пушкинскому — «Гости съезжались на дачу...». Внешне они не очень похожи. У Пушкина речь идет о «большом свете», у Солоухина — о людях более скромного положения и житейских привычек, хотя отнюдь не «рядовых». Сходство здесь в другом. В центре обоих рассказов — подчеркнуто тривиальная любовная история, которая, однако ж, явно добром не кончится и наводит на размышления.

У Солоухина, во всяком случае, все подчеркнуто ординарно: и типаж, и обстановка, и надоевшие, набившие оскомину разговоры о том, что бывает с любовью в браке, каким в наше время он может и должен быть и т. д. Среди хозяев, празднующих серебряную свадьбу, и их почтенных и семейных гостей присутствуют сын и невестка, которые выглядят оазисом счастья и благополучия, на корню опровергающим скептические речи о современном браке и семье. Они вызывающе плакатно молоды, красивы, синеглазы, русы, у них, несмотря на молодость, уже двое прелестных детей, и даже зовут их образцово-показательно: Ваня и Маша (Иван да Марья).

Сначала я думал, что эта милая, здоровая и красивая пара призвана опровергнуть пустые толки собравшихся и продемонстрировать «позицию автора и логику жизни». Но все получилось иначе. Рассказчик догадался, что у Маши ребенок не от мужа, и идиллия рухнула. Она и должна была рухнуть: слишком уж была безупречной и невсамделишной. Ощущение тривиальности сразу же снимается острогой и скрытым драматизмом догадки рассказчика. (Так и в отрывке Пушкина: заурядность светской истории опровергается подлинностью переживаний Вольской.)

Но в чем же все-таки позиция автора? А в том как раз, чтобы сказать нам, что все не так просто. Все не так, как выглядит. А как? Но автор не знает, как. Он только указывает на существо проблемы. В этом его позиция. В том и «логика жизни», что на деле не бывает сахарных, пошло идиллических пар.

Вообще позиция автора — вещь не такая простая и элементарная, как кажется некоторым участникам дискуссии, которые взыскуют «писательского темперамента» и «пророческого пафоса». Позиция Шолохова относительно Григория и Аксиньи не вызывает споров. Но вот как он относится к Лушке из «Поднятой целины»? Беру на себя смелость утверждать, что в первой части романа — с нежностью, хотя Лушка — воплощенная греховность. Но она же и воплощенная женственность! Сцена свидания Лушки и Давыдова в степи гениальна именно потому, что Лушка здесь поднимается над нормативными определениями. Каковы же позиция автора и логика жизни? Они беспощадны во второй части, там, где Лушка — инженерша, толстая тетеха, в которой не осталось игры стихий. Что ж, значит, автор был за игру стихий? Нет, он знал, что кончится это осуждением и омертвением. Но ошибся бы тот, кто решил, что Шолохов «разоблачает» Лушку с самого начала. И ошибся бы тот, кто подумал, что он ее «воспевает». Ни то, ни другое. Художник показывает тип человека и логику развития характера, судьбы. Разве этого мало?

Исследование прагматизма, нравственного застоя, обывательщины, душевной робости (так же как положительных антиподов этих явлений) — серьезная писательская задача. И если авторы, которые об этом пишут, отказываются от однозначных выводов и исследуют свой предмет на материале будничных (а не экстремальных) ситуаций, то неправомерно требовать, чтобы они были не самими собой, а другими писателями.

БАКУ

ПОЛЕМИКА

Инна РОСТОВЦЕВА

КОГДА СТИХОТВОРЕНИЕ НЕ СОЗДАНО...

- *Красивая болезнь ложного глубокомыслия*
- *Яркие кубики, сколоченные рифмой*
- *Стихи или демонстрация собственной личности?*
- *Нелегкое право на поэзию*

В ПОСЛЕДНЕЕ время нередко случается так: критики с повышенным вниманием прислушиваются к тому, что они говорят друг о друге, черпая темы для своих выступлений из инерции спора. И равнодушно проходят мимо там, где к ним взывают действительно важные темы, требующие от них не демонстрации «боевых доспехов», а глубины размышления, профессионального умения и — не в последнюю очередь — эстетического вкуса.

Иногда эти настоящие, непридуманные темы подсказывают сами поэты, исходя из своей собственной практики или опыта долгих наблюдений над словом. Критики же, как правило, не всегда умеют слушать то, что не приносит им сиюминутного тщеславного удовлетворения своих амбиций.

Ну, а если все-таки прислушаться?

«...Уже давно мы не видели, чтобы публиковалось одно стихотворение, чтобы оно одно, как говорится, было воином на поле брани, давно перестали говорить об одном стихотворении, мало кто из поэтов добивается своего типа стихотворения, не многих критиков интересует структура стихотворения», — это сказано Юстинасом Марцинкявичюсом («ЛГ», № 25, 1981). Литовский поэт, размышляя о том, что «поэзия нас создает» (и это — прекрасно!), вместе с тем обращает наше внимание на то, что не всегда при этом создается поэзия, произведение (и это тревожно!).

Есть ли основания для такой тревоги? Не преувеличена ли она высокой требовательностью мастера к себе: «Мы потеряли самодисциплину, сдержанность, перестали думать о стихотворении как о концепции, как о сублимате переживания, как о философии и мироощущении».

Конечно, проще простого объявить эти критерии завышенными, неприложимыми к повседневной практике, но не является ли следствием снижения требовательности тот факт, что так много появляется стихотворений, имеющих столь малое право ими называться?

По воспоминаниям современников, Николай Заболоцкий говорил: «Когда я написал стихотворение, оно уже живет самостоятельной, не зависящей от меня, своею собственной жизнью».

О многих ли стихах, созданных нашими современниками-поэтами, можно сказать, что они живут самостоятельной жизнью?

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»,— тут же вверчет осмотрительный оппонент, отвергая саму возможность определять — при жизни творца — жизнеспособность его создания (благо можно сослаться на исторические примеры «ошибок» Белинского, Писарева, Добролюбова, недооценивших то или иное произведение наших классиков).

Ну, а как же быть тогда с их открытиями, прогнозами, предвидениями, наконец, просто с уяснением — при жизни автора — значения его творений не только для сегодняшнего дня, но и для будущих потомков? Такое ли уж это бесперспективное дело, если иметь в виду и нашу современность?

Нет, опыт антологий из современной поэзии (хотелось бы, чтобы они выходили почаще) показывает, что отбор лучших лирических стихов из текущего потока не только возможен, но и необходим — ведь подобные антологии «держат» определенный уровень, не давая падать «планке» искусства...

И все-таки не будем обольщаться: среди печатающихся стихов много «не созданных». Стихотворение может быть не создано по разным причинам. Неудача может настичь как опытного мастера, так и молодого поэта, но в каждом случае причины этой неудачи свои, конкретные.

Конечно, критику не всегда легко в каждом случае точно проникнуть в замысел рассматриваемого произведения и точно поставить «диагноз» — здесь возможны и просчеты, но, думается, эстетическая оценка, суждение все же предпочтительнее той «критической осмотрительности», о которой говорится в статье Ал. Михайлова («ЛГ», № 43, 1981). Защищая литературу от неоправданных поэтических открытий, от нашествия «поэтов-имяреков», он в пылу полемики причислил к ним и такого значительного поэта и переводчика, как Владимир Державин, открытого в свое время Горьким и уж никак не повинного в издержках текущего процесса. Читателю остается теряться в догадках, сталкиваясь с еще одной «неизбежностью странного мира» критики.

* * *

Я хочу попытаться описать здесь несколько случаев и причин, в силу которых стихотворение «не получилось».

Вот один из наиболее распространенных «случаев»...

Стихотворение как будто и создано, но оно инфантильно, а значит, самостоятельной жизнью вряд ли когда заживет.

Учитель
Сердит на меня за то, что я
плохо готовлю уроки
и, значит,
не люблю науку.

Родители
сердиты на меня за то, что я
мало им помогаю
и, значит,
не люблю их.

Но
я знаю человека, который
больше всех
сердит на меня
за то, что я
попыталась
объясниться
ему
в любви.

Глубокомысленный вид, который постарался автор придать своему стихотворению, еще более подчеркивает бедность его содержания.

Не о таких ли случаях с тревогой пишет известный ученый, знаток античного мира А. Ф. Лосев: «Избыточность плоских слов в «текущей поэзии», да вообще поток словес, не несущий порой никакой сколько-нибудь ценной информации, не заряженный сильным жизненным началом, не освещенный традицией глубокой культуры, лишь притворяется поэзией, маскируется под поэзию».

Настораживает красивая болезнь глубокомыслия, игра парадоксами, цепко захватившая в свой плен даже опытных мастеров слова. Со значительным видом нам вещают о том, что «в начале всего было дерево, кажется, клен», что «птица улетела — гнездо осталось. Гнездо разорили — дерево цветет. Дерево повалено—пень белеет. Сажусь на пень — пишу эту песнь о птице, что улетела» (Это не отдельные строфы, это все стихотворение целиком.)

Отсюда один шаг до простенького «урока арифметики»: «умножаем— получаем жизнь», но и до того открытого и сформулированного еще в 1919 году Бахтиным «закона» вины и ответственности, которые должны понести друг за друга поэт и его искусство: «поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов».

...Читая и перечитывая русских поэтов-классиков XIX века, обращаешь внимание на то, как часто стихотворение строится именно как цепь серьезных вопросов: «Когда воскреснут добры нравы, уснет и зависть и вражда? Престанут люди для забавы желать взаимного вреда? Когда, когда?» (П. Вяземский, «Когда? Когда?»). «Не мои ли страсти поднимают бурю? С бурями бороться не в моей ли власти?.. Или у природы, как у сердца в жизни, есть своя улыбка и свои невзгоды?» (Я. Полонский). «С глубокою думой гляжу я на небо, где в темной лазури так ярко сверкают планет мириады. Чья мощная сила вращает их чудно в таинственной сфере? Когда и откуда тела их начало свое получили?» (И. Никитин, «Небо»).

В этих вопрошаниях отражена пытливость ума и чувства поэта, обнимающего многообразные явления жизни и природы, человеческого духа...

Ответа может вовсе и не последовать в конце такого стихотворения — и не потому, что старые авторы его «не знали», как наши современники, заглянувшие в таинственный космос, а потому, что видели назначение стихотворения не в изобретении броского афоризма, а в развитии мысли — ее логике и красоте...

По части последней современный автор не очень-то и утруждает себя: две-три броские категоричные формулы, как яркие кубики, на скорую руку сколоченные рифмой, — вот вам и стихотворение:

Вся красота и Лондона,
и Рима
и без стихов, пожалуй,
представима.
Но без стихов представить
Ленинград,
как без литого кружева
оград.
Но без стихов Рязани
не разыщешь,
Москвы не сыщешь среди
лютых пург...
Россия без поэзии
российской
была бы, как огромный
Люксембург.

Замечаешь, что двустишия легко можно переставлять местами, можно начать с последнего и кончить первым — ничего в таком стихотворении не изменится, ибо его структура механистична по своей сути; с другой стороны, попробуй тронь с места хотя бы один-единственный эпитет в подлинном произведении...

Или вот еще стихотворение, названное стихотворением (приводится нами целиком):

Поэзия — есть
антибюрократия.
За это ей и слава.
и проклятия.
Не дай нам бог,
чтоб сыро было
в кратере!(?)
И если вы среди других
примет
увидите в поэте
бюрократинку,
то успокойтесь, —
это не поэт.

Смело? Оригинально? Увы! Можно набрать сколько угодно острых, парадоксальных умозаключений, но методом «сварки взрывом» не создать поэзии. Потому что стихотворения то нет: изречение идет как бы «поверх барьеров» поэзии, поверх барьера жанровой формы.

«Конечно, все изменяется, и жанровые формы тоже. Но может ли строитель самолета не учитывать летательных возможностей стрелы, а архитектор забыть о существовании формы пирамиды!» — это сказано прозаиком Грантом Матевосяном о значении жанровой формулы («сколько за жанровой формулой усилий: боли, мести, крови, робости, восторга...»), но, думаю, в не меньшей степени относится и к поэзии.

При создании стихотворения его автор не может не учитывать изначальных законов жанра, композиции, сообразности и соразмерности, диалектики развития мысли, логики и красоты, какую бы свободу в самовыражении он ни установил для себя.

Женщина в мире —
шлюпочка в море...
Руки на весла брошены...
Но —
кто он? Не знаю:
мой ли, не мой ли?
Вижу начало.
Дальше — темно.
Вижу начало.
Жажду. Желаю.
Верю туманной дали
морской.
Разве на свете раньше
жила я?
Разве была я раньше
такой?..

Читая подобные строки, — кстати, не худшие из тех, что наводнили периодику, — приходишь к тому же выводу, что и Марцинкявичюс: «Чем слабее писатель или художник, тем сильнее он выпячивает свое «я». Истинный художник всегда может быть уверен, что он виден в произведении, и ему нет никакой необходимости демонстрировать читателю или зрителю собственную личность».

Думаешь о том, как много сегодня пишется стихов, демонстрирующих собственную личность в связи с разговором о себе, о литературе, о словах, о гениях. «...А нужны ли миру гении — праздник жизни, соль земли?» — создается ощущение, что излюбленный праздный вопрос о несчастных гениях нужен их авторам исключительно только для демонстрации собственной личности на фоне Лермонтова, Блока и т. д. Иногда — на фоне бурно развивающейся НТР:

Когда наугад
расщепляется код,
как, сдвинувшись над
моментальным проходом,
мучительно гений плывет
над народом
и табличке с мигающей
надписью «вход»!

Прочитав такое стихотворение до конца, с благодарностью думаешь, что в советской поэзии есть стихи о Ленине и печнике, о хлебе, Пугачеве и собаке Качалова, о красивой девочке Лиде и некрасивой девочке, о добром Филе и уборщице в подземном переходе, о солдате, зарытом в шар земной, и о ефрейторе Дядине, сыгравшем Гамлета...

И разве эти «стихи не о себе» поведали нам о личности их авторов в меньшей мере, чем иные, откровенно выворачивающие наизнанку свое «я», не приблизили к нам личность по-настоящему значительную, глубокую и духовно зрелую?

Сухую травинку в губах
придержу,
От частного к целому
перехожу,

— сообщает нам молодой способный поэт в начале своего стихотворения. Но оказывается, сделать «шаг, да и то небольшой» к целому, точнее, целостному, поэтическому миру не так-то просто. Дело даже не в том, что «здесь кто-то уже проходил, оброня кусок сокровенного ясного дня», а в том, что свой собственный, поэтический, ценностный мир, если он автором создан, должен отражаться, просвечивать в каждом отдельном стихотворении. А вот другое стихотворение того же поэта:

В субботу, непогожим утром,
содрав, как джинсы,
плоть идей,
я стану пламенем и углем
и обожгу сердца людей.
Туманным символом,
Наменом
явись в космической пыли,
и обращу их взор
к истокам
родной незнаемой Земли.
Притихнет ручеек рассудка,
и чувство опалит, как лед,
и упоительность поступка
в такие бездны зашвырнет!

Надо полагать, упоительно себя зашвыривать в жизнь и в космические бездны — хотя бы в воображении — точно так же, как — по мановению волшебника — «в субботу, непогожим утром»... стать... пророком — «пламенем и углем» жечь сердца людей... Как мы помним, пушкинский пророк (ассоциации с ним у нашего поэта подчеркиваются), прежде чем стать пророком, много страдал и выстрадал в конце концов свое право на поэзию как на вместилище всего космоса человеческой жизни, ее жгучих общественно важных проблем, в том числе и трагических, — право, перед которым наиновейшие манипуляции с модной космической темой выглядят не более чем кокетством, невинными промахами незрелого вкуса...

Можно написать свою «последнюю строку», так называется стихотворение, которое мы процитировали, как и «завещание» (это сейчас модно!), но будет ли она хотя бы первой строкой на пути к подлинному поэтическому открытию?

Мы привели в нашей статье некоторые стихи молодых поэтов А. Молдавской, А. Еременко, П. Кошеля, а также В. Куприянова, Ал. Ревича, Л. Озерова, Е. Евтушенко, Р. Казаковой, которые не соответствуют их имени и тем лучшим образцам, что созданы ими...

...Что ж, диалектика соотношения имени и произведения непроста, и правильное понимание ее потребует от сегодняшнего читателя дополнительных усилий ума и чувства.

ДИАЛОГИ, ДИАЛОГИ...

Анатолий КАЛИНИН и Василий ФЕДОРОВ.

Ян КРОСС и Леннарт МЕРИ

Фото А. КАРЗАНОВА

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, РЕЦЕНЗИИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА

Толгин Касымбеков. «Зрелость». Роман и повесть. Перевод с киргизского Л. Лебедевой. Издательство «Советский писатель». М. 1981.

После исторического романа «Сломанный меч» имя киргизского прозаика Т. Касымбекова прочно вошло в общесоюзный литературный обиход. Новая книга писателя, включающая в себя роман «Зрелость» и повесть «Хочу быть человеком» в добротном переводе Л. Лебедевой, представляет его как прозаика, остро и интересно размышляющего о современности.

Роман и повесть объединены между собой многим, оба они о маленьком киргизском селе по кыштаке и тут, и там на тему возмужания молодого человека, становления характера, испытываемого в столкновении с косностью, продиктованными патриархальными нравственными, оба произведения пронизаны светом лирической интонации, жизнеутверждающим настроением. Общность эта показательна, учитывая, что повесть написана в 1960 году, а роман — в 1975-м, правомерно увидеть в авторском почерке столкую приверженность к определенному жизненному материалу, кругу образов и идей.

Повесть завершается на лирической ноте признанием в любви к «малой родине»: «Передо мной был наш кыштак. Здесь я родился и вырос и думал в детстве, что белые остроконечные вершины гор на горизонте и есть край земли. Теперь я знаю, как широк мир, но для меня все же нет ничего дороже этого хорошего родного уголка... Вот он, мой дом, мой край, такой до боли любимый, такой привлекательный...» И с этим же ноты начинается роман — выпускник филологического факультета Эсен Джаинаков возвращается в родное село, где прошло его детство и где он будет преподавать в школе русский язык. «Воздух родных мест имеет особые свойства... Давно он уехал отсюда, очень давно, теперь он уже взрослый, но подойди к нему сейчас кто-нибудь с теплым, душевным словом, он, вероятно, расплакался бы».

Признания такого рода, выхваченные из контекста, подчас могут показаться лирической риторикой, но в прозе Т. Касымбекова они органично вырастают из всей художественной ткани повествования. И роман, и повесть насыщены поэтическими описаниями природы, этнографическим колоритом, бытовыми деталями народной жизни, фольклорными акцентами. Особенно интересна в этом смысле вторая часть романа, с ее сценами на горном пастбище — джайлоо, словно бы эстетически уравновешивающими суровые воспоминания о детстве героя, о киргизском кыштаке военных лет.

Однако автор вовсе не ставит себе целью рисовать этакие пейзанские пасторали. В школе, куда приезжает герой «Зрелости», учеников учат кое-как, процветает погоня за дутыми показателями успеваемости, распоясавшийся директор ведет себя как в собственной вотчине, а жулик-завуч плетет интриги, чтобы занять его место.

Отзвуки прошлого до сих пор гулко резонируют в настоящем и если в романе рассказывается, как насильно пытались в юности выдать мать Эсена замуж за старика, утратившего большой калым, то в повести подобная история разыгрывается в наши дни. Герой повести юноша Асыл волей родителей укрыт от жизни и долго не может решиться на бунт, «стать человеком». Неограниченный патриархальный авторитет отца, не нуждающийся в каких-либо реальных обоснованиях, требует слепого подчинения сына чье воспитание до поры до времени не позволяет и ему усомниться во всемогуществе родительской власти...

Таким образом персонажи Т. Касымбекова поставлены перед необходимостью преодолеть серьезное сопротивление «среды», либо внешней (как в романе), либо внутренней (как в повести), и это преодоление положено в основу художественного конфликта обоих произведений. С этой точки зрения, однако, роман кажется более уязвимым, чем повесть: победа дается его герою крайне легко и как бы заранее обеспечена, а фигуры завуча Джорокула, директора школы Бийбалы или преподавателя киргизского языка Баймата, опустившегося и беспринципного человека, решены скорее в жанре шаржа, нежели в реалистическом ключе.

Сам образ главного героя романа, впрочем тоже несколько однолинеен и риторичен в монологах. Ему явно не хватает тех живых красок, которые сквозят в престижном силуэте девушки Аймы и «семейном портрете» ее родителей — старого чабана Кадыркула и Зеркал на фоне «интеьера» юсты. Психологическую непроявленность действия автор пытается возместить нагромождением событий и эпизодов, которые, однако, в свою очередь, требуют мотивировок и подчас выглядят недостоверными и случайными (я имею, например, в виду почти «приключенческую» историю со скрывшимся после войны отцом Эсена, выполненную в любопытной форме драматургической «вставки», эпизод с одинокой женщиной, которая привела героя ночью к себе, и т. п.).

В отличие от романа, неровного по своему художественному уровню, чередующего яркие, сильные эпизоды со страницами, написанными поспешно и пунктирно, повесть производит впечатление вещи гораздо более цельной и своеобразной по замыслу. Она выдержала испытание временем десятилетиями и с интересом читается до сих пор. Крайне любопытно, что, созданная во времена так называемой «молодой прозы» и отразившая распространенную сюжетную ситуацию литературы того периода (юноша, не поступивший в вуз и столкнувшийся с реальной трудовой жизнью), повесть была одним из немногих произведений, решавших эту ситуацию на деревенском материале, причем на материале, как мы уже видели, национально специфическом. А с другой стороны, фигурой отца героя, старого демагога и бездельника из бывших «активистов», Т. Касымбеков не только вывел достаточно необычный для своей родной литературы тип, но и предугадал некоторые художественные тенденции общего характера (мне вспомнился, в частности, в связи с этой фигурой Авинер Козонков из «Плотницких рассказов» В. Белова).

В целом книга Т. Касымбекова дает немалый повод для размышлений и надо полагать, будет с интересом встречена читателями.

Вадим КОВСКИЙ

ДВОЙНОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Павло Загребельный. «Мгновения утаины». Издательство «Радянський письменник». Киев. 1981.

В современной литературе [illegible]

[illegible]

В [illegible] — [illegible] — [illegible] —

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Ояра ВАЦИЕТИСА

Так уж случилось, что два поэта, не сговариваясь, написали о третьем. И в редакции «ЛГ» оказалось два материала.

Каждый автор, разумеется, по-своему подошел к этой теме. Так, Петерис ЗИРНИТИС считает, что жизнь поэта — в его стихах и писать о Вациетисе — значит прежде всего говорить о поэзии. Янис ПЕТЕРС же задался целью рассказать о личности Ояра.

Оба статьи как бы дополняли друг друга, и мы решили свести их воедино — получился довольно необычный жанр «заочного диалога».

«ТРЕЩИНА МИРА ПРОХОДИТ ПО СЕРДЦУ ПОЭТА»

П. З. По длинной лиственничной аллее идет нам навстречу светловолосый латышский юноша. Он держит путь из далеких ныне пятидесятых годов.

Отправившись тогда в дорогу, Ояр и сам еще не знал, что со временем напишет об этой аллее стихотворение. Оно зазвучит со сцены, по радио и телевидению, его строками украсят фасады сельских домов культуры. Юноша придет в Ригу из тихой северной провинции Латвии — Трапене, чтобы потом всю жизнь бороться с душевным провинциализмом. Чтобы создать такой поэтический образ — пейзаж лиственничной аллеи, — который для многих станет зримым воплощением чувства Родины.

В тот давний день, когда над головой Ояра шелестели раскидистые лиственницы, он и не подозревал, что его стихи переведут почти на все языки нашей многонациональной страны и на языки многих народов мира. Не знал, что за эти строки одни полюбят его, а другие станут с ним враждовать. Что солидные критики и литературоведы, словно мальчишки, будут затевать чуть ли не потасовки, споря о его творчестве. А потом напишут о нем целые тома. Не думал он ни о славе, ни о титулах. И, конечно же, у него и в мыслях не было, что после Яна Райниса, Мирдзы Кемпе и Яна Судрабкална его назовут народным поэтом Латвии.

По бесконечной аллее шагает романтически настроенный юноша... Но уже в ту пору он твердо знал: каждый человек обязан исполнять свой долг на этой земле.

Вовсе не так уж много поэтов, чье творчество можно было бы назвать «ездой в неизведанное». Разрушитель застывших канонов, Ояр Вациетис в каждом новом сборнике разрушает и свои собственные, чтобы в следующей книге возродиться вновь — благодаря неиссякающей в нем вере в Человека, в идею дружбы и братства народов. В той же мере неистребимо в Вациетисе и чувство иронии, непримиримого отношения к обывательщине, бюрократизму, ко всему тому, что порабощает дух, стремится уничтожить в человеке человеческое. На смену юношеской порывистости первых сборников (в начале пути кажется, что «пороги обходить некогда») пришли зоркость и острая наблюдательность. Восемнадцать книг написал Вациетис. И после каждой — яростные споры критиков и читателей...

Я. П. Ояр не ангел, далеко не ангел. Он может не явиться на собрание, покинуть своих гостей в самый неподходящий для этого момент. В первый миг недоумевавшь — ну, как же так можно?! Но тотчас смиряешься: ему же надо писать, и он напишет, да еще как напишет! В нем каким-то удивительным образом уживаются аскетизм, безжалостное отношение к самому себе, самоотверженная любовь к людям и... загадочная отстраненность от них. В этом и заключается двойственность характера Вациетиса: в быту с ним порою трудно, и своим искусством он словно хочет заслужить себе прощение за это.

...День летнего солнцестояния. Мы едем праздновать его за город. Далеко, куда-то под Вайдаву. Мы спешим навстречу празднику, и настроение у нас приподнятое: веселимся, острим, немножко зубоскалим. Лишь Ояр молчит.

Неожиданно, всего-то через час после нашего приезда, он собирается домой. Упрашиваем его остаться, пожимаем плечами, переглядываемся, просим жену повлиять. Она грустно улыбается и качает головой: «Если Ояр так хочет, ничего не поможет». И он уехал, хотя раздобыть машину казалось невозможно.

Потом я долго размышлял над этим случаем и, кажется, понял: поэта тогда возмутило наше мелкое критиканство, наши длинные, неуемные языки. Вациетис не терпит подобного остроословия. Для мастера сатирических стихов черта, казалось бы, довольно странная. Но ведь сколь огромно расстояние между злыми разговорчиками в тесной компании и острой гражданственной сатирой. Сатирик — своего рода хирург и целитель.

Что написал Ояр в своей квартире в Задвиньи той ночью, когда мы остались в Вайдаве? Может, тогда и родились строчки, посвященные дню солнцестояния, — такие правдивые и глубокие, что дух захватывает. Уверен, много написано им вот так — «издалека». В этом он схож с теми пейзажистами, которые предпочитают работать не на натуре, а в мастерской. Ояр подолгу вынашивает свои темы, и они как бы всегда стоят перед его умственным взором. Как-то, сидя в ресторане аэропорта Спилве, он провозгласил тост за каждый самолет, поднимающийся в воздух. Да, и в тех самолетах, которые ушли в небо без него, Ояр облетел весь мир.

П. З. Эффект присутствия, острого сопереживания характерен для стихов Ояра Вациетиса, даже если речь в них идет о событиях, свидетелем которых он быть не мог. Поэт принадлежит к тому поколению, которое видело ужасы войны, сложные человеческие отношения и судьбы послевоенных лет через призму детского восприятия. Об этом он написал в своей единственной прозаической книге «Глазами тех дней». Вообще же ненависть к войне у него глубоко личная. Может, потому его антивоенные стихи так захватывают, берут за душу:

Товарищ врач!
После операции прошу
вернуть мне этот осколок.
Он жил по соседству
с сердцем,
стенка была тоньше
папиросной бумаги,
и он все подслушал.

А самое главное —
нельзя отпускать
на свободу осколки,
которые побывали в груди
человека
и знают туда дорогу.

Я. П. Вациетис на редкость восприимчив к человеческим бедам и горестям. И, когда вспоминаешь, как часто ему приходится испытывать душевную боль, становится страшно за него.

Оголенная ветрами земля уже без снега, но еще без цветов. И чье-то бессонное окно в ночи. И война. И девушка на заднем сиденье автобуса, раздетая бесстыдным взглядом. Ояр хочет ее защитить. Пытается уберечь ее в стихотворении, как в защитном коконе. И не может спасти.

В нем будит боль снег в Будапеште. И Ангола. И зверства путчистов на стадионе Сантьяго. И все, что у нас не ладится. И весеннее золото одуванчиков. И маленькая секретарша Марите.

Но, кажется, я почти цитирую, хотя обещал не делать этого. Ведь моя задача — писать, в первую очередь, о личности поэта.

Лирический дар Ояра Вациетиса, как тончайший музыкальный инструмент, улавливает мировую гармонию, звучит ей в унисон, чутко реагирует на малейшие диссонансы. И уже сам поэт, словно ученый-исследователь, подключает к себе адаптеры, переносит нечеловеческие нагрузки и хочет он лишь одного — чтобы люди услышали и поняли тревожную музыку нашего времени.

Неустанный духовный поиск, напряженный творческий труд — на эту «волну» настроена вся жизнь Вациетиса, начиная с каждодневного распорядка и кончая мелочами быта, в чем-то, может, даже и аскетического. Поэт живет в деревянном доме без так называемых удобств. Одно время он не позволял делать в своей квартире капитальный ремонт, наверное, «чтобы не закрасили начисто годы поэзии». Собранность и простота проявляются и в его внешнем облике: в его манере одеваться нет и намека на респектабельность или пресловутый «художественный беспорядок» с нарочитым отсутствием пуговиц. Ояр не умеет водить машину. Почетное место на его книжной полке занимает «Красная книга» — о тех представителях мировой флоры и фауны, которым грозит уничтожение.

П. З. «Дух гражданственности живет в каждой строке Вациетиса...» — сказал как-то украинский поэт Иван Драч. Я бы добавил: и в каждом его поступке, в каждом жесте, в каждой детали его жизни.

Когда у нас отмечался юбилей Есенина, в периодике появились его стихи в переводах Вациетиса — даже наповторимая «Шаганэ», которую, казалось бы, вообще невозможно перевести на какой-либо другой язык из-за ее глубоко русской, есенинской основы. Но Есенин, воспроизведенный Вациетисом по-латышски, живет. Потом Вациетис перевел «Мастера и Маргариту» Булгакова. Один корреспондент спросил его, почему он, поэт, взялся за перевод такого сложного прозаического произведения. Вациетис ответил, что ему просто было стыдно, что этот роман еще не переведен на латышский... Перевод сделан на одном дыхании, свободно и естественно.

Я не звонил директору национального парка «Гауя» и не уточнял, сколько поступило пожертвований на их счет после того, как в газете выступил Ояр Вациетис. А ведь он сказал совсем простые слова — только напомнил, что надо помочь природе. Но я знаю, его призыв к общественности не остался без ответа, ведь слова эти сказал столь авторитетный человек.

Трещина мира проходит по сердцу поэта... — как точно этот образ подходит к Вациетису, поэту и гражданину!

Теперь возможен костер,
погасить который
у человечества не хватит
крови —
оно истратит всю
до последней капли,
а мир останется
горящим.

Его стихи предупреждают. И поэт имеет на это право, так как видит дальше и зорче многих.

Уже металл ультразвуком
режем
Что же со звуком
твоего голоса,
разум?

Твой голос опять заглох,
а это всегда
к беде.

Кончился перерыв,
пресс-конференция — тоже.
Мы создали ее потому,
что еще недавно
мог Эйнштейн спастись
за океаном.
Теперь уже негде
ему спастись.

Я. П. Творчество Ояра Вациетиса вот уже двадцать лет привлекает к себе сосредоточенное внимание критиков, литературоведов и всех тех, кто ищет путей постижения действительности во всей ее сложности и многообразии. Органичное сочетание гражданственности с проникновенным лиризмом, современных интонаций, нередко злободневных тем с широкой исторической панорамой — в этом, по-моему, и заключается сила и притягательность его поэзии.

Петерис ЗИРНИТИС,
Янис ПЕТЕРС

РИГА

Н. ФЕДОРЕНКО, член-корреспондент АН СССР

МУДРОСТЬ МУДРОСТИ РОЗНЬ

НАЗРЕВШИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ АФОРИСТИКИ

АФОРИЗМЫ — краткие, образные, яркие суждения, метко характеризующие жизненные явления, — неизменно привлекали внимание людей. Великие создатели революционной теории К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин высоко ценили и широко использовали афористику в своих трудах, в своей полемике с идейными противниками, и сами оставили нам немало крылатых слов.

Некоторые выдающиеся писатели не только являлись создателями афоризмов, но и коллекционировали афоризмы, составляли книги. Л. Н. Толстой собирал афоризмы, сентенции, максимы и, присоединив к ним собственные афористически выраженные мысли, издавал сборники, которые ставил выше своих произведений, постоянно обращался к ним, даже перед смертью просил читать ему из них выдержки. А. М. Горький всегда придавал большое значение афористике и сам намеревался издать сборник афоризмов русских писателей, о чем, в частности, рассказывает П. А. Павленко.

Значение афористики поистине трудно переоценить. Афоризмы расширяют кругозор читателей в определенной области, побуждают их к размышлению, к собственной оценке тех или иных явлений. Афоризмы, несомненно, имеют большое воспитательное значение. Они обогащают речь человека, придают ей образность и красочность.

В нашей стране афористика издается как в виде творчества одного автора, так и в виде сборников многих авторов. К числу первых можно отнести книги Ларошфуко, Лихтенберга, Шота Руставели и т. д. Сюда же относятся труды наших советских сатириков. Советской афористике свойственны социальная значимость, жизнеутверждение, искрометное остроумие. Ее меткое, разительное слово реально ощутимо и в идеологической борьбе, и в деле искоренения перекитков и различных бытовых неурядиц.

Что касается сборников афоризмов различных авторов, то нельзя сказать, что с их изданием все обстоит благополучно. Первым опытом послереволюционного времени можно считать сборник Н. и М. Ашукиных «Крылатые слова», выпущенный в 1955 году, затем был издан сборник И. Тумаркина «Золотые россыпи». В шестидесятых годах вышел ряд сборников: «В мире мудрых мыслей» — С. Карин, «Мысли и афоризмы» — П. Ландесман и Ю. Согомонов, «Афоризмы» — Е. Райзе, «Умное слово» — А. Соболев, «Древнеиндийские афоризмы» — А. Сыркин, «Афоризмы по иностранным источникам» — Я. Берлин, «Слово о книге» — Е. Лихтенштейн. В семидесятых годах были изданы: переработанный сборник Я. Берлина, «Афоризмы» С. Игнатьева, «Цзацзуань» И. Циперович, «Слово о науке» Е. Лихтенштейна и в нескольких изданиях вышла книга афоризмов В. Воронцова «Симфония разума».

Как видно из этого перечня, семидесятые годы не обозначились увеличением выпуска сборников афоризмов, скорее произошло сокращение. Между тем подобные сборники пользуются огромным спросом у читателей и сразу после выхода в свет становятся библиографической редкостью. Их не найдешь не только в книжных магазинах, но и в библиотеках, они нередко исчезают даже из читальных залов.

Сборников афоризмов выпускается явно недостаточно, вместе с тем следует отметить, что и качество их оставляет желать лучшего. Если просмотреть внимательно сборники афоризмов, вышедшие в последние годы — книги В. Воронцова и Я. Берлина, то в них, при всем положительном и ценном, что отмечалось уже критикой, можно обнаружить существенные недостатки. Здесь встречаются достаточно спорные изречения или же афоризмы, в отрыве от контекста изменяющие изначально заложенный в них смысл. Вот примеры из книги «Симфония разума». О людях: «Есть люди, которые становятся скотами, как только начинают обращаться с ними, как с людьми». «Человек не ангел и не животное, и несчастье его в том, что чем больше он стремится уподобиться ангелу, тем больше превращается в животное». «Старик, если только он не очень умен, всегда высокомерен, спесив и неприступен». О науке: «Нельзя стать узким специалистом, не став, в строгом смысле, болваном». «У ученого часто чего-нибудь недостает: или краски, или движения, или перистальтики, или желудочного сока, или того, что называется здравым смыслом». О семье: «Самый умный мужчина становится глупцом, когда он любит...»: «Жениться — это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности».

А вот примеры из книги Я. Берлина «Афоризмы по иностранным источникам» (М., 1972): «Можно пользоваться совестью, но, подобно фантазии и желудку, ее нельзя перегружать». «Величие и доброта редко встречаются в одном человеке».

Перечень этот можно значительно увеличить. Добавим, что в дореволюционных изданиях сборников антигуманных и пошлых афоризмов можно было встретить множество. И если теперь не обратить на это должного внимания, они вновь начнут проникать в сборники.

Я. Берлин располагает афоризмы в алфавитном порядке фамилий авторов, но почему-то, нарушая этот принцип, афоризмы К. Маркса и Ф. Энгельса помещает после шуточных афоризмов М. Твена. При таком размещении развлекательных и серьезных афоризмов они не воспринимаются должным образом. Иногда «соседство» разностилевых афоризмов встречается и в книге «Симфония разума». На стр. 479 после фривольного афоризма Декурселя «Развод — это предохранительный клапан супружеского котла» следует философское суждение В. И. Ленина о взаимосвязи свободы развода с укреплением семьи. При подборе афоризмов, думается, следует не только размещать их по смыслу, но и «по тональности», то есть серьезные философские высказывания не перемешивать с шуточными.

Общим недостатком сборников афоризмов является отсутствие ссылок на произведения, из которых взяты афоризмы. Это исключает возможность уточнить афоризм и понять, применительно к каким обстоятельствам он создан. Справедливо отмечается, в том числе и в печати, что основной недостаток изданных сборников афоризмов — в полном отсутствии справочного аппарата. Конечно, подобное требование весьма усложняет работу составителя: исключается возможность использования ранее вышедших сборников. Однако не самостоятельное извлечение афоризмов из сочинений, а их заимствование делает сборники однотипными, похожими друг на друга и, кроме того, обусловливает появление в них ошибок.

Из всего сказанного смело можно сделать заключение, что сборников афоризмов у нас выпускается крайне недостаточно и качество их не находится на должной высоте. В значительной мере причина здесь в том, что издание сборников афоризмов носит случайный, неорганизованный характер.

Сейчас, как никогда, нужны коллекционеры мудрых мыслей — «опытные лоцманы книжных морей», «ловцы жемчуга», как их справедливо называют. Такие люди у нас, конечно, есть. Собирают афоризмы многие, составляют сборники многие, предлагают издательствам — тоже многие. Издательства же им отказывают, мотивируя отказ тем, что эти работы не соответствуют их профилю и что планами издательств выпуск подобных книг не предусмотрен.

Чей это профиль, остается неизвестным, но зерно истины в таких отказах есть. Выпуск книг по афористике — дело не простое, тут особая специфика, которая требует соответствующих знаний и опыта.

Возникла настоятельная необходимость в создании специального научно-исследовательского центра с собственным издательским органом, задачей которого являлись бы организация, обработка и распространение изданий по афористике, а также по родственной ей области — по фольклористике. В настоящее время сбор и издание такого драгоценного народного достояния, как пословицы, поговорки и частушки, носят также случайный характер и тоже очень нуждаются в надлежащем упорядочении.

Говоря об афористике, следует подчеркнуть назревшую необходимость издания книг афоризмов великих писателей — Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, А. М. Горького и других писателей, творчество которых изобилует афоризмами. Важно извлечь из многотомного наследия великих писателей ценнейшие залежи мудрости и приблизить их к читателю.

Что касается создания и выпуска сборников афоризмов различных авторов, то следует оговорить, что под этим названием в данном случае надо разуметь и сборники цитат, мыслей, высказываний, крылатых слов и тому подобное. В первом приближении сборники афоризмов всех видов можно подразделить на энциклопедические и тематические. Энциклопедические сборники с обширным охватом материала могут составляться, например, по типу книги цитат Б. Стивенсона (Лондон, 1947), имеющей около 2500 страниц, где на каждое предметное слово, поставленное в алфавитном порядке, приводятся цитаты разных авторов. Такие капитальные труды, очевидно, должны разрабатываться группой составителей, так как одной жизни для этого не хватит. Энциклопедические сборники весьма нужны для постоянной работы большому числу лиц умственного труда — лекторам, педагогам, учащимся, журналистам, библиотечным работникам и т. д. Тематические сборники, например, о воспитании, о природе, о нравственности и пр., вероятно, могут быть не так обширны по материалу, как глубоки по содержанию. Подбор и расположение афоризмов в них, как показал опыт, нужно производить в смысловом порядке, в определенной логической последовательности.

Особое внимание следует уделить разработке и изданию сборников афоризмов, мыслей, цитат, высказываний классиков марксизма-ленинизма. Нельзя считать нормальным, что при обращении к библиографам за уточнением цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма люди получают для справок беспомощные сборники афоризмов, а иногда и рекомендации заглянуть в зарубежные сборники, где можно найти цитаты из произведений В. И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса с указанием названия труда, тома и страницы. Сборники афоризмов из произведений классиков марксизма-ленинизма очень нужны, и их отсутствие, несомненно, снижает уровень лекционно-пропагандистской работы.

Все афоризмы в вышеназванных типах сборников должны иметь, как правило, ссылки на произведения, из которых они взяты. Сборники без ссылок не оправдают полностью своего назначения, и их издание вряд ли целесообразно.

Сборники афоризмов по своей сути являются драгоценными слитками коллективного человеческого разума. Подлинные афоризмы утверждают и воспитывают тягу к значиям, величие и чистоту нравственных начал, чувство прекрасного в жизни, в людях, богатство и утонченность культуры речи. Немаловажным свойством для нашего перегруженного, напряженного времени является краткое изложение мыслей, присущее афористике. Огромное тяготение наших читателей к этому литературному жанру нельзя игнорировать. Настало время отнестись со всей серьезностью к проблеме афористики во всех ее видах.

Студия графики

Иллюстрация художника Мюда МЕЧЕВА к карело-финскому эпосу «Калевала».

С выставки «Гравюра в книге»

ПРАВДОПОДОБНОСТЬ НЕОБЫЧАЙНОГО

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

К 75-летию со дня рождения Ивана ЕФРЕМОВА

ПРОЧЕЛ недавно запись Дмитрия Кедрина о том, что писателя в очень большой мере делает его биография, и сразу подумал об Иване Антоновиче Ефремове. Замечательный писатель прошел впечатляющую школу жизни. Он был воспитан красноармейской ротой задолго до появления повести В. Катаева «Сын полка», ходил старшим матросом на моторном боте. Экстерном закончил институт, защитил докторскую диссертацию.

Крупный палеонтолог, участник и руководитель экспедиций в Закавказье, Средней Азии, Якутии, на Дальнем Востоке, он создал себе научное имя открытием «кладбища драконов» (скопления костей динозавров) в пустыне Гоби и разработкой новой науки — тафономии, определяющей закономерности залегания остатков древних животных. Наука эта оказалась очень нужной геологам, ищущим поленные ископаемые. Государственная премия стала наградой талантливому ученому.

Геология, конечно, была близка Ефремову. Ведь именно он возглавлял изыскательскую партию, разведывавшую в 30-е годы трассу нынешнего БАМа. И не случайно бамовцы ставят сейчас вопрос о присвоении одной из станций имени Ивана Ефремова. Это было бы достойным памятником не только первопроходцу БАМа и ученому, но и писателю-фантасту, первые произведения которого появились тогда, когда переполнявшие его идеи не могли уже вмещаться в одних лишь научных трудах.

Воображение и мысль Ефремова, подобно лучу прожектора, проникали и в далекое будущее мудрого коммунизма (роман «Туманность Андромеды»), и в древние исторические времена (повесть «На краю Ойкумены» и роман «Таис Афинская»), и в глубь современности, где зреют зерна грядущего (роман «Лезвие бритвы»).

Сразу же после публикации первых рассказов Ивана Ефремова (это было около четырех десятилетий тому назад) Алексей Толстой отметил присущую им «правдоподобность необычайного». Время показало, что многие фантастические идеи и проекты Ефремова обладали еще и убедительностью научного прогноза. Так, рассказ «Тень Минувшего» вдохновил профессора Ю. Н. Денисюка на изобретение голографии, позволившей получать объемные изображения предметов. Геологи, открывшие месторождение якутских алмазов, носили в своих полевых сумках книжку с рассказом «Алмазная Труба». И драгоценные камни были обнаружены по соседству с местом действия этого рассказа, а английские читатели после рассказа «Катти Сарк» нашли прославленный парусник и поместили его на вечную стоянку в музей.

Чрезвычайно широк диапазон размышлений в книгах Ефремова: о красоте и гармонии коммунистического общества, о неисчерпаемости творческих возможностей человека, о системе образования и воспитания, о долге и ответственности, о неизбежном торжестве бесклассового общества, которое в мечтах писателя охватывало не одну нашу планету, а все Великое Кольцо Миров.

Мне привелось быть соратником Ивана Ефремова по жанру, взаимно делиться с ним замыслами и мнениями. Он, как и я, не принимал пессимистических фантасмагорий модного на Западе фантазирования ради фантазирования, не принимал произведений, которые никуда не зовут, ничему не учат, осуждал подражательность некоторых наших фантастов. Зато он живо интересовался книгами, в которых всерьез затрагивались процессы, характерные для современного общества.

Мне вспоминается беседа с ним по поводу вышедшего в 1964 году моего романа «Льды возвращаются» — о возможном возвращении западного мира к политике «холодной войны» (подобно новому ледниковому периоду). Он с серьезностью отнесся к этому моему прогнозу, увы, ныне подтвердившемуся. Снял с полки книгу и прочитал рассуждение Даннинга о факторе прибыли, приведенное Карлом Марксом в «Капитале» (теперь я взял эти слова эпиграфом к новому изданию романа): «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы...»

Прочитав этот текст, невольно напоминающий о Нюрнбергском процессе, Иван Антонович заговорил о том, что «холодная война», как воздух, нужна монополистам военной индустрии для личного обогащения. Но оправдываются они, запугивая пресловутой «советской угрозой» и военным превосходством, которое якобы достигнуто Советским Союзом.

И когда нынешняя американская администрация уверяет, будто Советский Союз превзошел ядерную мощь НАТО и угрожает Западу, я вспоминаю тот давний разговор с Иваном Ефремовым.

Ефремов твердо верил в победу разума над безумием, и в этом была его сила ученого и художника, сила, позволяющая и сегодня чувствовать его рядом с нами.

Александр КАЗАНЦЕВ

ЗА СТРОКОЙ КНИГИ

ЛЕНИН: Петербург, 1893 год...

Читатели четвертого номера журнала «Октябрь» смогут познакомиться с повестью В. ЕРАШОВА «Начало», посвященной петербургскому периоду деятельности Владимира Ильича Ленина, его участию в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Наш корреспондент обратился к писателю с просьбой рассказать о работе над этой повестью.

— Впервые потребность вывести на страницы книги образ В. И. Ленина возникла у меня в пору работы над исторической повестью об Андрее Бубнове, — говорит Валентин Петрович. — Там было всего несколько эпизодов, связанных с великим вождем. Но для меня они были чрезвычайно важными и ответственными.

Мечтая нарисовать портрет Ленина таким, каким он мне видится. Попытался сделать это и в своей новой повести «Начало». По сути, она является фрагментами большой работы, которая буквально на днях выходит в Политиздате и называется «Преодоление». А главы о Ленине вычленились в отдельную повесть, которая и печатается в «Октябре». Речь в ней идет о первом периоде революционной деятельности В. И. Ленина, о его жизни в Петербурге. Сюда он приехал 31 августа 1893 года и до ареста в декабре 1895 года работал в одном из крупнейших объединений рабочих кружков, которое потом было сформировано как «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Вместе с группой студентов-технологов, как их тогда называли, Владимир Ильич принимал в этом союзе самое активное участие. Но, вероятно, важнейшая его заслуга была в тот период в том, что он вывел в эту центральную организацию рабочих.

В. И. Ленин в своей статье «Из прошлого рабочей печати в России» упоминает два имени рабочих: широко известного И. В. Бабушкина и менее известного В. А. Шелгунова. Вот, собственно говоря, эта строка статьи и стала основным импульсом моей новой работы. О Бабушкине уже много сказано. Вышла о нем, на мой взгляд, очень интересная книга А. Борщаговского «Сечень», да и сам он оставил весьма любопытные мемуары. Личность Шелгунова, несмотря на то, что без упоминания его имени не обходится ни одна работа по истории партии, была освещена в литературе гораздо меньше. Изучая материалы об этом замечательном революционере, я понял: неизбежно на первом плане окажется В. И. Ленин, потому что, как говорил сам Василий Андреевич, именно встреча с Ульяновым, которую организовал Герман Красин, и определила всю его дальнейшую жизнь.

— Когда вплотную начал работать над образом В. И. Ленина, — продолжает свой рассказ В. Ерашов, — то столкнулся вот с какой трудностью. Наша художественная Ленинана чрезвычайно обширна и затрагивает практически все этапы жизни и деятельности вождя. В частности, об интересующем меня периоде изданы интересные воспоминания Михаила Сильвина. Это человек с очень любопытной биографией. Когда В. И. Ленин по пути в Петербург приехал в Москву, то пришел с рекомендательным письмом от нижегородских марксистов на единственно известную ему явку — квартиру Сильвина. С этой встречи и началось вхождение Владимира Ульянова в «Союз борьбы». Есть и другие книги на ту же тему. Так, самарскому периоду деятельности Ленина посвящена книга воронежца Е. Люфанова, петербургскому — книга украинского писателя В. Канивца. Мне, вообще-то говоря, пришлось писать о тех же событиях, что и Канивцу. Была опасность повториться, но и была потребность сказать об этом свое слово. Главное для меня было показать, как Владимир Ульянов из пропагандиста, известного под псевдонимом «Николай Петрович», впоследствии становится Лениным.

Как автору повести мне особенно дорога глава, в которой я описываю завершение Лениным статьи «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Хотелось передать ощущение радости: ведь это была первая его печатная работа! Эпизод перекликается с финалом повести, когда вышел первый номер «Искры». Известно, что эту газету Ленин делал буквально собственноручно: был и автором, и корректором, и верстальщиком, и наборщиком...

— Я, историк по образованию, — сказал в заключение писатель, — долго не осмеливался писать об истории. Сначала в свои книги вкладывал личный опыт, то, что знаю и пережил сам. Поэтому первые работы связаны с войной. Позволю себе маленькое отступление: считаю, что вообще приступать к писанию исторических романов можно только имея внушительный багаж и прожитых лет, и знаний. Лишь с годами приходит понимание истории, ее закономерностей, которые невозможно постичь на школьной студенческой скамье, каким бы совершенным ни было преподавание. Думаю, что исторический романист не то чтобы имеет право, а просто обязан иметь собственную концепцию, естественно, основанную на марксистско-ленинской методологии.

В новой повести я попытался показать становление Ленина как революционера. В этом ряду смысл своей работы. Скоро повесть предстанет на суд читателей.

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА

300 КНИЖЕК «ВОПРОСОВ ЛИТЕРАТУРЫ»

25 лет назад увидел свет первый номер журнала «Вопросы литературы». В беседе с корреспондентом «ЛГ» его главный редактор М. Б. КОЗЬМИН рассказал о специфике этого издания, являющегося органом Союза писателей СССР и ИМЛИ АН СССР.

— Журнал «Вопросы литературы» одновременно литературоведческий и критический. Если первый его раздел «Жизнь. Искусство. Критика» отдан статьям, рассматривающим состояние и развитие литературы в связи с движением современной жизни и общественной мысли, то в других разделах публикуются работы по теории и истории литературы. Но это, естественно, не просто объединение литературоведческих и критических статей на страницах одного издания, а своего рода интеграция критики и литературоведения. Думается, что такой подход к критике и литературоведению наиболее интересен и для читателей.

За четверть века журнал получил признание и у нас, и за рубежом. Его выписывают библиотеки и читатели сорока трех стран всех континентов.

Основной смысл работы журнала видим в усилении воздействия критики на развитие нашей литературы с целью повышения ее роли в коммунистическом воспитании советских людей. Надежным ориентиром здесь являются решения съездов КПСС, выступления товарища Л. И. Брежнева, его книга «Воспоминания» и такой очень важный для нас партийный документ, как постановление ЦК КПСС о литературной критике, десятилетие которого мы недавно отметили.

— Как освещается на страницах журнала современный литературный процесс?

— Осмысление современного литературного процесса находится в центре внимания журнала. Развитие литературы анализируется в связи с важнейшими социальными процессами, происходящими в обществе развитого социализма. В статьях и дискуссиях, в беседах с известными писателями получали освещение такие актуальные проблемы, как отражение научно-технической революции в художественном творчестве, характерные черты так называемой деревенской прозы, рабочий класс и тема труда в произведениях последних лет, стилистическое многообразие и идейное единство многонациональной советской литературы. В ряде статей и писательских выступлений говорилось о том новом, что внесла современная литература в художественное воплощение бессмертного подвига советского народа и Великой Отечественной войны. На протяжении всего прошлого года журнал из номера в номер печатал статьи о литературе 70-х годов, стремясь выявить характерные черты и тенденции советской литературы, ее соотнесенность с теми процессами, которые происходят в зарубежных литературах. Были напечатаны статьи о литературах Англии, Франции, Америки и о литературах социалистических стран.

Осмыслению важнейших сторон современного мирового литературного процесса посвящались специальные номера журнала. Таковы были номера о роли литературы в борьбе за мир, о проблемах современного романа, о состоянии и перспективах развития литературной критики.

Особое внимание уделяется литературам стран социалистического содружества. Журнал стремится дать в специальных номерах картину состояния каждой из них. Уже вышли номера, посвященные литературам Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии и Чехословакии. Теперь очередь за номерами о литературах Вьетнама, Кубы...

— Какие крупные теоретические проблемы рассматривались в журнале?

— Можно сказать, что все важнейшие теоретические и методологические проблемы, обсуждавшиеся за четверть века нашими литературоведами и критиками, освещались на страницах «Вопросов литературы». Первый номер появился в дни, когда развертывалась дискуссия о реализме, и она выплеснулась на страницы журнала статьями о реализме критическом и реализме социалистическом, о реализме в литературах Востока, о предпосылках реализма русской литературы и т. д. И дальше, отражая достижения нашей теоретической мысли и ее искания, «Вопросы литературы» ставили и решали такие существенные проблемы, как проблема творческой индивидуальности писателя, вопросы о прогрессе в искусстве, о значении и границах структурного анализа и семиотического подхода к литературным явлениям, о взаимодействии и взаимообогащении литератур народов СССР и литератур стран социализма.

За 25 лет на страницах журнала появилось немало остраполемических статей, разоблачающих реальную сущность буржуазной «массовой культуры» и антиреалистических модернистских направлений, статей, ведущих борьбу против ревизионизма в эстетике и клеветнических измышлений буржуазных советологов. Но идеологическая борьба в наше время не утихает, а с еще большей силой разгорается. И это ставит перед журналом задачу всемерно способствовать новому подъему боевого духа советской критики.

— Какое место занимает на страницах журнала история литературы?

— Естественно, что в журнале — как и вообще в советском литературоведении — продолжается изучение историко-литературного процесса, развития русской литературы в связи с развитием общественной мысли.

— Каковы планы журнала на ближайшее будущее?

— Вместе со всем советским народом мы хотим достойно отметить 60-летие образования СССР. Из номера в номер пойдут статьи о развитии многонациональной советской литературы на благодатной почве зрелого социализма. Нашей литературе, социалистической по содержанию, многообразной по своим национальным формам, интернациональной по духу и характеру, будет посвящен 12-й номер журнала, который выйдет к 60-летию СССР.

ПРАЗДНИК КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Для многих литераторов Москвы субботник начался задолго до 17 апреля. Вот уже почти в течение месяца прозаики и поэты по путевкам Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы выступают в производственных коллективах столицы и области. Полученные средства перечисляются в фонд субботника.

По доброй традиции 17 апреля у проходных московских заводов собирались писательские группы. Литераторы становились на рабочие места, а после окончания смены читали заводчанам свои произведения, рассказывали о книгах товарищам по перу. В этот день бригады прозаиков и поэтов, драматургов и критиков отправились по различным адресам творческого содружества, которое существует между московскими писателями и трудовыми коллективами ведущих предприятий Москвы. Они побывали на ЗИЛе, в цехах заводов «Динамо» имени Серго Орджоникидзе, Второго часового, комбината «Трехгорная мануфактура», на других предприятиях и в учреждениях. Группа литераторов выезжала в подмосковный совхоз «Нара». Писатели столицы приняли участие в благоустройстве города.

Достойным продолжением и завершением субботника стал литературно-художественный вечер для тружеников Краснопресненского района, который состоялся 18 апреля в Центральном Доме литераторов.

В этом году коммунистический субботник проходит под знаком всенародной подготовки к празднованию 60-летия образования СССР. В празднике труда участвовали писатели всех наших братских республик. Они достойно несли в день «красной субботы» свою трудовую вахту.

Наш корр.

МАРШРУТАМИ ПЯТИЛЕТКИ

Город КАРАКУЛЬ. Чингиз АЙТМАТОВ среди строителей Курпсайской ГЭС.

Фото И. ВАЖУТКИНА

ВЕЧЕРА

В Государственном литературном музее прошел авторский вечер лауреата Государственной премии СССР Виктора Астафьева. Писатель поделился с собравшимися своими творческими планами, ответил на многочисленные записки читателей.

* * *

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся творческий вечер лауреата Государственной премии СССР Чабуа Амирэджиби. Председатель — Евг. Евтушенко. На вечере выступили писатели Б. Ахмадулина, М. Кораллов, А. Межиров, Б. Окуджава, В. Орлов, А. Руденко-Десняк, Е. Сидоров, К. Сикворцов.

* * *

В ЦДЛ прошел вечер, посвященный 60-летию со дня рождения Сергея Львова. Председатель — М. Галлай. Вступительное слово произнес А. Турков. На вечере выступили писатели и журналисты Е. Брускова, В. Новохатко, В. Осоцкий, В. Шевелев.

«Фитилю» — 20!

Двадцать лет «Фитилю». Только двадцать! А уже невозможно представить себе наш экран без популярнейшего сатирического киножурнала. Невозможно вообразить, что было время, когда о «Фитиле» еще не знали чинуши и бюрократы, расхитители и взяточники, бракоделы и пьяницы. Сегодня при упоминании о «Фитиле» они нервничают, смертельно боятся попасть в число его «героев». Но попадают, и нередко.

240 номеров журнала, более 800 его сюжетов — это целая коллекция персонажей и явлений, которые мешают нам жить и работать. Это смех, ставший оружием, способный разить и уничтожать. Не случайно выступления «Фитиля» не раз становились поводом для серьезного обсуждения в министерствах и ведомствах, в Комитете народного контроля СССР и в Совете Министров СССР. Не случайно так часто возвращается «Фитиль» к прежним адресам, чтобы сообщить о принятых мерах. Недостатки в хозяйственной деятельности, вопросы охраны окружающей среды, экономии и бережливости, качество товаров широкого потребления и уровень сервиса, морально-нравственные проблемы — вот постоянный круг тем сатириков, взявших на вооружение убедительность кинодокумента, яркость и выразительность игрового кино, емкую образность мультипликации.

Пример «Фитиля» оказался убедительным, у него теперь немало последователей. Сатирические киножурналы выходят сегодня в Азербайджане, Киргизии, Латвии, Молдавии, Таджикистане, Туркмении, Узбекистане. На всесоюзных, на международном кинофестивалях «Фитиль» награждался призами и дипломами. Группа его работников удостоена Государственной премии СССР.

Деятельность «Фитиля» — еще одно свидетельство постоянного внимания, которое уделяет партия борьбе с недостатками и пережитками. Журнал плодотворно работает, способствуя развитию сатирических жанров в искусстве и публицистике.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

На днях в Москве было подписано соглашение о сотрудничестве между Союзом писателей СССР и Ассоциацией португальских писателей. Оно предусматривает дальнейшее развитие контактов и сотрудничества, ежегодное проведение встреч за «круглым столом» и творческих конференций, расширение обмена информацией, взаимную помощь в издании произведений литературы. В частности, в нашей стране планируется издание антологии «Современный португальский рассказ», а в Португалии — антологии советской прозы.

Подчеркивая важность подписанного соглашения, член правления Ассоциации португальских писателей Нуну де Браганса отметил, что оно послужит укреплению сотрудничества между народами Португалии и СССР. «В наше время, — сказал он, — когда так остро стоит вопрос о сохранении мира, мы должны объединить усилия, чтобы нести людям правду о том, что виновен в гонке вооружений, правдиво и честно рассказывать о борьбе за мир и прогресс».

ПРЕМИИ

Союз писателей Белоруссии присудил литературную премию имени Аркадия Кулешова поэту С. Законникову за книгу стихов «Пока живет моя береза». Литературной премией имени Ивана Мележа отмечен одноименный избранного А. Жука «Полустанок возвращения».

■

МГК ВЛКСМ присудил премии Московского комсомола в области литературы и искусства за 1980—1981 гг.

Среди лауреатов — писатели: В. Кондратьев — как автор повести «Сашка», положенной в основу молодежного спектакля; А. Яконтов, прозаик, за литературные произведения последних лет; Ю. Поляков, поэт, за сборники стихов «Время прибытия», «Разговор с другом», активную работу по коммунистическому воспитанию молодежи.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Всесоюзного сатирического киножурнала «Фитиль» орденом «Знак Почета»

За заслуги в развитии советской кинопублицистики и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся наградить Всесоюзный сатирический киножурнал «Фитиль» орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 16 апреля 1982 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Габышева Н. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Габышева Николая Алексеевича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 9 апреля 1982 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Шаймерденова С. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Шаймерденова Сафуша орденом «Знак Почета».

Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 11 апреля 1982 г.

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ В. Г. ХАРИТОНОВА

Секретариат правления Союза писателей СССР утвердил комиссию по литературному наследию В. Г. Харитонова. В состав комиссии вошли: Г. А. Боровик — председатель, А. Л. Дементьев — заместитель председателя, А. Г. Алексин, Ю. Н. Верченко, Г. М. Гусев, Е. А. Евтушенко, В. А. Костров, С. В. Михалков, А. И. Овчаренко, Н. К. Старшинов, В. И. Тельпугов, Д. Ф. Тухманов, О. Н. Шестинский, К. В. Харитонова — секретарь.

Комиссия по литературному наследию обращается ко всем читателям с просьбой присылать письма, документы, фотографии, связанные с жизнью и творчеством В. Г. Харитонова.

Направлять материалы следует по адресу: 103009 Москва, ул. Горького, д. 6, кв. 141, Харитоновой К. В.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

В. А. КАВЕРИНУ — 80 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Вениамину Александровичу Каверину приветствие: «Сердечно поздравляем Вас, одного из старейших советских прозаиков, автора многих талантливых книг, пользующихся широким признанием в нашей стране, с 80-летием со дня рождения.

Ваши романы «Исполнение желаний», «Два капитана», «Открытая книга» прочно вошли в золотой фонд нашей литературы, выдержали много массовых изданий, пришли практически в каждую советскую семью. На раз надавались собрания Ваших сочинений.

■

Свой первый рассказ Вениамин Каверин опубликовал в двадцать втором году. Он стоял у истоков советской литературы и занял в ней свое особое, а потому и прочное место.

«...У вас есть главное, что необходимо писателю: талант и оригинальное воображение, этого совершенно достаточно для того, чтоб... свободно отдать все силы духа вашего творчеству. Наперекор всем и всему оставайтесь таким, каков вы есть».

Такими словами шестьдесят лет назад напутствовал Алексей Максимович Горький начинающего писателя Вениамина Каверина.

И Каверин остался таким, каков он есть».

Способность оставаться самим собой — это не консервация личности, а ее прогресс, развитие тех граней таланта, которые делают писателя самобытным. Литература — дело жизни Каверина. Его книги знает каждый читающий человек в нашей стране, известность шагнула за ее пределы. Но оглядываясь сейчас на долгий и славный путь писателя, мы можем сказать: форма и содержание его произведений менялись, позиция — никогда.

Смелая фантазия, напряженный сюжет, неожиданные повороты действия — качества, выработанные писателем в первом периоде творчества, периоде «Большой игры» и «Конца хазы», обогатили период второй, он начинается романом «Исполнение желаний», когда писатель утверждается в манере, свойственной русской классической прозе: от литературы воображения он перешел к литературе факта, от острого, но мимолетного интереса к явлениям жизни — к глубокому их изучению и отображению.

Тот, кто остается «таким, каков он есть», не стареет. Вот уже сорок лет «Два капитана» — одна из любимейших книг нашей молодежи, на ней воспитались многие поколения советских читателей. Нужно быть очень молодым душевно, чтобы перевоплотиться в юного Саню Григорьева. Мужество в борьбе за справедливость объединило в этой книге автора с его героем.

Борьба за справедливость ведет и героев последующих книг Каверина. В монументальном романе «Открытая книга» писатель смело пошел навстречу драматическим коллизиям, которыми была полна наука в то время. Он создал в этом романе прекрасный женский образ Татьяны Власенковой. Умение писать женские характеры — первейший признак крупного писательского дарования и высокого литературного мастерства. И то, и другое Каверин блистательно подтвердил в романе «Перед зеркалом», создав еще один интересный женский образ — Лизы Тураевой и возродив жанр эпистолярного романа. Мужество пронизывает и повесть «Семь пар нечистых» — вещь, в сущности, эпическую. Мужество утверждается и в романе «Двойной портрет», где автор сумел с большой художественной силой и остротой столкнуть истинную науку с ложной.

На глазах Каверина свершилась история советской литературы. Его долгом было донести до нас портреты своих литературных современников. Каверин этот долг выполнил. Его воспоминания о Горьком, Тынянове, Заболоцком, Маяковском, Фадееве, Гайдаре, Булгакове, Шварце, Всеволоде Иванове, о забытых или полузабытых писателях (Л. Добычин, В. Дмитриев, Д. Хармс, К. Вагинов), его очерки о литературной жизни двадцатых и тридцатых годов дороги каждому ценителю русской словесности.

Но Каверин пошел дальше, применив к мемуарам опыт художественной прозы. «Освещенные окна», «Собеседники» и «Вечерний день» — это книги не бесстрастного очевидца нашей литературной жизни, а бесценные свидетельства ее участника, для которого дорога каждая удача, каждый заслуженный успех.

«Здравствуй, брат. Писать очень трудно...» — так названа одна из книг воспоминаний Каверина. Да, писать трудно. Еще труднее — писать хорошо. Каверин знает это как никто другой. И умеет работать, тоже, может быть, как никто другой. Его книги — эталон высокой писательской культуры, язык его интеллигентен в истинном значении этого слова, его жизнь — пример беззаветного служения литературе.

В мгновенных перерывах между длинными часами работы он гуляет, и я иногда встречаю его на дорожках Переделкина. В свои восемьдесят лет он подтянут, энергичен, рассказывает о романе, который сейчас пишет. И сегодня, в знаменательный для всех нас день его юбилея, хочется сказать:

— Дорогой Вениамин Александрович, всегда оставайтесь таким, каков вы есть!

Анатолий РЫБАКОВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через ваши газеты выразить сердечную благодарность всем организациям, учреждениям и коллективам, читателям, товарищам и друзьям за теплые поздравления в связи с моим шестидесятилетием и награждением орденом Ленина.

Давид КУГУЛЬТИНОВ, народный поэт Калмыкии

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

80-ТОМНАЯ БИБЛИОТЕКА УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Такую библиотеку начинает издавать в Киеве «Наукова думка» («Научная мысль») — республиканское издательство Академии наук УССР. Для осуществления ее выпуска создана редакционная коллегия, куда наряду с известными учеными-литературоведами вошли поэты М. Бажан и Д. Павлычко, прозаики О. Гончар, П. Загребельный и М. Стельмах. Уже в нынешнем году должны выйти двухтомник избранной поэзии Павло Тычины и одноомник произведений первого классика новой украинской литературы периода ее становления Ивана Котляревского — автора «Энеиды», пьесы «Наталка Полтавка» и др.

— Впервые у нас в республике предпринимается такого рода систематизированное научное издание лучших произведений классиков и выдающихся писателей Украины. Оно рассчитано на десять лет и будет состоять из двух серий. Сорок томов посвящены дооктябрьской и сорок — советской литературе, — сказал корреспонденту «ЛГ» директор Института литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР член-корреспондент АН УССР Н. А. Дзеверин, возглавляющий редколлегию «Библиотеки украинской литературы». — Издание практически охватывает всю украинскую литературу, начиная с периода Киевской Руси и кончая нашими днями. Из советских писателей одноотомниками и двухтомниками лучших своих сочинений будут представлены М. Рыльский и В. Сосюра, А. Головко и Ю. Смолич, П. Панч и Ю. Яновский, Остап Вишня и А. Довженко, М. Бажан и Л. Первомайский, А. Корнейчук и А. Малышко, О. Гончар и В. Земляк, М. Стельмах и многие другие выдающиеся мастера. В каждом томе предусмотрено дать развернутое предисловие, историко-литературный комментарий и иллюстрации. Судя по макету, новое издание обещает и с полиграфической точки зрения быть интересным, а о том, что «Библиотека украинской литературы» рассчитана на самый широкий круг читателей, говорит ее предположительный тираж — 200 тысяч экземпляров.

Наш корр.

Совещаются пропагандисты художественной культуры

Состоялось традиционное собрание лекторов секции пропаганды художественной культуры при правлении Всесоюзного общества «Знание», организованное совместно с Союзом писателей СССР, другими творческими союзами и научными институтами.

Открыл собрание заместитель председателя правления Всесоюзного общества «Знание» Ю. Фишевский. Доклад об итогах работы секции за 1977—1982 годы сделал профессор Ю. Лукин. Выступили Е. Исаев, Л. Ошанин, Ю. Суровцев, член-корреспондент АН СССР Г. Ломидзе, директор ВНИИ киноискусства В. Баскаков, секретарь правления Союза художников СССР О. Савостюк.

Завершила собрание встреча с редакцией и авторским коллективом журнала «Дружба народов». В ней приняли участие первый заместитель главного редактора журнала Л. Теракопян, поэты и прозаики А. Адамович, Г. Бакланов, Н. Джусойты, Д. Калиновская, С. Куняев, И. Шкляревский.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НАШ СОВРЕМЕННИК» ПРОСИТ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ НАПРАВЛЯТЬ РУКОПИСИ, ОТКЛИКИ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НОВОМУ АДРЕСУ: 103654, Москва, Цветной бульвар, 32; телефон для справок: 200-24-24

Стихи о Ленине

Средняя школа № 1 города Ульяновска

Фото нашего читателя А. ЩЕКОЛДИНА

Владислав ШОШИН

■

Действительность наша подобна поэме,
Не время нас движет — мы двигаем время,
Нам иначе жить на планете нельзя,
Ведь солнце и звезды мы взяли в друзья.

И солнце, и звезды сияют над нами,
И красной звездою увенчано знамя,
В ней пламень костров Октября не угас,
И Ленин со знамени смотрит на нас.

И Ленин со знамени смотрит орлино
На юные лица Москвы и Берлина.
Он слышит, как дышат Алжир и Ханой
Мечтою о счастье, мечтою одной.

Мечтою о дружбе народов согрета,
На Ленинский вышла субботник планета,
И тысячи песен звучат, как одна. —
Как песня о мире на все времена!

Костер

Чтоб исчезли черной ночи тени,
Чтобы мир был к людям справедлив,
Ночи напролет работал Ленин
У костра близ озера Разлив.

Вспыхивала искра золотая,
Вздрагивала жилка у виска,
Ленин у костра сидел, мечтая,
И смотрел в грядущие века.

Мы об этом вечно помнить будем,
Много лет минуло с этих пор,
Но дорогу в будущее людям
Освещает ленинский костер.

■

Мальчик пускает бумажный кораблик
По ручейку, что спешит в океан,
Годы пройдут.
Над балтийскою рябью
Тронет штурвал молодой капитан.

Наши дерзания — ширококрылы,
Наши надежды — с грядущим на «ты»,
Щедро Отчизна ребят одарила
Парусом алым крылатой мечты.

Все мы свершим, революции дети,
Все, что доверит страна и народ.
В парусе алом — стремительный ветер,
Ленинский ветер,
Зовущий вперед.

НОВОЕ ИМЯ

Всегда интересно читать стихи нового для тебя поэта. Так было несколько лет назад и со мной, когда я впервые познакомился с поэзией Инары Роя, молодой латышской поэтессы.

Первый сборник ее стихов на русском языке назывался «Земли вращенье». Ее трудно спутать с каким-либо поэтом, несмотря на то, что стихи мы читаем не на родном ее языке, а в переводе на русский. В самом деле:

Еловыми поясами
Обвиты Татры до туч,
Горизонт изрубили сабли,
Сабли могучих круч.
В низине смутно и сонно
Вечностью греют холмы.
А сколько отдано солнцу
Белых запасов зимы,
Знают лишь горы...

Всего девять строк, но они СВОИ.

С каждым годом все больше русские читатели узнают молодую латышскую поэтессу Инару Роя, и это очень радостно, ибо ее стихи дают представление не только о самой латышской поэзии, но и о родной для поэтессы земле Латвии.

Анатолий СОФРОНОВ

Инара РОЯ

Слово латыша

Ты — из тех,
О которых слагают бессмертные строки.
Продолжаешься ты
И в сердцах, и в улыбках у нас.
Потому-то сегодня у многих
И взор твой глубокий,
И усталая поступь твоя,
И морщинки у глаз.

Сколько было великих —
История многих вобудет.
Но в Ленина верит. —
Ты стал путеводной звездой.
Улебом правды твоей
Насыщаться история будет,
Не беда, если горькою
Правда бывает порой.

Шли за правдою люди,
Лачуги покинув, казармы,
И, блуждая в потемках,
Искали ее, как звезду.
Но теперь-то мы знаем —
У правды твой взор лучезарный.
Если я на распутье,
К тебе я за правдой иду!

■

За то уходящему дню свой поклон
приношу я,
Что ноги в пыли у меня от нелегких дорог,
Что руки устали держать свою ношу земную,
Что радостным лаем в дверях
меня встретил щенок.

За то, что мне вновь созидания муки
под силу,
За то, что я веяла в поле
свой вымолот рожь,
И, наземь упав от усталости, благословила
Высокие звезды, взошедшие в синей тиши.

А где-то вдали бесконечно шаги шелестели,
И в такт им дрожали столбы,
проводами звеня.
Так много прохожих спешило
к невидимой цели,
И каждый как будто бы
звал за собою меня...

О день уходящий!
Спасибо за песенность лета,
За звуки ноктюрна, которыми дышит покой,
За то, что рукам своим отдых даю
до рассвета,
По лунной серебряной тропке
вернувшись домой.

Перевел с латышского
Сергей ВОЛЬСКИЙ

Максим ГЕТТУЕВ

Салам, башкирская земля!

Салам тебе, башкирская земля!
Поклон тебе от наших горных склонов.
Как гость, я прихожу в твои поля,
В гудение пчелиных перезвонов.
Молочный цвет твоих равнинных рек,
Медовый отблеск каменных предгорий,
Разлив степей, густых лесов разбег
И ширь полей, бескрайняя, как море...
Прекрасен многоцветный твой наряд:
В степи алеют вешние тюльпаны,
И городов созвездия горят
Сквозь влажные вечерние туманы...
Как видеть рад я, сын Кавказских гор,
Суровые отроги Приуралья,
Как веселит мой взор лугов простор,
Как бы покрытый расписною шалью!
Кумысом пенным жажду утоля,
Как мед, твой воздух сладкий я глотаю...
Как ты светла, башкирская земля,
Отчизна Салавата и Мустая!
Ты бережно хранишь свою красу
В озерах синих и садах зеленых,
И безбоязненно в твоем лесу
Проходит к водопою олененок.
И так чиста прохлада горных вод,
Так чист размах небес твоих бездымных,
Как будто первозданно в них живет
Вся чистота сердец гостеприимных.
Что на земле, что в глубях недр земных —
Пусть все народу бескорыстно служит,
Пусть лес могучий вышек нефтяных
С сосновым бором по-соседски дружит.
Башкирский край трудом преображен:
Возводятся дома, растут заводы.
Пусть делом рук людских гордится он,
Не ущемляя красоты природы.
К своим вернувшись рекам и горам,
С тобой мы в братстве навсегда пребудем.
Салам тебе, Башкирия, салам
Твоим лесам, степям, садам и людям!

В горах Приуралья

На утесах древних, —
Словно шрамы, тропы.
Сводит Приуралье
Азию с Европой.
Огибая кручи,
На камнях белея,
Тропы — словно сабли,
Тропы — словно змеи.
Врезаны над бездной
В скальные карнизы,
То взовьются кверху,
То рванутся книзу.
Меж крутых откосов
В чащах Приуралья
Вьются, вьются тропы
Дерзкою спиралью.
Здесь пастух пробрался,
Там прошел охотник,
Тут следы остались
От колонн походных.
Для колес — дороги.
Пешеходам — тропы.
Сводит Приуралье
Азию с Европой.

Перевел с балкарского
Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ

■

Я не уйду.
Во тьме не растворюсь...
Моя надежда,
И любовь, и грусть
В стихах моих останутся,
Когда
За горизонт зайдет моя звезда...

Уже и потому я в жизни прав,
Что я воспел дыханье
Спелых трав,
Суровых гор красу
В родном краю
И горных рек
Звенящую струю.
Я оглядел свое наследство
Вновь,
В нем жарко дышит
К Родине любовь
И, бескорыстьем полнясь до краев,
К тебе, моя Балкария, любовь.
К тебе навеки я приник душой,
Ведь ты —
Частица Родины большой.

Перевела Л. СИМОНОВА

Анатолий ТИТОВ

■

Да будет воспето вовек,
что выдумал сам человек:
телега, лопата, ведро
и стенд, расщепивший ядро;
колодец с названьем — журавль,
надежный межзвездный корабль
и к братству всеобщему путь,
с которого не свернуть...

■

Серебрятся снега.
Матов солнечный лик:
нет ни силы, ни яркости в нем.
На промозглом ветру
в озаренье гвоздик
я стою
перед Вечным Огнем.

В небо рвется огонь,
вечной силой гоним
из гранитных, нестынущих плит.
Он меня обдает
жарким пылом своим,
о героях
со мной говорит.

И мне будто бы
слышатся залпы катюш,
и пехота идет, как стена...
Этим
Вечным Огнем человеческих душ
наша Родина
защищена.

■

Снег померк
в плену воды.
Полон мир экзотики,
Голубиные следы,
будто самолетики, —
в две цепочки,
в параллель,
на газоне в танце.
На весь мир поет капель.
Небо в синем глянце.
На колючий черный куст
села птаха малая,
переполненная чувств,
грудка —
зорька алая.
Вышло
солнце
на большак
поступью уверенной.
До весны
остался шаг,
временем отмеренный.

■

Переросли отца мы так давно:
красивый, стройный, сильный, добрый, но...
накрыт шинелью серою, солдатской,
он молодым лежит в могиле братской,
плечом к плечу, с друзьями заодно...

Освобождая город Кингисепп,
он пал за нас, за наш покой и хлеб,
за горожан, измотанных блокадой,
за этот мир, что стал для всех наградой,
за нерушимый наш Советский Герб...

■

Натыкаясь в пути на пороги,
ответвляясь на рукава,
устремляются в дали дороги,
на земле появившись едва,
увлекая туда,
где ты не был, —
в синий, дымкой зашторенный край;
а бездонное, гулкое небо
в пересверках
гремит:
поспевай-а-й!
И вперед устремляясь упрямо
по маршрутам всемирных широт,
мы ходили всегда только прямо,
призываем мы —
полный вперед!

■

Собою, как хлебом, мы делимся
На радости ждущей земле —
Нет в нас повседневности серой,
Кричащей в нас нет тишины.

Возьмите нас за руки все, кто
Живет ожиданьем чудес, —
Как мачты электролиний,
Пойдем, высоки и прямы.

Души напряженье высокое
Мы гордо нести будем вдаль,
Пускай на ладони нам птицы
Садятся пред дальним путем.

Да, каждый из нас — Прометей,
Забывший, что родом он с неба,
Сам цепи себе отковавший
Из радости, света, любви.

Но только не мы к земле —
Земля к нам прикована властно,
Земля, как судьба, неизбежна,
Земля необъятна, как свет.

■

Альфонсасу МАЛДОНИСУ

День созрел, чтобы полднем пролиться,
Человек для свершений созрел.
Мы смогли сквозь невзгоды пробиться
К срокам самых ответственных дел.

Зная ценность любви беспокойной,
Силу ненависти испытав,
Отобрали мы то, что достойно,
Что превыше затей и забав.

Сталь осталась, прочна и упруга,
Из нее арматуры крепки,
Мы не можем прожить друг без друга —
У любого лишь по две руки.

Меньше воли порывам и чувствам:
Вслед за летом ждет осень сердца.
Совладать бы с труднейшим искусством —
Как себя отдавать до конца.

Если что-то в душе стало тенью —
Не беда: значит, мрака в ней нет.
Тень всегда и везде — подтвержденье
Лишь того, что присутствует свет!

Перевел Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

Моя Литва

Пою Литву я, как из пепла
Восставшей радости зарю,
Как душу, что в борьбе окрепла,
Как путь, что в завтра я торю.

Пою от дома и до неба
Зеленый шелк лугов и нив,
Тепло печи и запах хлеба
С дыханьем близких мне сравнив.

Литва, откройся мне сердцами —
Истоком стойкости твоей,
Мой дух питая родниками
Живых речей, живых людей!

Еще кричат могилы, раны,
Музеи, — как живая плоть.
Общаюсь с вами непрестанно,
Держа в руке ржаной ломоть.

Я разговариваю с вами
Через ручьи и дерева
И слышу воду, воздух, пламя
Я — как литовские слова.

■

Речь о земле вести хочу я —
Но где свои найти слова?
Припомню, что, о ней толкуя,
Дала в наследье мне молва.

Слыхал, как о земле кричали
«Моя!» — оскалясь, как зверье.
От всех на свете защищали
То, что вмещается в «мое».

Слыхал я, как земле молились, —
Молитвы сложены людьми:
«Земля, кормилица кормилиц,
Ты нас одень и накорми!»

Слыхал, как, пот пролив обильный,
Брались вдруг землю проклинать.
Звучало жалобой бессильной:
«Ты мачеха нам, а не мать!»

Но о земле сказал всех краше,
Кто «нашею» назвал ее:
Затем, что в гордом слове «наше»
Вместилось больше, чем в «мое».

Перевел с литовского Лазарь ШЕРЕШЕВСКИЙ

Пашня

Весь день светило пламя — над землей
взошли глаза коня и человека.
А хлеб — он был неясен и далек.

И жаворонки гасли на полях.
От края пашни, сквозь вечерний сумрак,
как птицы — босиком, в одних рубахах —
все выше — с песней — плыли старики.

Идущим из земли — благословенье!
Сердца их пахнут молоком и медом,
купаются голубки в их слезе,
их руки так легко поют работу.

Бежал по лугу вечер, как ягненок.
Еще глаза коня и человека —
усталые — светили над землей.

Ты, наша доля возле ржи цветущей,
светла — как холст на гаснущей траве.

Копка картофеля

Под утро на земле черно и росно,
к полудню почва — мягче теплой лени.
Во всем — напор невидимого роста.
Черны ладони. Согнуты колени.

Ты, вечная, достойна громких гимнов!
Лежишь, открытая ветрам и бедам.
Смеется женщина, на миг приникнув
к мешку, наполненному теплым светом.

Наш царственный, литой,
землистый клубень!
Мы — из твоей покорной свиты,
тобой живем, растем, горюем, любим,
с тобой — мы целы, грамотны и сыты.

Ты горячей и мягче воска,
ты слаще и вернее наших истин...

Скрипит за садом в сумерках повозка.
На ужин — вновь картошку чистим.

■

Идешь вместе с ветром, с Неманом,
поднимаешься на гору с рожью,
опускаешься к озеру,
в обрыва падаешь на самое дно,
корнями — оголенными жилами —
одолевая сыпучий песок,
взбираешься на поверхность, волнуешься
взгорьями и долинами,
разливаешься всеми цветами,
опираешься на голубую пущу,
бежишь вдоль опушки,
глядишь мне в глаза
и приручаешь душу,
пока удлиняются тени,
и постепенно краснеет
небо, и бег становится тише, и все цвета
вливаются в один
отдаленный цвет, и падает
на черную пашню
твое певчее
сердце —
жаворонок.

■

Небо за Неман льется,
за Неманом — на закате —
люди идут от колодца,
полны земной благодати.

Идут через тихий воздух
по яркому дальнему свету,
будто идут по мосту
с той стороны на эту.

Идут, полны сокровенной
счастливой вечерней истомой,
в тишине — во вселенной,
ласковой и бездонной.

Небо за Неман льется,
за Неманом — на закате —
люди идут от колодца,
поют о земной благодати,

и гимн, доносимый оттуда,
как мост, нескончаем и вечен,
как жизни краткое чудо,
как тихий огромный вечер.

Перевел Г. ЕФРЕМОВ

Сцена из спектакля «ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО...». В. И. Ленин — народный артист СССР Кирилл ЛАВРОВ, солдат Шадрин — народный артист СССР Евгений ЛЕБЕДЕВ

Фото Р. НУЧЕРОВА (АПН)

Кирилл ЛАВРОВ: «Я СЧАСТЛИВ ИГРАТЬ ЛЕНИНА»

Редакция «Литературной газеты» обратилась к Кириллу Юрьевичу Лаврову с вопросом о том, какое место в его творчестве занимает ленинская тема, образ Владимира Ильича.

КОГДА меня спрашивают, как я работал над образом Ленина, я оказываюсь в затруднении, потому что рассказывать о процессе всегда сложно, тем более о такой работе. Раз приблизившись к великой человеческой личности, никогда нельзя счесть, что работа над образом закончена.

Вот уже два года на нашей сцене идет композиция «Перечитывая заново...». И я каждый раз на каждом представлении открываю для себя — как артист, как человек — глубину ленинской мысли, его феноменальную способность за громадой дел видеть людей, во имя которых он жил, боролся, писал, работал.

До 1970 года я и не помышлял о такой роли, даже не предполагал, что мне доведется появиться на сцене и на экране в роли Ленина. Я преклонялся перед Б. Щукиным, М. Штраухом, Б. Смирновым. Для меня эти роли были классикой. Но вот в нашем театре на Малой сцене задумали поставить пьесу Л. Виноградова и М. Еремина «Защитник Ульянов». И я впервые встретился с образом В. И. Ленина. Это был период его молодости, то время, когда он в Самаре практиковал как юрист и создал кружок по изучению марксизма среди передовой молодежи. Я играл роль интеллигентного, умного молодого человека, который отличался умением из простого житейского факта делать большие обобщения, в каждом событии видеть главное в его развитии и перспективе. С помощью логики и глубокого знания юридических законов молодой юрист Ульянов добивается пересмотра в Сенате дела крестьянина Красноселова и полного оправдания своего подзащитного. Этот сюжет мне вспоминается каждый раз, когда в сцене с Александрой Сапожниковой из спектакля «Перечитывая заново...» Владимир Ильич заступается за крестьянина Гречихина, у которого несправедливо хотели реквизировать его единственную кобылу. Тут общее не в доброте и гуманности, а в обостренном чувстве классовой справедливости, в ненависти к бюрократизму, который не желает вникать в судьбу отдельного человека.

Прикоснувшись к образу Ленина, я старался как можно больше узнать о его жизни, читал ленинские труды. Подолгу всматривался в его фотографии, даже работал с лупой, пытаясь увидеть его вблизи, так, как будто он сидит рядом. Всслушивался в грамзаписи его речей, по многу раз просматривал уникальные кинопленки, запечатлевшие живого Ильича.

В спектакле «Перечитывая заново...», где выбраны лучшие сцены из пьес Н. Погодина, А. Корнейчука, М. Шатрова и В. Логинова, мне кажется, я уже играл близкого и дорогого мне лично человека. Наш спектакль рождался быстро. С энтузиазмом работали все. И постановщики спектакля Г. А. Товстоногов, и Ю. Е. Аксенов, и художник Э. С. Кочергин, и, разумеется, мои товарищи по сцене. Все отнеслись к этому спектаклю с высоким чувством ответственности, и в то же время в работе была какая-то радостная легкость. Мы стремились создать современный спектакль, подчинить его идее вечности ленинских заветов, и сегодня освещающих каждый шаг нашей партии, нашего народа, нашей Родины.

Нам не хотелось что-либо приглаживать в спектакле, смягчать огромные трудности, встававшие перед молодой Советской республикой. Ленин в нашем спектакле часто задумывается, понимая, как много впереди труда и борьбы. Чего стоил один Брестский мир, когда решалась судьба революции и когда потребовались вся смелость Владимира Ильича, его политическая и государственная прозорливость! Мы стремились к тому, чтобы во всю силу прозвучал ленинский юмор, его радостный, искренний смех, воспетый всеми, кто знал Ильича, кто работал вместе с ним.

Я думаю, что сегодня каждое новое произведение Ленинианы создается не для того, чтобы передать внешнее сходство, но главным образом ради проникновения во внутренний мир вождя. Только внутреннее постижение образа может создать тот ритм и ту меру внешнего сходства, которые не будут расходиться с представлениями зрителей о Владимире Ильиче. Актеру необходимо передать его естественность, непосредственность, искренность. Поиск правды — вот задача артиста, которому выпадает честь воспроизводить на сцене или экране незабываемый образ.

Я счастлив, что играю роль В. И. Ленина, и работа моя продолжается на каждом представлении на глазах у зрителей, которые приходят в наш театр на Фонтанке...

ПРЕМЬЕРЫ

ТВ

РИТМ ПОЭТИЧЕСКОГО СЕРДЦА

КОГДА-ТО имя «Маяковский» почти всегда сопровождалось словом «дискуссия».

Теперь, когда ленинградское телевидение проводило вечер поэзии Маяковского, в нем участвовали школьники, преподаватели, художники, библиофилы, несколько писателей — Г. Горбовский, Р. Рait-Ковалева и ваш покорный слуга, мы не спорили с ребятами, которые честно говорили: «не понимаю». Мы радовались, что они не произносят самодовольно «не принимаю».

Передача Центрального телевидения «В. Маяковский о времени и о себе», недавно вышедшая в эфир, шла более напряженно и запальчиво. Политехнический. С этим залом имя великого поэта революции неразрывно связано. И естественно, что передача из Политехнического несла прекрасные стихи, фотографии и кинокадры, умные и точные выступления, воспоминания Михаила Львова, Карло Каладзе, Льва Озерова, Ларисы Васильевой, Владимира Карпеко.

...Помню, как на каком-то обсуждении поэт Александр Прокофьев (кстати сказать, боготворивший Маяковского и даже — об этом мало кто знает — посадивший в честь него в Кочарове дубы!) говорил: «Не надо рвать рубаху и нательный крест — можно объясниться».

Я говорю об этом потому, что умело и интересно построенная передача требовала и моего зрительского вмешательства! И мне очень хотелось, выслушав педагогические доводы и деликатные «промы» в адрес милой девушки, не понимающей Маяковского, сказать: «Милая Оля, позвольте вам не поверить! Вы очень хорошо прочитали несколько строк поэта — другими словами, вы чувствуете, может быть, самое главное — звук его голоса, стук его сердца... Что же касается стихов «Птичка божия», то они не столь просты, как думаете вы. Дело в том, что писались они в другую эпоху, когда «чистая лирика» была порой попыткой остаться вне жесточайшей борьбы за судьбы мира. Нам и сегодня, увы, недостает горячей, искренней, мощной политической поэзии!»

Полтора часа по телевидению — это не вечер в клубе, это квинтэссенция вечера. Здесь существуют режиссер, редакторы, монтажеры. Поработали они хорошо, хотя операторы, снявшие несколько удачных портретов, не всегда сумели охватить аудиторию, облик зала.

Но в целом работе получилась удачной. И это тем важнее, что форма прямого разговора все шире и шире завоевывает время на телеэкране. Она любима зрителем. Она, безусловно, имеет общественное значение.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

ТЕАТР

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

...НЕТ НИЧЕГО обыкновеннее, чем человеческая жизнь. А вот попроси любого из нас: напиши, дескать, отзыв о жизни. Что, мол, в ней и почему. Подумаешь-подумаешь, да и разведешь руками. Кто его знает, почему. Произошло, к примеру, такое. Получив премию, комбайнер Смагин рванул на радостях к соседу. Его не пускали, и он подвернувшимся под руку колуном разрушил ворота. Наутро повинился, как это испокон веков заведено, все перемирились и о происшествии забыли. Но по чьей-то глупости оно получило огласку, уволили участкового милиционера за укрывательство хулигана, а на Смагина завели уголовное дело, статья 206, часть вторая. Ну и что же выходит, не надо было давать Смагину премию? И все?

В данном конкретном случае события разворачиваются в пьесе, так что между нами и жизнью есть ученый посредник — Василий Белов. Этот писатель, как известно всей читающей публике, безвыездно живет на своей Вологодчине, коечто знает о жизни и способен извлекать из фактов смысл. Изложенное выше содержание его пьесы «По 206-й», поставленной московским Театром сатиры, касается лишь первого, так сказать, низшего круга сложной спирали человеческого общежития. В Театре сатиры рассказывают, что на неофициальный вопрос, о чем он писал свою пьесу, Белов ответил: об отходчивости русского человека. Наверное, и в этом доброжелательном объяснении заключена доля правды. Однако автор «Привычного дела», который написал пьесу благостно, сельской идиллией, вряд ли стал бы приглашать нас любоваться рассказами. Как замечает Сергей Залыгин в предисловии к книге «Литературные заботы», Белов во всех своих сочинениях пытается понять, как деревенский житель «вписывается в свой век, в события этого века».

Итак, Смагин крушил ворота, соседка вопила: «Милиция!!!», а на ту беду здесь оказалась практикантка факультета журналистики. Жизни она не нюхала, зато научилась пользоваться стереотипами, готовыми комбинациями слов. Она-то и опубликовала в районной прессе фельетон, с которого началась вся заваруха. А накануне корреспондент областной газеты, умный, преуспевающий, сочинил очерк о лучшем комбайнере Смагине. Одновременно молодой следователь, опираясь на букву фельетона и закона завел уголовное дело и машина закрутилась. Так закрутилась, что и судьба Смагина, и судьба участкового вскоре превратились во что-то малосущественное, второстепенное на фоне разгоревшегося многоборья должностей и самолюбий. И в конце концов в областной прокуратуре раздались междугородные телефонные звонки: «Это ты, старичок? Слушай, я горю. Завтра в газете моя статья. О комбайнере. А он, идиот, угодил под суд. Надо, чтобы твой шеф позвонил следователю и нажал на этого праведника. Ну, давай, старичок... Приеду, с меня коньяк».

Что ж, подобный разговор возможен, как это ни прискорбно. Мы встречаем на перекрестках жизни людей, наделенных комплексом собственной полноценности. Уверовавших в свою непогрешимость, вседозволенность и безнаказанность оттого только, что их возвысила над другими должность или сам род профессии. Таких, кому надо стать в паспорте, как ставят группу крови, пожизненный штамп: противопоказана власть над людьми. Вот один из ведущих мотивов пьесы, хотя автор не ограничивается лишь этой моралью, иначе вся история обернулась бы очередной версией о хорошем начальнике, побеждающем в острой схватке плохого начальника. Происходящее здесь сложнее, драматичнее, многозначнее, писатель рассчитывает, что его наблюдения, его недосказанность умножатся на жизненный опыт читателя-зрителя, заставят работать его воображение, его душу, его совесть. Все это и выводит новый московский спектакль за пределы районных проселков. А иначе чего бы нам радоваться появлению сельской темы. Пусть бы ей и век не было, если она берется для галочки, если ее нравственная проблематика не касается всех.

Когда речь идет о пьесе, вступает в свои права и обязанности еще один посредник между жизнью и нами — театр. Он способен обогатить литературный оригинал, но вполне может заменить авторское, натуральное синтетическим, целлофановым. Хороших спектаклей по плохим пьесам в принципе больше, чем плохих спектаклей по хорошим пьесам. Но уж если ухитряемся из Вампилова сделать посредственного драматурга, то, значит, риск существует всегда.

С пониманием и бережностью отнесся Театр сатиры к своеобразию литературного слова, какое всегда приносит с собой на подмостки прозаик или поэт. Это сейчас тоже проблема проблем. Даже и не худшие из пьес создаются на некоем среднеарифметическом языке. Иногда кажется, что русский язык, на котором написаны еще недавно «Последний поклон», «Прощание с Матерой» или «Усатые-полосатые шлемоносцы», может исчезнуть, раствориться.

Театр обращается осторожно, сосредоточенно и, я бы сказала, корректно с материалом жизни, который по вполне понятным причинам знает менее глубоко, чем автор. В спектакле, поставленном Валентином Плучеком, во-первых, нет той оскорбительной для зрителя игры в «русскую» жизнь, в «русский народ», в какую обычно впадают, едва дело коснется изображения на сцене деревни, как прошлой, так и нынешней, когда декорации и костюмы напоминают витрину магазина сувениров с балалайками, косоворотками и коромыслами. В спектакле «По 206-й» (название пьесы не кажется мне удачным, но тут уж, как говорится, дело хозяйское) автора и его героев не украшают, здесь идут не вдоль Белова и уж тем паче не поперек Белова.

Есть у кинематографистов термин — уходящая натура. Он означает, как известно, время года, которое надо снять на пленку. Прозеваешь — жди следующей зимы или лета, которые придут. И, наверное, на всем белом свете существует единственная, неповторимо уходящая натура — человек.

Создается впечатление, будто Белов в своей пьесе наблюдает за движением, происходящим в человеческих душах, в события, закрученные, кстати, довольно крепко и небанально, развиваются в зависимости от этого движения внутри душ. Вот в этом-то главном театр и стал достойным соавтором Белова, ибо он не подлаживает героев к литературно-театральным стандартам, а сам подтягивается до их высокой простоты. В спектакле «По 206-й» каждый из человеческих миров путешествует по нелегким маршрутам сюжета, но еще и вращается как бы вокруг своей оси, отчего и события, и люди освещаются с разных сторон, приобретают объем.

Здесь вообще нет положительных или отрицательных персонажей, носителей той или иной жизненной установки. Привыкшие к штампам современной драмы, мы сначала готовы воспринять ортодоксом секретаря сельского райкома, но стоило приглядеться, и он оказался куда мудрее, взрослее и человечнее своего оппонента, щеголяющего модными формулировками о патриархальности и прогрессе. Мы уже было возненавидели буквоеда-следователя за всю эту историю со случайно сломанными и давно починенными воротами. Ан нет. В основе его упрямства — не формализм, но истинная нравственность человека закона. Такому не позвонишь: «Старичок, с меня коньяк». Для него существуют лишь интересы понятия «мы», даже если они идут вразрез с интересами собственного «я», чем он и отличается от вполне передового корреспондента, которого суть дела не волнует вообще. «Моя статья», «я» в опасности, а у «них» пусть простаивают все комбайны. К сожалению, этот корреспондент единственный плоско написанный персонаж у Белова, и не потому, конечно, что он «плохой»: равнодушные, циничные люди встречаются и среди журналистов. Просто в этой роли главенствует тенденция, почти фельетонные краски, что так несвойственно всей пьесе в целом.

Что касается исполнителей спектакля, то я бы предложила голосовать за актеров не персонально, не поименно, а за весь список целиком, как он числится в программке: Борис Кумаритов, Виктор Байков, Анатолий Омельченко, Людмила Гаврилова, Виктор Рухманов, Борис Рунге, Зинаида Матросова, Нина Феклисова, Валентина Токарская, Николай Пеньков, Анатолий Гузенко, Надежда Каратаева, Галина Степанова, Александр Воеводин, Людмила Селянская, Юрий Соковнин, Вадим Завьялов, Светлана Котикова, Бронислава Тронова. Не станем раздавать каждому по дежурному эпитету. Гораздо принципиальнее, что появился новый спектакль, где хорошо играет ансамбль. Солистов сейчас много, драматических ансамблей мало, и вот жива, оказывается, актерская школа коллективной игры. Заметим еще, что участники спектакля «По 206-й» — не из первой обоймы труппы, многие давно ничего не получали, иные — лишь эпизоды. Анатолий Омельченко, играющий следователя, одну из самых сложных ролей, вообще только вчера со скамьи школы-студии МХАТ.

Постановщик спектакля Валентин Плучек и режиссер Вадим Кондратьев сделали точное распределение и объединили всех исполнителей на внимании к правде жизни, она и стала главным слагаемым художественности. Здесь актерское исполнение вырастает не из математически высчитанных формул, а из жизненной непредсказуемости. Все это вместе и рождает в спектакле «По 206-й» правду искусства, а не искусственную правду, столь приевшуюся уже на театре своей «однообразной оригинальностью» (термин В. Г. Белинского).

...А еще это спектакль о том, что в своих поисках театральной истины мы зачастую сопоставляем искусство не с жизнью, а с самим искусством. Режиссера сравниваем с режиссером, драматурга с драматургом, театр с театром или кого-либо из них с ним же, но ранним, предыдущим...

Обогатить театральную реальность могут люди жизненного опыта и, конечно, талантливые писатели, которые принесут на подмостки новый материал действительности, а они, к счастью, живут на разных широтах России. Правда, для приобщения их к театру нужна самоотверженность Немировича-Данченко, способного на высокое признание истинно творческого человека. Чехов — это «как бы талантливый я». Нынче режиссеры считают наоборот: я — это как бы талантливый Гоголь.

Никто из московских театров, кроме детского, не взял пьесы Виктора Астафьева «Прости меня», не взял хотя бы из корысти: чтобы он следующую ему же принес. Довольно долго лежала бескозырка пьеса Василия Белова, опубликованная в журнале «Москва», ни один театр не стоит над душой Валентина Распутина, Евгения Носова. Делают, конечно, инсценировки, как правило, не сами авторы, и пьеса уровня «Дней Турбиных» в наше время по мотивам прозы пока не родилась.

И в заключение выдержка из письма К. С. Станиславского к одному должностному лицу, датированного 1902 годом: «...нам нужен шумный успех для того, чтобы сделать из Горького драматурга, чтобы приохотить его к этой новой для него литературной форме... В данном случае я хлопочу только об успехе первого опыта талантливого русского писателя, который доверил нашему театру свой первый опыт».

Галина КОЖУХОВА

РАБОТАТЬ ХОРОШО ВСЕГДА ТРУДНО

РЕЖИССЕР Виктор Лисакович [illegible] свой [illegible] на заводе, с комбайнера сделал шестичасовый «Жигулевский». Авторы, пятеро, как в заводском коллективе, отделались в этом событии [illegible]. Он, конечно, [illegible] на главный конвейер. На [illegible] новатории [illegible] не только его сценарии.

Система без дырок мешка. Сто тысяч человек работают на ВАЗе. И не такие. Десять тысяч за год [illegible] — одни приходят, другие уходят. Меняют новые строки, и [illegible] возраст, и [illegible] пора учиться... А еще почему?

Молодая женщина на прямой вопрос комиссии по [illegible] (кинокамера [illegible] не скрыта, но ненавязчива) В. Лисакович обладает [illegible] для документалиста даром, когда нужно «уйти в тень») отвечает поначалу уклончиво: мол, хочу домой, в Чувашию. Потом прорывается: «Первая причина — из-за мастера, он знает только свое, молодых рабочих никогда не слушает». В фильм органично войдет синхронно записанный на собрании ее диалог с этим мастером. Тот сначала — все перебивает, оправдывается. А человек, не [illegible], ему еще нужно доброе слово. Грубость начальника оказывается [illegible] экономической.

Далее. Во-вторых, пожалуй, [illegible] о ВАЗе восторженно отзывались, что организация дела на заводе не требует [illegible] запасов, их просто негде хранить. «А зарплата?» — заинтересовались телекинодокументалисты, и жизнь ответила по-своему драматически (но вполне привычной для хозяйственников) ситуацией.

Кончились подушки для автомобильных сидений. В Сызрани, на заводе, где эти подушки делают, нет смазки, а без нее не вынешь их из пресс-форм. Смазку получают из-под Минска, а там нет сырья — касалотового жира. Касалоты же не очень-то попадаются по заказу.

Нам помогли зримо представить эту сложную ситуацию кадры лаконичные и выразительные (оператор Р. Карпен): снятый с высоты заводской испытательный трек плотно заставлен некомплектованными «Жигулями» — без сидений. Потом жир самолетом доставят в белорусский городок Сенолочь, сырье оттуда — опять же самолетом — в Сызрань, подушки — вертолетом в Тольятти, постепенно утечет с трека автомобильный ручеек. Дорого же обходится хозяйственная неслаженность.

Такие вот на экране заботы, нередко далекие от главного конвейера. Тех же парней из заводских цехов мы увидим позже во Дворце спорта скалывающими лед. Только что здесь шли хоккейные баталии, теперь надо превратить каток в партер, а оттаивать нет времени — через сутки открывается фестиваль политической песни памяти Виктора Хары. Это уже фильм «Отчего поет человек».

Он тоже шире одного, даже такого важного события, хотя передает и бурлящую атмосферу фестиваля, и весь пронизан мелодиями, стихами Маяковского и Асеева, Неруды и Лорки, Буша и Хары, хотя в нем прозвучат и «Песня единого фронта», и «Марш демократической молодежи», и «День Победы»... Содержание картины можно, пожалуй, выразить ее же словами: «Хорошую песню слушает человек, как рассказ о собственной жизни». Здесь все на равных.

У фильма есть и главный герой — вокально-инструментальный ансамбль «Взлетная полоса». Пианист — электромеханик, бас-гитара — монтер, ударник — штамповщик, а руководитель ансамбля работает на ЭВМ. Ребята готовятся представить свою песню, мечтают пробиться на заключительный концерт (призов на фестивале нет). В пустом зале сидит непременный и самый болеющий за них слушатель — Светлана, жена барабанщика...

Она, конечно же, придет на их выступление. «Светлана, не волнуйся, тебе волноваться, кстати, нельзя, — скажет диктор, — все будет хорошо». Но аплодисментов немного, ансамбль услышит на обсуждении в фестивальной творческой мастерской неприятные слова: «Нужно очень строго относиться к тому, что вы собираетесь петь».

Финал без финала. Жизнь не начинается с первым кадром и не заканчивается с последним.

Под плотным чехлом скрыты от глаз телезрителей будущие «Жигули»-2108, совсем новая, оригинальная модель. Чехол конструкторы откажутся снять. Еще работать и работать.

Грустно сидят на ступенях сцены ребята из «Взлетной полосы». Отгорели споры пережита обида. Скажут: надо работать. Да, работать хорошо — всегда трудно!

Р. ПОСПЕЛОВ

ПОЧТА 8-й СТРАНИЦЫ

А В ДЕРЕВНЕ ЭТОТ ФИЛЬМ НЕ ВИДЕЛИ...

Я живу и работаю в обычной деревне. Приехал сюда с женой после окончания института. А местная молодежь, честно говоря, наоборот, уезжает. Причины тому, конечно, разные, но одна из главных — скучно здесь, негде провести свободное время. В Доме культуры (если там можно назвать это незамысловато строение) пусто, в основном показывают фильмы, которые и по телевизору-то давно прошли.

Недавно я был в командировке в областном центре. Посмотрел вечером новый фильм «Любовь моя вечная», поставленный режиссером Владимиром Монаховым на киностудии «Мосфильм». Фильм о деревне, похожей на нашу. Даже председателя нашего колхоза узнал о главном герое, великолепно сыгранном Анатолием Папановым. И вот о чем думаю: почему этот фильм мои друзья и сверстники в деревне не видели и неизвестно когда увидят? Ведь он о многом заставит нашу молодежь задуматься...

Сельский кинотеатр не должен отличаться от городского. Имею в виду не здание и не кондиционеры в залах, а репертуар. Ну почему то, что адресовано прежде всего сельскому зрителю, он должен смотреть в последнюю очередь?

Николай ВОИЧИК,
25 лет
Донецкая область

БИБЛИОТЕКА 8-й СТРАНИЦЫ

ПУТЬ К ИСТИНЕ

В НАЧАЛЕ была ревность. Как же так: А. В. Караганов, человек, делу нашему — кинематографу — принадлежавший безраздельно лет 20, и написал «некиноведческую» книгу? Потом, когда поутихли в душе эгоистические страсти, захотелось подумать и понять, что это за книга.

Сам замысел книги «Не только отражает, но и творит» — программно отрицает чистоту исследовательского жанра, однолинейность связи с какой-либо одной ветвью художественного процесса. И в этом смысле работа А. Караганова — явление, в современной теории социалистического искусства симптоматичное. Таков масштаб нынешних задач творчества, что насущными становятся попытки теории раздвинуть «межведомственные» перегородки, порой разделяющие литературу, кино, театр. Книга А. Караганова — не первый случай «нарушения границ» в искусствознании, но случай серьезный, заслуживающий внимания.

В названии книги вынесено одно из главных азбучных положений марксистско-ленинской теории познания. Высказанная В. И. Лениным на заре нашего века мысль о способности человеческого сознания не только отражать объективный мир, но и творить его, сегодня воспринимается как истина.

По А. Караганову кажется недостаточным лишь напомнить читателю об этом. Добрую треть своей книги он посвящает воссозданию обширнейшего историко-культурного фона, на котором возникала и прояснялась непреложность и прозорливость ленинского учения. Протяжение А. Караганов не классифицирует хронологически. В его размышлениях рядом оказываются Эсхил и Шелли, Гете и Толстой, Франс и Маяковский, книги А. Серафимовича и фильмы болгарских кинематографистов. Автор показывает, как шла борьба за истину — истину, выверенную и выстраданную в горниле революционного преобразования мира.

Буржуазному субъективизму А. Караганов противопоставляет марксистско-ленинское понимание личностного начала в творчестве, которое по-особому сильно и плодотворно оказало себя в демократических традициях реалистического искусства.

Эпицентром содержания главы «Личность художника» становится анализ исторической сути отношений между Лениным и Горьким. Влияние В. И. Ленина на идейное развитие и творческую работу писателя осмыслено автором книги прежде всего как великий нравственный урок, как высокий взлет искусства революции. Вот тут-то и дополняют друг друга сведения и факты общей истории советского искусства. Вот тут-то и сводит А. Караганов воедино опыт литературы, театра и кино. Опыт драматический и оптимистический. Опыт живой, в чем убеждает естественность переноса авторского внимания из прошлого в настоящее.

«Движение искусства» — так называется третья, итоговая глава книги. А. Караганов показывает в ней стремительность и сложность движения социалистического искусства, которое во все времена противостояло пассивной созерцательности.

По ощущению движения отличает всю книгу «Не только отражает, но и творит». Движения творчества к вершинам, откуда начинается путь к обретению новых истин.

Армен МЕДВЕДЕВ

МНЕНИЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ В РАКЕТНО-ЯДЕРНЫЙ ВЕК

В нынешнюю ленинскую годовщину не меньше прежнего убеждаешься в удивительной созвучности высказанных великим мыслителем и революционером идей проблемам сегодняшнего дня. В ленинской речи на Первом Всероссийском съезде военного флота, произнесенной 5 декабря 1917 года, есть такие слова: «Теперь борьба за мир начата. Борьба эта трудна. Кто думал, что мира достигнуть легко, что стоит только лишь замкнуться о мире, и буржуазия поднесет его нам на тарелочке, тот совсем наивный человек». Слова эти как бы прямо адресованы тем, кто посвятил себя сейчас борьбе против ядерной угрозы. Только теперь, в момент человеческой истории, когда вопрос «мир или война?» трансформировался в жесткую дилемму — «мир или опасность уничтожения самого рода человеческого?», — высказывание это приобрело еще большую актуальность.

Когда Ленин писал Декрет о мире, когда к клокочущим ненавистью классовым врагам обращался с призывом отказаться от войны, на что он рассчитывал? Были у него основания считать, что призыв этот тогда же услышат и правильно истолкуют? Скорей всего не было или почти не было. Ленин, однако, был абсолютно уверен и в правильности, и в необходимости такого призыва. Ибо его гений уже тогда позволял ему увидеть, что рано или поздно люди придут к пониманию простой, но решающей для их будущего, их судьбы истины: война, не оборонительная, освободительная, а захватническая, грабительская есть крайнее выражение состояния дикости, она должна быть исключена из жизни человечества, и цель эта будет достигнута прежде всего фактом появления социализма, его целенаправленной деятельности.

Эта деятельность, в наши дни нашедшая высшее выражение в Программе мира на 80-е годы, приносит вполне конкретные результаты. И Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, и Договор о нераспространении ядерного оружия, и ОСВ-1, и Заключительный акт Хельсинки, и ОСВ-2 (независимо от того, что его ратификация была сорвана сенатом США) — это в конечном счете не только практическое воплощение в жизнь ленинского Декрета о мире, но и его всеобщее, в том числе Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО, фактическое признание.

Нет, борьба за мир не потеряла остроту, в известной мере она стала еще более ожесточенной. Уже хотя бы потому, что во времена, когда родился Декрет о мире, империализм был уверен в своей силе, теперь же он ее стремительно теряет и, чтобы выжить, готов пойти на все. Даже на самоубийство? Вот это — вряд ли. Закат Римской империи или падение Византии не были актами самоубийства: их поглотила история. Скорость, с какой в данный момент поспешает военно-морская армада Британии к одному из ее последних колониальных владений — Фолклендским (они же Мальвинские) островам, говорит о том, что и в современную эпоху империи не склонны ни к саморуспуску, ни к самоубийству. Но совершать разные пакости, блефовать и даже пугать апокалипсисом они могут.

В Западной Европе, как известно, развернулось мощное антивоенное, антиракетное движение. Все больше людей и в США приходят к выводу о том, что курс Вашингтона ведет прямо к ядерной войне. Ричард Пайпс, один из самых разговорчивых помощников президента США (в Белом доме он ходит в мыслителях), в недавнем интервью следующим образом пытался нейтрализовать это антивоенное движение, а злодно измазать дегтем нашу страну. «Никто не хочет ядерной войны, — уверял Пайпс, который в свое время объявил, что или Советский Союз изменит свою политическую систему, или ему придется восвать. — Вопрос не в том, хотите вы или не хотите ядерной войны, а в том, как ее предотвратить. Если вы скажете мне, что единственный способ предотвратить ядерную войну состоит в капитуляции и в том, чтобы стать советским заключенным, я отвечу: «нет».

Сразу после революции пугали людей тем, что большевики-де живьем посадят малых детей. Теперь с куда большим размахом убеждают население западных стран, что имеется лишь один выбор: продолжать гонку ядерных вооружений или стать «советским заключенным». Подлости в империалистической политике и пропаганде, как видим, не убавилось.

Итак, ленинская формула — «Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности» — и в наши дни звучит суровым предостережением. И это определяет четкость, последовательность и эффективность миролюбивой внешней политики СССР.

Советские люди знают, что КПСС, Советское правительство ни на миг не ослабляют усилий, направленных на то, чтобы отвести от планеты угрозу ядерной войны. Понимают они, в частности, и то, чем продиктовано предложение Л. И. Брежнева о проведении в октябре этого года советско-американской встречи на высшем уровне. Для них это — еще одно подтверждение того, что в наш век ракетно-ядерного оружия ленинская политика мира активно претворяется в жизнь.

Виталий КОБЫШ

ОНИ МОГУТ НАПАСТЬ СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. В ЛЮБУЮ МИНУТУ...

ОРУДИЯ АГРЕССОРА НАЦЕЛЕНЫ НА ЮЖНЫЙ ЛИВАН

Этот репортаж я веду из представительства Организации освобождения Палестины в Москве. Вместе с главой представительства доктором Мухаммедом аш-Шаером мы находимся в маленькой комнате, где установлен телетайп Палестинского информационного агентства. Уже несколько дней он отстукивает полные тревоги сообщения о положении на юге Ливана.

...«40-тысячная армия Израиля, в том числе две бронетанковые дивизии и отдельная мотопехотная бригада, сконцентрированная вдоль ливанской границы, приведена в полную боеготовность».

...«В район Марджаюна, Дайр-Миласа и Кфар-Киллы срочно перебрасываются израильские танковые части, подразделения коммандос и боеприпасы».

...«Военные корабли Израиля постоянно вторгаются в ливанские территориальные воды. «Фантомы» и «мираж» израильских ВВС совершают разведывательные полеты над южными районами Ливана и его столицей. Вертолеты готовы по первому приказу подняться с площадок, сооруженных около Кфар-Шубы и Шебаа».

...«Наблюдатели временных сил ООН сообщают, что в окрестностях населенного пункта Диббин израильтяне завершили подготовку позиций для батарей дальнобойной артиллерии и реактивных установок».

...«Израильские офицеры проводят последнюю рекогносцировку местности. Саперы ремонтируют подъездные пути, дороги и мосты. Инженерные части готовят все необходимое для форсирования водных преград».

— Сообщения, поступающие в эти дни с юга Ливана, — говорит доктор аш-Шаер, — свидетельствуют о том, что израильская военщина может в любой момент обрушить удар на южноливанские районы. В последние годы Израиль не раз нападал на это государство, а сегодня угроза вторжения достигла пика. Как и прежде, подготовка к агрессии сопровождается разнузданной пропагандистской шумихой. Все — газеты, радио, телевидение, выступления израильских лидеров — подчинено единственной цели: создать предлог для планируемого широкомасштабного нападения и оправдать его в глазах мировой общественности. Нагнетая милитаристский психоз, средства массовой информации Израиля не гнушаются ничем: ни фальсификацией фактов, ни откровенными угрозами в адрес Ливана и соседних арабских государств.

Я слушал доктора аш-Шаера и невольно вспомнил свои поездки на юг Ливана, встречи с защитниками этой многострадальной земли, истерзанной израильской военщиной. Там, на территории, охватывающей 2000 квадратных километров, или пятую часть страны, Израиль вот уже много лет ведет необъявленную войну, угрожая целостности и суверенитету этого небольшого арабского государства. Наибольшего размаха агрессивные действия Тель-Авива достигли после заключения сепаратной сделки в Кэмп-Дэвиде. Израильские лидеры утверждают, что-де буферная зона нужна им для того, чтобы обеспечить безопасность страны. Но факты говорят о том, что Израиль хотел бы навсегда присоединить к себе ливанский юг, обладающий огромным потенциалом для развития сельского хозяйства, а также значительными запасами воды. Наконец, как неоднократно заявляли тель-авивские политики, Ливан является стратегическим пунктом на пути осуществления сионистских планов по созданию «Великого Израиля от Нила до Евфрата». Вот почему оккупация южноливанских районов и последующая их аннексия — это лишь прелюдия к захвату земель, принадлежащих соседним арабским странам.

— Новый приступ воинственности, начавшийся у израильских правителей, не случаен, — продолжает доктор аш-Шаер. — Страна переживает острый политический и экономический кризис, и нападение на Ливан могло бы отодвинуть на какое-то время поиски выхода из тупика. Не исключено также, что новая агрессия позволила бы сорвать вывод израильских войск с Синайского полуострова, намеченный на 25 апреля. В этом заинтересованы те в Тель-Авиве, кто действует по принципу «уйти, чтобы остаться», заинтересованы и Соединенные Штаты. Сейчас американские руководители утверждают, что, дескать, только они удерживают Израиль от нападения на Ливан. Но это пропагандистский трюк. Именно США оказывают Тель-Авиву всестороннюю помощь, поощряют его к проведению агрессивного курса. Как партнер по кэмп-дэвидскому сговору, Вашингтон покровительствует замыслам израильских милитаристов. Но руководству Палестинского движения сопротивления, военному командованию палестинских организаций и отрядов ливанских Национально-патриотических сил хорошо известны эти замыслы. Защитники юга готовы к отражению агрессии.

Телетайп передает очередную информацию. Теперь уже о положении на оккупированных арабских землях. Агентство сообщает о преступлении израильтянина-фанатика Гудмана, который проник в мечеть Аль-Акса и обстрелял из автомата молившихся людей. В телеграмме говорится о продолжающихся демонстрациях и забастовках жителей Западного берега реки Иордан, сектора Газа, сирийских Голанских высот, восточной части Иерусалима. На разгон демонстрантов брошены армейские подразделения, усиленные наряды полиции. Десятки людей получили ранения. Оккупационные власти проводят массовые аресты.

Тревожно стучит телетайп, тревожны сообщения с юга Ливана, где Израиль изготовился к нападению. Он может совершить его сегодня, завтра. В любую минуту...

Константин КАПИТОНОВ

На снимке: Восточный Иерусалим. Арест демонстранта.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ С НАПАЛМОМ

Во время второй мировой войны Соединенные Штаты потратили 2 миллиона долларов на создание... зоологического оружия — миниатюрных зажигательных бомб, которые прикрепляются к летучим мышам. Идея эта, пишет американская газета «Интернэшнл геральд трибюн», пришла в голову некоему Адамсу, стоматологу из Пенсильвании, после посещения им пещер, где обитают миллионы летучих мышей.

Был создан специальный целлулоидный резервуар для напалма длиной в несколько сантиметров, с часовым механизмом, который прикреплялся к складкам кожи на груди летучей мыши с помощью обычной хирургической нитки. Некоторое время мышей держали в холодном помещении, чтобы они впали в спячку, а затем сбрасывали с самолетов в специальных контейнерах. На земле мыши инстинктивно прятались в домах и перегрызали нитки, стремясь избавиться от мешающего им груза — напалмовых бомб.

В марте 1944 года было принято решение начать производство 1 миллиона бомб, но проект так и не был осуществлен, хотя, по данным испытаний, подобные бомбы были признаны самыми эффективными в тогдашнем арсенале США. Достаточно сказать, что бомбовый удар обычного бомбардировщика вызывает 400 пожаров, а полный комплект «Летучих мышей», сбрасываемый с того же бомбардировщика,— 4748 возгораний.

В заключение газета вскользь отмечает, что технология производства зажигательных бомб для летучих мышей не рассекречена и по сей день.

Что это значит? Уж не собираются ли использовать для целей сегодняшнего дня секреты сорокалетней давности?

С. ТАРТАКОВСКИЙ

АЛЛО, ЛОНДОН!

О БРИТАНСКОЙ АРМАДЕ, НОВОМ АДМИРАЛЕ НЕЛЬСОНЕ И СДОБНЫХ БУЛОЧКАХ

Авианосец «Непобедимый», Фрегат «Готовность». Десантный корабль «Бесстрашный». Когда читатель получит сегодняшний номер газеты, все это созвездие пышных имен на серых стальных боках уже перекроет вид на Фолклендские (Мальвинские) острова. Британская армада доберется до цели. А что дальше?

Здесь, в Лондоне, знают что. Правительство, газеты, телевидение продолжают трубить сигнал «В атаку!». Переделывают в плавучие казармы все новые пассажирские лайнеры. На авианосцах вдвое увеличено число истребителей с вертикальным взлетом. Всему личному составу эскадры приказано сбрить бороды — противогазы лучше прилегают.

Словом, воинственность доведена до точки кипения. Чело премьер-министра как железная маска: «В случае нарушения зоны войны мы предпримем необходимые действия. Пусть никто не сомневается»

Госпожа Тэтчер все еще «бесстрашна». Но лондонский политический климат уже резко изменился. Вопреки заклинаниям премьера многих англичан одолевают сомнения. Какая такая «необходимость» в немедленной гибели юных английских и аргентинских моряков?

Говорят, в интересах островитян. Но 149 лет Лондон об этих интересах, в сущности, не вспоминал. На островах до сего дня нет телефонной связи. За городской чертой Порт-Стэнли не найдешь маломальски приличных дорог. Не решена даже проблема питьевой воды — жители собирают дождевую. За все полтора столетия Британия не вложила в островную экономику столько, сколько она выбрасывает в последние дни на военную подготовку.

«Мы хотим сохранить иллюзию мощи Британской империи»,— нашел в себе мужество признать парламентарий-консерватор Алекс Лайон. Он мог бы добавить — и иллюзию дееспособности правительства. Авантюра в Южной Атлантике — естественное продолжение безудержного милитаризма тори, процветающего среди экономических провалов и внешнеполитических ошибок. Вообразив себя новым адмиралом Нельсоном, которому невтерпеж выиграть «битву при Фолклендах», госпожа Тэтчер, как считают здесь, сама загнала себя в угол. Теперь ее устроит только военная победа, а не урегулирование. Демонстрация собственной агрессивности, а не решение конфликта.

Поэтому нужно, конечно, утопить все возможности дипломатической развязки кризиса. Этим, судя по всему, занимается государственный секретарь США А. Хейг, снующий челноком между Лондоном и Буэнос-Айресом. На первый взгляд, старания во имя мира прилагаются титанические. 18 часов лета в один конец. Одних шоколадных пудингов, как сообщает местная пресса, Хейг и его люди поглощают за рейс — 14, сдобных булочек — 75, порции салата — 35. Но все эти калории, похоже, затрачиваются на то, чтобы заставить аргентинскую сторону отказаться от суверенитета над Фолклендскими (Мальвинскими) островами.

Причем чего не хватало в меню, так это стимуляторов умственной деятельности. Иначе память не ослабла бы до такой степени, что американский посредник забыл о решении Генеральной Ассамблеи ООН. Еще в 1963 году она включила острова в список территорий, подлежащих деколонизации.

В Буэнос-Айрес Хейг является, естественно, в качестве доброго друга Аргентины. А тем временем Вашингтон тайно помогает Британии готовиться к войне в Южной Атлантике. Если госпожа Тэтчер все-таки скомандует «Пли!», чтобы самой удержаться на плаву, этот приказ будет передан через американский космический спутник.

Залиты под горловину и цистерны с горючим на военной базе США на острове Вознесения. Здесь, как полагают, будут заправляться перед боевыми вылетами английские истребители. А американские самолеты-шпионы ведут фотосъемку позиций аргентинских ВМС для передачи Лондону.

На днях американская газета прошлась по поводу отставки лорда Каррингтона, английского министра иностранных дел. Нет, сострила газета, мы поступили бы иначе. Американский министр тотчас устроил бы показ фотоснимков, на которых было бы отчетливо видно: за фолклендским кризисом стоит Советский Союз, а аргентинскими отрядами командуют кубинские советники.

За океаном недооценили живость воображения госпожи Тэтчер. В тот же самый день она приписала русским «циничные расчеты» в Южной Атлантике. Посол же Британии в Вашингтоне сэр Николас Хендерсон уточнил: «Они (аргентинцы) уже в лапах у медведя».

Трудно поспеть за остряками из Уайтхолла.

Наш соб. корр.

«МЫ СОГЛАСНЫ, КОЛЛЕГИ: КОНЦЕПЦИИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ—ОМЕРЗИТЕЛЬНЫ»

Открытое письмо советских ученых

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

— как прекратить подготовку к биологической войне.

Мы приветствуем заявление английских ученых: «Концепции биологической войны абсолютно омерзительны». Это мнение мы полностью разделяем и надеемся на поддержку паразитологов и энтомологов всего мира. Да, конечно, концепции биологической войны абсолютно омерзительны — в этом спору нет. Беспокоит другой вопрос: реальны они или нет?

Тревожат сообщения в нашей и зарубежной прессе о работах по созданию биологического оружия в некоторых научных центрах США и Англии. Возможно ли использование результатов научных работ в области паразитологии и энтомологии для военных целей?

Один из нас слушал в предвоенные годы лекции Фредерика Жолио-Кюри в Сорбонне. Кто мог подумать тогда, что достижения физиков приведут через несколько лет к трагедии Хиросимы и Нагасаки? Можем ли мы быть уверенными сегодня, что результаты исследований в области биологии не будут также использованы против человечества?

Вспомним, что произошло в Индокитае во время «грязной войны», которую вели американцы против героического вьетнамского народа. В те годы мы неоднократно бывали во Вьетнаме в качестве врачей-паразитологов. Широчайшее применение в военных целях американских дефолиантов и других ядов, обладающих мутагенным действием, в сочетании с неправильным применением противомалярийных препаратов сыграло роковую роль при возникновении резистентных к средствам лечения возбудителей малярии. Ныне, когда резистентные штаммы малярии распространились по всей Юго-Восточной Азии, стала очевидной опасность, которую они представляют для человечества.

Переносчики многих вирусных и паразитарных болезней стали нечувствительными к действию инсектицидов, и это, естественно, усиливает нашу тревогу. При желании можно легко в преступных целях получить в лаборатории штаммы возбудителей малярии, высокорезистентные к ныне известным препаратам, и вывести лабораторно насекомых-переносчиков, нечувствительных к инсектицидам. Это может стать трагедией в наши дни. Нельзя отрицать опасность, которую представляет, например, использование в военных целях вирусов геморрагических лихорадок, передаваемых насекомыми и клещами.

Трое из нас лично смогли ознакомиться с последствиями вспышек лихорадки денга в Хэнов во время вьетнамской войны и на Кубе в прошлом году. И разве мы не вправе испытывать чувство тревоги при мысли, что где-то в секрете предпринимаются попытки использовать научные достижения биологов в недобрых целях? Разве вы сами, уважаемые английские коллеги, никогда не испытывали подобное чувство тревоги?

Биологическое оружие обладает одной особенностью, которая делает его применение особенно «омерзительным», как сказано в вашем письме. Это оружие «анонимно», им можно пользоваться «исподтишка». Сбросивший водородную или нейтронную бомбу совершает злодеяние в открытую. Применивший биологическое оружие может надеяться, что его не удастся уличить в содеянном. И это вызывает у нас особое беспокойство.

Мы, советские ученые, разделяем стремление к миру нашего народа, понесшего тяжелейшие потери в войне против фашизма. Мы верим в искренность усилий нашего правительства, направленных на обеспечение мира на земле. Но мы видим, как нарастает, причем не по вине нашей страны, напряженность во всем мире. А наука может принести величайшие блага человечеству, но может быть причиной и величайших трагедий. Все зависит от того, в чьих руках окажутся плоды исследований честных ученых. Нужно ли повторять эту истину?

Наше письмо — это призыв к активному протесту против создания биологического оружия. Объединим усилия против угрозы войны!

Директор Института медицинской паразитологии и тропической медицины Ф. СОПРУНОВ, заместитель директора В. ОРЛОВ, заведующий отделом медицинской энтомологии А. АЛЕКСЕЕВ, заведующий отделом эпидемиологии и энтомологии трансмиссивных паразитарных болезней Р. КУЗНЕЦОВ.

РАЗГОВОР С ДОТОШНЫМ КОЛЛЕГОЙ

ПОЧЕМУ ОДИН БАРАН СТОИТ 20,08 ЖИТЕЛЯ ЗЕМЛИ ГЕССЕН

— Знаете ли вы, сколько стоит баран, пасущийся в американском штате Юта? — спросил мой дотошный коллега.

— Понятия не имею.

— Очень недорого. Всего лишь 20,08 жителя западногерманской земли Гессен.

— Что за дикое сопоставление! В Гессене, по-вашему, людей пасут? Шерсть с них стригут? Шашлык из гессенцев?..

— Нет. Но они — живые существа. Овцы в штате Юта — тоже.

— Ну и что?

— Не так давно в этой самой Юте проходили испытания нервно-паралитического газа «Ви-Экс». Распылитель газа на борту самолета оказался, говорят, неисправен и восемьдесят литров «Ви-Экс» распылил не так, как надо, и не там, где надо. 6 тысяч 400 овец откинули копыта в мгновенье ока, не успев ничего проблеять в знак протеста.

— Но все-таки при чем тут Гессен?

— Покойные овцы, бараны и ягнята паслись на площади 500 квадратных километров. На такой же по размеру территории в ФРГ, например, в Гессене, как подсчитал американский журнал «Харперс», проживает в среднем 128 тысяч 394 человека.

— Но западные немцы — не американские овцы.

— Это вы так думаете. А вот американский бригадный генерал Дж. Уотсон, под командованием которого находится учебный центр в Форт-Маклеллане, придерживается другой точки зрения. Ежегодно он там обучает ведению химической войны 4 тысячи солдат и офицеров «в условиях, как сообщает западногерманский журнал «Шпигель», максимально приближенных к реальным. На учениях солдаты в противогазах и в тяжелой защитной одежде, обливаясь потом, тяжело ступают по территории, напоминающей территорию Центральной Европы», например, «хвойные леса Западной Германии».

— Ну, а сами западные немцы? Они согласны разделить участь баранов?

— Как пишет тот же «Шпигель», «Федеративной Республике Германии не пришлось давать на это свое согласие». Ибо «американцы могут и без согласия Бонна хранить на базах все, что захотят и в каком угодно количестве».

— Никакого сострадания к союзникам.

— Вы опять не правы. Еще в 1964 году командующий химическим корпусом США, другой бригадный генерал Дж. Ротшильд объявил, что газ — «самый гуманный из всех видов оружия».

— Почему?

— «Ни увечий, ни зияющих ран, ни залитых кровью тел», — восторгался генерал.

— Словом, западные немцы будут после этого гуманного с ними обращения выглядеть вполне благопристойно. Но не огорчатся ли гибелью своих близких те, кому не повезет вдоволь надышаться «Ви-Эксом»?

— Не беспокойтесь, таких не будет. Уже сейчас на американских складах в Гессене, Рейнланд-Пфальце и Баден-Вюртемберге хранится четыре миллиона литров «Джи-Би» (слабенький газ — всего в 200 раз убойнее иприта) и «Ви-Экс» (в 2000 раз!). А одного литра вполне хватает, чтобы изящно отправить на тот свет миллион человек.

— Четыре миллиона, помноженные на миллион?..

— Триллиона четыре бодрых покойников. Обойдутся они всего в 6 миллиардов долларов.

— Шесть миллиардов, деленные на четыре триллиона...

— Гроши. И эти расходы, как утверждают американские «гуманисты», окупятся, так как они увеличат безопасность».

— Кого от кого?

— Соединенных Штатов от западногерманских антивоенных демонстраций.

— А в самой-то Америке обитают не только волки в мундирах, но и овцы в штатском.

— Это верно. Но волки предусмотрительно воспитывают ягнят в духе полного послушания волчьим нравам и замыслам. Западногерманское агентство ДПА сообщило, что уже с 1977 года юные американцы начиная с 12 лет прекрасно знают из одной настольной игры, что очередная война может быть выиграна в течение всего пяти часов — причем на земле Гессен, в Западной Германии. С применением, в частности, химического оружия.

— Но почему на земле Гессен?

— Потому что, «когда (заметьте, «воспитатели» говорят «когда», а не «если») русские нападут на Запад, их атаки будут нацелены на силы НАТО в южногерманских областях».

— Ну, а как играют-то?

— У игроков 400 фишек — ядерных, химических, авиационных, ракетных, танковых... Они либо «наступают», либо «обороняются», но и в том, и в другом случае, убивая всеми способами всех их жителей, уничтожают Гисен, Марбург, Франкфурт, Ашаффенбург, Вюрцбург, а коли захотят, то еще и Бонн, Майнц, Бад-Кройцнах. Могут даже себе позволить и Эйзенах а ГДР...

— Значит, агнцы, которых в 1977 году взрослые дяди научили играть в эту милую игру, сегодня уже здоровые парни...

— ...которые могут вот-вот угодить под начало генерала Уотсона в Форт-Маклеллан.

— А потом и в Гессен. Жалко ребят.

Виктор ЦОППИ

«До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социализм требует строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства».

В. И. ЛЕНИН

НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ,
В. ВЫЖУТОВИЧ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Доверяй, но проверяй

На Октябрьской железной дороге пропало 4000 вагонов. Нет, это не начало детективной истории. Пропажа произошла потому, что в отчете они значились, а вот грузы не перевозили. Руководители отделений дороги, освоив фокусы с вагонами, превратили в своих ассистентов подчиненных — начальников станций, различных служб. И пошло, и поехало — искажение отчетности, приписки, обман. Перевели стрелки, потушили красные светофоры — и состав очковтирателей, украшенный знаменами за липовые достижения, на всех парах покатил по неверному пути. Но недолго. Последовали сигналы народных контролеров, проверка КНК СССР — и *тайное стало явным*.

Зал заседаний Комитета народного контроля СССР. Ведет заседание председатель комитета А. М. Школьников. Здесь же — заместители председателя Н. В. Даниленко, И. Д. Конах, В. И. Манаев, Н. Н. Пономарев, В. Г. Корьков, А. И. Шитов, члены комитета. Только что из зала вышли представители Министерства пищевой промышленности СССР во главе с министром В. П. Лениным. Они объяснялись по поводу того, что Гулистанский и Чарджоуский маслоэкстракционные заводы, принятые с недоделками, вместо ценного продукта — хлопкового масла вырабатывают полуфабрикат — так называемое «черное масло», непригодное в пищу.

Теперь настала очередь железнодорожников. Смотрим на лица тех, кому предстоит держать ответ. Что они выражают — страх, стыд? Разговор предстоит нелегкий. Мы уже знаем, что, когда причина недостатков в объективных трудностях, неопытности руководителя, комитет поправляет, подсказывает, помогает. Но когда приписки...

Труднее всего первому заместителю министра путей сообщения СССР Ф. И. Шулешко. Ему, высокому должностному лицу, быть причастным к обману государства — это же позор. Так он и говорит на заседании и от имени министерства делает заявление — будут приняты все необходимые меры, виновники понесут наказание. Начальника и заместителя начальника дороги комитет строго наказывает сам, одного из руководителей вагонной службы отстраняет от должности.

А теперь сюжет самый будничный.

В приемную Комитета народного контроля СССР пришла женщина, москвичка, уже немолодая. «Вот, — сказала она и достала из сумочки будильник. — Сначала отставал, а теперь вообще не ходит». Часы эти, «Севани», купила недавно, очень обрадовалась: в продаже недорогие будильники бывают редко. Когда «Севани» начал отставать почти на час в сутки, женщина отправилась в гарантийную мастерскую. После ремонта будильник отстал сразу на полчаса, а затем стрелки замерли навсегда.

Заведующий приемной тут же связался с заводом «Мосгорремчас», потребовал либо провести ремонт качественно, либо вернуть будильник изготовителю. Затем позвонил в районный комитет народного контроля: проследите за работой мастерской, поинтересуйтесь книгой отзывов, если жалоб много, проведите проверку. И еще: узнайте, часто ли поступают рекламации на часы Ереванского объединения. (Через несколько дней приемная передаст поступившие сведения в один из отделов комитета — для контроля за качеством продукции «Севани».)

Женщина ушла. А мы давайте останемся. Пройдем по этажам здания, расположенного в самом центре Москвы. Познакомимся с теми, кто здесь работает. Посмотрим документы. И подумаем. В конце концов на месте женщины с будильником мог оказаться любой из нас...

Много ли нам известно об учреждении с названием строгим и ко многому обязывающим: Комитет народного контроля СССР? Даже мы, газетчики, не без смущения обнаружили, сколь бедны наши представления о том, что, как и зачем здесь делается. Нам говорили: работа большая, разнообразная, нелегкая, часто неблагодарная. В чем же суть? Каковы механизм, стиль, традиции? Кто и кому подконтролен? Всегда ли после вмешательства контролеров торжествуют порядок и справедливость? Как сделать контроль более действенным и результативным?

Простые вопросы. Но не будем спешить с ответами. Иногда это полезно — взглянуть свежим взглядом на многое из того, что вошло в нашу жизнь, стало привычным и естественным.

В самом сочетании слов «народный контроль» слышится что-то требовательное, неотвратимое. Вы спросите: кого же выводит на чистую воду и наказывает КНК СССР? Мошенников? Спекулянтов? Казнокрадов? Нет, этой публикой занимаются другие органы — милиция, ОБХСС... А Комитет народного контроля СССР имеет дело, как правило, с иными людьми. Задачи его ясно сформулированы в Законе о народном контроле в СССР — документе, который опирается на важнейшие положения Конституции СССР об усилении народного контроля, о совершенствовании его как формы участия масс в управлении государственными и общественными делами.

Так вот, Закон ставит на первое место проверку выполнения директив партии, решений правительства, государственных планов. Контроль распространяется и на хозяйственную жизнь, и на сферу производства и распределения, и на работу государственного аппарата. Партийные требования к народным контролерам с трибуны XXVI съезда КПСС сформулировал Леонид Ильич Брежнев: «Необходимая составная часть советской демократии — всеобъемлющий народный контроль за работой органов управления и должностных лиц. Ни одно нарушение, ни один факт злоупотреблений, расточительства, недисциплинированности не должны ускользать от хозяйского взгляда народных контролеров. Действовать энергичнее, действовать наступательнее — вот на что ориентирует их Центральный Комитет КПСС».

Закон определяет народный контроль в СССР как сочетание государственного контроля с общественным. С одной стороны комитеты — как государственное звено, с другой — группы и посты, которые являются общественными органами.

Раз в пять лет на первой сессии Верховного Совета СССР нового созыва наряду с избранием Президиума, образованием правительства, избранием Верховного суда и назначением Генерального прокурора страны образуется и Комитет народного контроля СССР. Предусматривая этот порядок, Конституция относит КНК СССР, возглавляющий систему органов народного контроля, к основным государственным институтам. Уже один этот факт свидетельствует о том, какое важное место в политической системе советского общества отведено органам контроля. Да и сам состав КНК СССР отражает всенародный характер контроля в нашей стране. Среди членов Комитета — секретарь ВЦСПС А. В. Викторов и секретарь ЦК ВЛКСМ Н. К. Долгушкин, бригадир судосборщиков Балтийского завода имени Серго Орджоникидзе В. А. Смирнов и председатель колхоза имени Горького Московской области В. Ф. Исаев, заместители главных редакторов газет «Правда» и «Известия» Д. В. Валовой и Б. И. Илешин. Широкое общественное представительство слито с самым высоким уровнем государственности: председатель Комитета народного контроля участвует в заседаниях Президиума Верховного Совета СССР и включен в состав правительства страны.

Полномочия органов народного контроля велики. Если установлены нарушения государственной дисциплины или законов, неизбежно последуют санкции: от «указать» и «поставить на вид» до денежных начетов и отстранения от должности. И хотя главную свою задачу дозорные видят в предупреждении ошибок в устранении недостатков, карающий меч народного контроля — понятие далеко не абстрактное. Только в прошлом году 5116 человек вошли в залы заседаний комитетов должностными лицами, а вышли «без портфеля». Среди них были мастера и завмаги, генеральные директора и заместители министров.

Механизм контроля приводят в действие десять миллионов «приводных ремней». Десять миллионов народных контролеров во всех республиках, городах, селах страны — это армия. Штаб армии — КНК СССР. Подразделения штаба — отделы тяжелой машиностроительной промышленности и нефтеперерабатывающей, легкой, пищевой и рыбной промышленности, строительства и строительной индустрии, транспорта и связи, сельского хозяйства, торговли и бытового обслуживания, науки, культуры и здравоохранения и другие а также Центральное бюро жалоб и предложений трудящихся, которое ведет прием граждан и рассматривает письма. Кто работает здесь? Люди самых разных профессий: инженеры, строители, агрономы, юристы, врачи — короче специалисты. Их опыт, знания, компетентность не вызывают сомнения. Иначе как же проверять, не понимая, что к чему, не разбираясь в производственной документации, проблемах и тонкостях, которые сопутствуют любому конкретному делу.

Мы ходили по кабинетам, знакомились, беседовали, принимали участие в проверках. Столы, стулья, телефоны, папки с документами, сидят люди, листают бумаги, думают... Негромкая работа. Для репортажа неэффектная. Впрочем, исполняющие ее люди добиваются не эффектности, а эффективности. Вот из этого и решили мы исходить, отобрав для своего рассказа несколько эпизодов, которые, как нам кажется, дают представление о деятельности КНК СССР, но, разумеется, не исчерпывают ее.

Докладывается в Кремль

Как и предусмотрено Законом, союзный Комитет народного контроля систематически докладывает о своей деятельности Президиуму Верховного Совета СССР. Вот строки из последнего отчета: «Деятельность комитета, органов народного контроля на местах в 1981 году сосредоточивалась на контроле за осуществлением задач, выдвинутых XXVI съездом КПСС, по наращиванию экономического потенциала страны, повышению эффективности народного хозяйства, выполнению планов первого года одиннадцатой пятилетки... КНК СССР в течение года осуществил 380 проверок выполнения решений директивных органов...».

Да, народный контроль действительно всеобъемлющий, он буквально всюду проникающий. Сотни тысяч дел — больших и малых — нуждаются в проверке исполнения, и, как видим, органы народного контроля ее проводят. Но какие же вопросы — из сотен тысяч — рассматривает сам КНК СССР, что становится объектом проверки на высшем уровне?

Листаем протоколы заседаний КНК СССР. «О результатах проверки на ряде предприятий Минавтопрома причин наличия большого количества неустановленного оборудования». Это хорошо знакомый, очень больной вопрос. Закупается оборудование, часто за границей, на валюту, а потом годами стоит, никому не нужное, стареет, портится. Такая картина и обнаружилась на Красноярском заводе автомобильных прицепов, 16-м ГПЗ, «АвтоЗАЗе».

Или: «О безответственном отношении руководителей Пермского облпотребсоюза и выполнению требований партии и правительства по борьбе с бесхозяйственностью и потерями». Что за этим стоит? Многочисленные случаи порчи таких продуктов, как мясо, мука, мандарины, таких товаров, как, скажем, мебель. Все это затем списывалось. Население области не получало нужных вещей, а для жуликов создавалась прямо-таки благодатная обстановка...

Все, наверное, помнят, как в магазинах вдруг исчезли стиральные порошки. Причины этого тоже изучал КНК. Проверялась работа всей цепочки предприятий, обеспечивающих поставку сырья, химикатов, выработку готовой продукции. И вот результат: в прошлом году впервые за последние пять лет не только выполнен план производства синтетических моющих средств, но и дополнительно выпущены тысячи тонн стирального порошка.

Вот такой диапазон. Вопросы как видит читатель, берутся ключевые, рассматриваются они, как правило, на уровне союзных министерств. Выполнение государственных планов и договорных обязательств, повышение качества продукции, состояние государственной дисциплины, обеспечение сохранности социалистической собственности, выпуск товаров широкого потребления, борьба с бесхозяйственностью и расточительством — все это круг интересов органов народного контроля, и пример конструктивного и бескомпромиссного решения острых вопросов подает союзный комитет.

Многие постановления Комитета народного контроля, принятые по результатам проверок, заканчиваются словами «доложить Совету Министров СССР». Делается это тогда, когда речь идет о наиболее серьезных недостатках, о возникающих проблемах. В необходимых случаях по материалам КНК принимаются правительственные решения.

Недавно предметом рассмотрения Советом Министров СССР явилась записка Комитета народного контроля «О результатах проверки в ряде областей Центрального района РСФСР выполнения указаний партии и правительства об улучшении использования органических удобрений».

Что значит для страны повышение урожайности — объяснять, наверное, не надо. И то, что урожайность прямо пропорциональна плодородию почвы, тоже всем известно. А плодородие, в свою очередь, зависит от того, как мы за землей-матушкой ухаживаем. Так вот, пренебрегая опытом дедов и прадедов, которые говорили: «Вози навоз не ленись, так хоть богу не молись», руководители многих колхозов и совхозов Нечерноземья решили, что в век всемогущей химии можно обойтись одними минеральными удобрениями. Конечно, с минеральными удобрениями хорошо: государство ими снабжает, вносить в почву удобно — хочешь машинами, а можно и с самолетов. Одна беда — не дадут полной отдачи азот, фосфор и калий, если не получит почва свою долю органики. Восполнить то, что мы у земли берем, одна химия не в силах.

Проверка показала: возможности применения органических удобрений для повышения плодородия земель в большинстве хозяйств Смоленской, Калужской и Рязанской областей как следует не используются, планы внесения их в почву ежегодно не выполняются. Создалась реальная угроза истощения почв. Результаты проверки приобрели столь тревожный и серьезный характер, что Комитет народного контроля решил доложить о них Совету Министров.

Рассматривая этот вопрос, правительство заслушало доклад министра сельского хозяйства СССР В. К. Месяца. Совет Министров СССР дал необходимые указания и поручения сельскохозяйственным органам, отметил большое значение мер по улучшению плодородия почв.

В нашем репортаже не раз будет сказано о выговорах, денежных начетах и отстранениях от должности. Виновным воздается по заслугам (кстати, и во время проверки использования органических удобрений были наказаны руководители хозяйств, работники сельхозуправлений), но сейчас мы хотим подчеркнуть созидательный характер деятельности КНК, реальное влияние на решение задач, поставленных XXVI партийным съездом.

В срок!

Теперь небольшая эта папка, под обложкой которой спрессованы справки, объяснительные записки, телеграммы, приказы, уже сдана в архив.

Мы расскажем о проверке, которую в КНК СССР считают одной из важнейших акций года.

О порошковой металлургии лет десять назад мало кто и слышал, а теперь знают. Наверное, многие. Порошковая металлургия — это революция в промышленности, это экономия металла и труда. Учитывая значение новых материалов в усилении научно-технического прогресса, правительство СССР приняло постановление «О дальнейшем развитии порошковой металлургии в 1981—1985 годах и на период до 1990 года». Однако на XXVI съезде КПСС отмечалась недопустимая медленность в освоении такой перспективной области, как порошковая металлургия. Затягивалось, по сути, находилось под угрозой срыва строительство важнейших объектов новой отрасли. ЦК КПСС и правительство поручили КНК СССР взять под особый контроль выполнение решений о развитии порошковой металлургии.

Итак, министерства промышленного строительства, строительства предприятий тяжелой индустрии, черной металлургии СССР строят новые и реконструируют действующие цехи для производства железных порошков на Броварском заводе порошковой металлургии, Сулинском металлургическом заводе и в научно-производственном объединении «Тулачермет».

Первый документ в папке датирован январем 1981 года. Это заявка инспектора В. В. Ярмоловича на командировку в Ростовскую область — проверить, как выполняются задания по строительству на Сулинском заводе.

Март. Результаты проверки тревожны: стройки на обеспечены строительными механизмами, материалами и конструкциями, не хватает рабочих, кругом недоделки, организация труда никудышная, важного оборудования нет и в помине... В 1980 году план строительных работ на Броварском заводе выполнен всего на 17 процентов. Выводы: союзные министерства не принимают мер для выполнения установленных правительством заданий и ввода мощностей в плановые сроки.

Апрель. Комитет народного контроля СССР принимает постановление, в котором требует от руководителей министерств добиться соблюдения плановых сроков, предупреждает о личной ответственности. О положении дел на стройках информируются ЦК КПСС и правительство.

Май. Министр черной металлургии СССР И. П. Казанец приказывает вывести стройки из прорыва, наказывает виновных. Действуют и другие министерства.

Июнь—июль. Отделы КНК совместно с народными контролерами на местах проверяют, как выполняется постановление комитета. Выясняется: строительство объектов порошковой металлургии ускорилось, плановые задания первого полугодия выполнены. На Броварский завод полностью поставлены сборные железобетонные конструкции и трубы, в НПО «Тулачермет» идет монтаж технологического оборудования, в Сулин направлено дополнительное строительно-монтажное управление, но... Не поставлены необходимые металлоконструкции, не закончено строительство части пусковых объектов, не улучшилось использование строительной техники на земляных работах...

Октябрь — ноябрь. После рассмотрения вопроса в ЦК работники КНК снова выезжают на стройки. По результатам проверок отчитываются руководители министерств. Попав в поле зрения народного контроля, строители ищут у него теперь и помощи, просят «припугнуть» необязательных поставщиков.

И, наконец, декабрь.

«Минпромстрой СССР докладывает о строительстве объектов порошковой металлургии. В результате принятых мер к декабрю 1981 года строительство объектов закончилось и указанные мощности были приняты в эксплуатацию.

Минпромстрой СССР считает необходимым отметить большую помощь в строительстве и вводе в действие объектов, оказанную отделами КНК СССР. Заместитель министра А. Н. Панков».

Последний документ в папке — записка заведующего отделом строительства и стройиндустрии и заведующего отделом тяжелой промышленности. Постановление комитета, сообщают они, выполнено.

Пуск цеха или завода — всегда праздник. Пуск своевременный — праздник настоящий. Были цветы и шампанское, строители пожинали лавры. А в КНК думали уже о следующей проверке: контроль за строительством других объектов порошковой металлургии продолжается.

Сигнал в конверте

На конвертах адрес: «Москва, улица Куйбышева, 21, Комитет народного контроля СССР. » А в конвертах — беспокойство, боль, возмущение, просьбы вмешаться, защитить, пресечь, наказать, восстановить справедливость... Обращаются в Комитет народного контроля, как в «Скорую помощь», тогда, когда заболит. Такая уж миссия возложена на него обществом — лечить и предупреждать всевозможные «заболевания» на почве безответственности, расточительства, злоупотреблений, служебной некомпетентности...

20 220 писем пришло в Комитет народного контроля СССР в прошлом году. Пишут о случаях распыления государственных средств и несправедливого распределения квартир, о фактах бесхозяйственности и бюрократической волокиты. Пером авторов водит горячее стремление к справедливости, искреннее желание помочь делу, нетерпимость к разного рода отклонениям от норм нашей жизни. Почта органов народного контроля — зеркало гражданской активности людей. Авторы писем—они ведь по сути тоже контролеры. Наш контроль потому и народный, что осуществлять его помогают миллионы, демонстрируя остроту социального зрения и подлинно государственный подход к нерешенным проблемам.

Конечно, многие вопросы, с которыми обращаются в КНК СССР, можно было бы разрешить на месте — как в случае с будильником, с которого мы начали рассказ, так и в той истории, о которой сейчас пойдет речь. Так что письма эти несут еще и информацию о бюрократизме и нерадивости низовых работников, и Комитету народного контроля приходится употреблять свою высокую власть в укор тем, кто не справился с простым делом самостоятельно.

Ни одно письмо не остается без внимания. Сигналы тщательно проверяются (причем, как правило, письма не пересылаются в министерства и ведомства, а проверяются в самой системе органов народного контроля), и, если необходимо, принимаются неотложные меры. Вот, к примеру, какое письмо пришло в начале января из Оренбургской области:

«В Комитет народного контроля СССР.

Трест «Орсжилстрой» в конце 1981 года сдал в эксплуатацию дома общей площадью 20 тысяч квадратных метров, на строительстве которых еще нужно работать минимум два месяца. В частности, в доме № 31 только начали клеить обои, ванны обещают установить в середине января, к покраске не приступали, не проложен газопровод. В лучшем случае дом будет готов в феврале. В доме № 32 два подъезда без полов. Еще один дом — без обоев...»

В Орск вылетел инспектор Комитета народного контроля СССР Игорь Федорович Потапенко, а вслед за ним — один из авторов этого репортажа.

...В кабинете Владимира Александровича Томина, председателя Орского горисполкома, за длинным столом заняли места действующие лица домостроительной эпопеи. Управляющий трестом «Орсжилстрой» В. И. Курганов откровенно признался:

— Наша вина. Недоделки имеются. Однако ж зачем принимали?

На этот законный вопрос начальник инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля В. В. Рейнюк с готовностью ответил:

— Я докладывал председателю горисполкома. Имеется документ.

— Гладко у вас на бумаге,— сказал Потапенко и покачал головой.— Ну что ж, посмотрим на те дома. Поехали!

...Панельная пятиэтажка на улице Олимпийской. Мы направились к одному из подъездов, ступая по битому стеклу, обходя примерзшие к земле носилки, брошенные газовые баллоны, искалеченные раковины... В подъезде пахло сыростью и краской.

— Начнем с пятого этажа,— сказал Потапенко, и процессия во главе с управляющим трестом начала бесславное восхождение по ступенькам, щедро усеянным обрывками обоев, пустыми пачками из-под «Беломора», строительным мусором.

Мы ходили с этажа на этаж. Видели стены без обоев, окна без стекла, проемы без дверей. Это было новоселье без новоселов. Зато рядом, в соседнем доме, лилась из окон музыка, пятились к подъездам грузовики с мебелью. Дом принимал первых хозяев.

Мы позвонили в одну из квартир. Потапенко извинился, представился хозяйке и попросил разрешения войти. Посреди комнаты стоял стол, накрытый на скорую руку. Среди узлов и чемоданов сидели гости. Вокзальный дух витал над спешным застольем. Лица хозяев — Ольги Игоревны и Владимира Ефимовича Шикиных— были счастливыми. Ольга Игоревна, правда, сетовала, что кранов нет, газа нет, вода — только холодная, но муж успокоил:

— Будет все! Была бы крыша над головой, верно? — и подмигнул управляющему трестом.

— Ну вот, — сказал Рейнюк, когда мы вышли. — Люди довольны — чего еще надо?

Увы, новосел не придирчив. Он счастлив и потому удивительно покладист. Он верит, что со временем все образуется. Надо будет — сам подкрасит, подправит, подтянет, подклеит... Он привык. А привычка к беспорядку опасна. Вот почему по результатам проверки, проведенной Потапенко, приняты строгие меры. Часть виновников наказал городской комитет партии, часть — горисполком.

— Наказывать, мы, конечно, наказываем, — говорил нам председатель КНК СССР Алексей Михайлович Школьников. — Однако есть у нас и другая задача — воспитание. Воспитание контролем. Заметьте, не только тех, кого проверяют, но и тех, кто проверяет. Воспитание мужества, активной позиции в жизни — в этом состоит наша не только государственная, но и общественная, я бы даже сказал, гражданская миссия.

Быль о горе-изобретателе

Зло не только живуче, но и колюче — голыми руками его не всегда возьмешь. Как часто, сталкиваясь с беспорядком, халтурой, стяжательством, грубостью, возмущаешься — и ничего не предпринимаешь. Ведь приписки надо разоблачить, брак выявить, нарушение графика зафиксировать. Непросильно это бывает одному...

Народный контроль как бы удесятеряет наши силы, дает возможность каждому действенно бороться с недостатками, а следовательно, активно влиять на дела в государстве: от малых до самых важных.

Вот какая история произошла недавно.

Генеральный директор производственного объединения А. Ф. Пашков пылал такой страстью к рационализации и изобретательству, что за несколько лет стал соавтором 58 предложений и 17 заявок. Пристрамвался к любым работам подчиненных, выдавал за рацпредложения даже то, что рабочие и инженеры делали в порядке служебных обязанностей. И хотя большинство «изобретений» на поверку оказалось чистой фиглярией, услужливые работники бриза оформляли документы о внедрении. На фальсифицированных расчетах экономического эффекта авторские вознаграждения росли, как на дрожжах. Таким образом Пашков незаконно получил свыше 10 тысяч рублей.

Пресечь эти злоупотребления в объединении не смогли: набрал силу директор, одних вовлек в свои махинации, развратил липовыми премиями, другие ушли с работы, спасаясь от грубости и самодурства. И еще в объединении знали — глаза на сигналы не реагирует, директора поддерживает, в обиду не даст. И тогда группа сотрудников заводоуправления обратилась в КНК СССР. Была проверка, факты, как говорится, полностью подтвердились.

Однако не Пашкову суждено стать «героем» этого эпизода. Нас больше заинтересовали другие персонажи — начальник главка Минэлектропрома А. С. Гладков и заместитель начальника Л. В. Шведов. Почему они горой стояли за Пашкова? Может быть, прощали ему «невинные шалости» с изобретательством потому, что он был надежным директором? Ничего подобного. Объединение и плана-то не выполняло (из-за чего, кстати, рабочие и инженеры вообще никаких премий не получали) Причина оказалась в том, что руководители главка вместо того, чтобы наводить порядок в подведомственном учреждении, пошли на сделку с нечистоплотным директором (а заодно и с совестью) и сами оказались в числе соавторов со всеми вытекающими отсюда материальными последствиями. Гладков, правда, крупных сумм не получал, в вот Шведов на рационализаторской ниве пожал несколько тысяч.

Результат? Генеральный директор и заместитель начальника главка от занимаемых должностей освобождены. Начальнику главка объявлен партийный выговор с занесением в учетную карточку. Естественно, все незаконно полученные вознаграждения до копеечки внесены в государственную кассу.

Здесь мы хотим обратить читательское внимание на еще одну сторону деятельности КНК — контроль за теми работниками государственного аппарата, которые сами, по служебному положению своему, должны были бы контролировать подведомственные организации. Любое злоупотребление приносит ущерб государству, но попустительство злоупотреблениям и экономически, и нравственно опасно вдвойне. Это народные контролеры хорошо понимают.

Вокруг башмака

В Шяуляе, на улице Вильняус, у дверей обувного магазина стоит на пьедестале огромный башмак. А ниже, на той же улице, расположено Шяуляйское производственное кожевенно-обувное объединение «Эльнияс». 1 февраля на заседании Комитета народного контроля СССР продукция литовских обувщиков была снята с пьедестала.

На справки к заседанию комитета: «Вильнюсскому производственному кожевенно-обувному объединению имени П. Эйдукявичюса (генеральный директор т. Рагайшис) за реализацию нестандартной продукции в течение 1980—1981 годов предъявлено более 1,5 тысячи рекламаций, забраковано свыше 280 тысяч пар обуви. Штрафы за поставку изделий с наличием дефектов превысили 480 тысяч рублей. Браковалось каждое пятое изделие с индексом «Н» (новинка).

Крайне низкого качества вырабатывается продукция на Шяуляйском производственном кожевенно-обувном объединении «Эльнияс» (генеральный директор т. Даелис). За 1980—1981 годы объединению возвращено и понижено в сортности более 200 тысяч пар обуви...»

И вот на заседание КНК СССР вызваны руководители обувных предприятий, министры легкой промышленности Литвы и Молдавии (там обувь тоже не подарок), заместитель министра легкой промышленности СССР А. А. Бирюков. Общими словами, заверениями, ссылками на «объективные причины» отделаться не удается. Стенограмма сохранила фрагменты разговора с протокольной точностью.

Л. М. РАГАЙШИС: — ...Мы принципиально подошли к оценке недостатков, провели широкую разъяснительную работу в коллективе... Эта проверка — серьезный урок, который послужит дальнейшему улучшению...

В. Г. КОРЬКОВ: — Вам-то урок, а каково государству? Дорого обходятся ему такие уроки.

Л. М. РАГАЙШИС: — Не хватает кожевенного сырья...

Н. В. ДАНИЛЕНКО: — Да вы же его портите, из добротного материала варите клей...

А. А. БИРЮКОВ: — Мы разработали комплексную программу коренного улучшения качества обуви.

А. М. ШКОЛЬНИКОВ: — Программа — это хорошо. Но сначала должны быть вскрыты причины, породившие безобразие. Вы, кстати, за это тоже несете ответственность.

И высокопоставленные обувщики вынуждены признать: да, нарушалась технологическая дисциплина; да, пропускали мимо ушей сигналы ОТК; да, закрывали глаза на брак.

В конце обсуждения А. М. Школьников сказал:

— Возвращайтесь домой, расскажите рабочим, за что вас наказали. И думайте вместе с ними, как поправить дело.

...Собрание проходило в клубе Вильнюсского производственного кожевенно-обувного объединения. Зал был переполнен. Стояли в проходах, толпились за распахнутой дверью на лестнице.

— Вот что,— сказал министр легкой промышленности республики Й. К. Раманаускас, — мы не будем сегодня аплодировать выступающим. Как показала проверка Комитета народного контроля СССР, аплодисментов никто из нас не заслужил. Ваш директор товарищ Рагайшис наказан, и наказан строго. Ему такие придется выплатить начет в размере трех месячных окладов.

Генеральный директор сидел, опустив голову, не поднимая глаз. Потом встал. Выступая, назвал причины брака. Честно сказал об атмосфере нетребовательности в коллективе.

Не имеем возможности продолжать репортаж с этого собрания. Скажем только, что участвовало в нем более 400 человек. Добавим, что подобные собрания с участием министра, народных контролеров прошли на обувных предприятиях Каунаса и Шяуляя.

Проверку не скроешь. А нечнешь скрывать — поползут слухи, и, конечно, преувеличенные, потому что слухов преуменьшенных не бывает. Три собрания на обувных предприятиях Литвы несут в себе заряд гласности. Той гласности, которая убивает слухи, делает контроль воистину всенародным, является залогом его действенности и силы.

Хочется верить, что отзовется делом. Комитет народного контроля СССР проведет не обувных предприятиях Литвы повторную проверку. В том, что такая проверка состоится, нет сомнения, ибо комитет твердо следует принципу, провозглашенному В. И. Лениным в первые годы Советской власти: *«Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела* — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики».

Невзирая на лица

Вы заметили: где бессилен главк, где опускает руки министерство, тем Комитет народного контроля СССР способен выстоять и утвердить порядок. Подчиняясь Верховному Совету СССР, его Президиуму и правительству, он в нашем обществе поставлен высоко и, поднимаясь над ведомственными интересами, строго следит, чтобы соблюдался один, главный интерес — государственный.

В прошлом году министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожний рапортовал Центральному Комитету партии: введен в действие первый гидроагрегат Колымской ГЭС. Однако гидроагрегат, проработав шесть суток с десятипроцентной нагрузкой, был остановлен более чем на четыре месяца: ликвидация недоделок. Как показала проверка Комитета народного контроля СССР, основные сооружения узла были сданы недостроенными, с большими отступлениями от проектных решений...

Что гидростанция не готова, видно было даже рядовому рабочему. Но первый заместитель министра П. П. Фалалеев санкционировал приемку ее в эксплуатацию. Сдать любой ценой! — и заместитель министра Н. М. Иванцов сократил объем пускового комплекса, исключив из него важные объекты, те, без которых нет и не может быть нормальной работы.

Центральный Комитет КПСС по материалам КНК СССР строго наказал виновников. За грубое нарушение государственной дисциплины и очковтирательство Н. М. Иванцову объявлен выговор, и он освобожден от занимаемой должности. П. П. Фалалееву объявлен выговор. Министру П. С. Непорожнему поставлено на вид.

Репортаж из КНК СССР

Так народные контролеры, получив высокую партийную поддержку, вновь напомнили о том, что общегосударственные интересы всегда должны стоять выше интересов ведомственных, что ответственные руководители действительно должны отвечать за свои действия. Безответственность, разорительная для общества, всегда выгодна кому-то лично. Иные ловчат, обходят законы, а на любое «зачем?» наготове ответ: «В интересах дела».

В прошлом году комитеты народного контроля направили в органы прокуратуры материалы по 6284 проверкам. Нам рассказывали, в свое время КНК СССР принял постановление «О грубом нарушении установленного порядка приемки в эксплуатацию Сиверского моторемонтного завода Госкомсельхозтехники РСФСР». На основании материалов проверки, переданных в Прокуратуру СССР, было возбуждено уголовное дело. Стали расследовать, и, помимо приписок и очковтирательства, выплыли факты хищений и разбазаривания государственных средств, взяточничества и злоупотреблений должностных лиц. Сейчас дело слушается в Ленинградском областном суде. На скамье подсудимых — двенадцать человек. Среди них заместители председателя Ленобласельхозтехники Петров и Жужгин, бывший начальник главка Госкомсельхозтехники РСФСР Барашков, руководители завода Никифоров, Туманов и Михайлов, управляющий трестом Сигал. Такой список хорошо бы смотрелся в отчете о каком-нибудь представительном совещании.

Каждый руководитель в нашей стране подконтролен обществу. И с каждого общество вправе спросить. Строго. Требовательно. Невзирая на лица.

Под защитой государства

Принципиальность, непримиримость — бойцовские качества. Однако люди, наделенные ими, должны быть надежно защищены. Хорошо, когда партийная принципиальность, душевная широта подавляют чувство мелочного самолюбия, позволяют видеть в народных контролерах помощников в борьбе с недостатками, людей, болеющих за дело. А если нет? Чего уж там, и преследуют народных контролеров, и пытаются ошельмовать, скомпрометировать, объявить склочниками... Но если честного, смелого дозорного не поддержали товарищи, если не вступились за него местные органы, то можно быть уверенным: конец гонениям положат и КНК СССР. Потому что на охране прав народных контролеров стоит сам Закон — Закон о народном контроле в СССР.

В статье 29 Закона сказано: «Противодействие народным контролерам в выполнении возложенных на них обязанностей, их преследование в связи с деятельностью по осуществлению контроля влекут за собой привлечение виновных в этом лиц к ответственности».

Вот какая телеграмма пришла однажды в Комитет народного контроля СССР:

«Являясь заместителем председателя группы народного контроля Уральского автотранспортного предприятия «Трансагентство», за критику и вскрытие недостатков в работе администрации подвергался гонению... В настоящее время уволен согласно умышленно сфабрикованным выговорам... Прошу вашего вмешательства.

Уральск. Дьяченко Евгений Иванович».

Проверили. Выяснилось, что механик Дьяченко интересовался, как используется транспорт, ремонтируются машины, хранится техника. На собрании коллектива Дьяченко выступил против бесхозяйственности, разбазаривания запасных частей по запискам руководителей автотранспортного предприятия.

Как отнесся к критике начальник АТП С. И. Глотов? Поблагодарил, принялся наводить порядок? Ничуть. Повел против Дьяченко войну. Организовал докладные о плохом исполнении механиком служебных обязанностей, выискивал мелкие упущения, придирался до пустяков, объявил ему замечание, строгий выговор, два строгих выговора с предупреждением. Добился, чтобы Дьяченко не избрали в новый состав группы. И, наконец, уволил его.

Из сообщения КНК Казахской ССР Комитету народного контроля СССР: «Результаты проверки телеграммы т. Дьяченко рассмотрены на бюро Уральского горкома КП Казахстана. За преследование народного контролера т. Глотову объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Он освобожден от должности начальника АТП «Трансагентство»... Тов. Дьяченко восстановлен на прежней должности с оплатой за вынужденный прогул».

Строго наказан Глотов. Но расплата может быть и более суровой. В постановлении Пленума Верховного суда СССР говорится:

«Преследование граждан... в связи с деятельностью по осуществлению народного контроля, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения путем умышленного ущемления прав и охраняемых законом интересов граждан (унижение достоинства личности, исключение из списков на получение жилплощади, лишение прав пользования земельным участком и т. д.), причинившее существенный вред или вызвавшее наступление тяжких последствий, должно квалифицироваться по статье 170 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик».

Загляните в эту статью. Она предусматривает лишение свободы на срок до трех, а при тяжких последствиях — до восьми лет.

Так что открыто с народным контролем бороться невозможно. Но сколько попыток негласного нажима, как проворны влиятельные покровители, которые из соображений ведомственных (честь мундира) или даже приятельских пытаются отвести удар от нарушителей государственной дисциплины, очковтирателей, бездарных хозяйственников и бюрократов!

В Николаевской области инспектор Первомайского районного комитета народного контроля А. И. Перфилов должен был проверить, как соблюдаются правила торговли на межрайонной базе облпотребсоюза. Директор базы В. Т. Багнюк стеной встал: «Не пущу!» Перфилов — и руководителям областного комитета народного контроля: так, мол, и там. Те проверили своими силами. И стало ясно, почему Багнюк охранял свою «вотчину» от посторонних глаз: на складах копились дефицитные товары, припрятанные для продажи нужным людям. Результаты проверки рассматривались на заседании областного КНК, и Багнюк был отстранен от должности, но под нажимом руководства облпотребсоюза комитет вдруг изменил свое решение, ограничившись объявлением Багнюку взыскания. Перфилов был принципиален и настойчив и, несмотря на то, что председатель районного комитета М. А. Пасичный благоволил к Багнюку, продолжал бороться. В дело вмешался обком партии. Багнюк от должности директора базы освобожден. Снят с работы председатель районного КНК Пасичный. Строго наказаны адвокаты Багнюка из облпотребсоюза.

Да, чтобы осуществлять контроль, мало быть знающим, честным, добросовестным человеком. Порядочность и непримиримость должны быть помножены на личное мужество. Гражданская смелость, подкрепленная высокими правами и полномочиями, защищенная законом.

Мы видели: КНК СССР решительно поддерживает принципиальность народных контролеров. Так же решительно осуждается мягкотелость, либеральность местных органов народного контроля. Когда не вскрываются истинные причины ошибок и злоупотреблений, когда нет принципиального спроса с виновных, когда боязнь испортить отношения мешает «заострить углы» — тогда проверки идут, а все остается по-старому. Недостатков у нас хватает, и каждый из них — обвинение не только виновному, но и тем народным контролерам, которые с этим смирились.

Ближе к делу!

«Эффективность контроля, — сказано в одном из постановлений ЦК КПСС, — определяется не числом проверок и принятых решений, а реальными результатами, улучшением дела». Система органов народного контроля потому и система, что позволяет добиваться действенности проверок, реальных, осязаемых результатов.

Скажем, не так давно дозорные столицы, изучив работу московских предприятий, обнаружили значительные резервы производства. Результат — реальнее трудно представить: сэкономлено 90 тысяч тонн черных и цветных металлов, произведено сверх плана 1,3 миллиона метров шелковых тканей и много другой продукции. Еще факт: на Украине были проведены проверки почти на всех предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах. Устранив недостатки и внедрив предложения комитетов, групп народного контроля, трудящихся, республика сэкономила около 4 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, почти 2 миллиона тонн условного топлива.

Ах, если бы всегда вмешательство контролеров завершалось столь победно! Если бы эффект неизменно был значителен и весом! Будь там, не понадобились бы повторные проверки, не пришлось бы месяцами вести прицельный огонь по одной и той же мишени. Увы, бесправен живучи, халтура уверткина, безынициативность защищена параграфом и инструкцией.

На полях одного из множества писем, адресованных Ленину, энергичным почерком Владимира Ильича выведено. «Не дайте делу заснуть!» В этих словах — и призыв к действию, и непримиримость к безделью, расхлябанности, безответственности. Вполне годились бы они и в качестве нестареющего требования к народным контролерам: не дайте делу заснуть! Любые проверки лишены смысла, если после них «засыпает» дело, убаюкивается активность людей.

«Надо работать, надо делать дело», — сказал на XVII съезде профсоюзов СССР Леонид Ильич Брежнев. А дело, порядок во всех сферах жизни не восторжествует без той нелегкой очистительной работы, которую выполняет сегодня Комитет народного контроля СССР. Народный контроль — влиятельная сила советского общества, способная вести действенную борьбу со всем тем, что чуждо нашему образу жизни.

Где нет порядка, трезвой, критической самооценки, где царит благодушие, длительная раскачка, где справедливость загоняют в угол, там засыпает дело — вы слышите, контролеры? Не дайте ему заснуть!

ЗАВОД «ВЫХОДИТ В ЛЮДИ»

КАК ОТСТАЮЩИЕ СТАЛИ ПЕРЕДОВЫМИ

ЗАВОД не знаменит, хотя носит довольно громкое название: Ленинградский машиностроительный. Не большой, не малый — средний. Если чем и был известен до недавнего времени, так это хроническим отставанием. И вдруг всех удивил: резко пошел в гору. По итогам первого квартала — едва ли не лучшие в городе показатели. Планы по реализации, по нормативно-чистой продукции значительно перевыполнены. И есть все основания полагать, что «выздоровление» — стабильно.

Как это происходит? За счет чего предприятие, казалось, прочно окопавшееся в самом низу квартальных сводок, неожиданно для окружающих «взмывает» ввысь? С такими вот вопросами шел я к директору Ленинградского машиностроительного Николаю Степановичу Сенчёнку.

В приемной директора, в его кабинете порядок и уют, удобная мебель, светлые панели по стенам. Хотя и достаточно скромно.

С этого — неожиданно для меня — и начал мой собеседник:

— Нравится? Скоро все заводоуправление преобразится. А когда пришел сюда, поверите ли, чуть ли не за кухонными столиками люди сидели! Не упоминал бы об этом, если бы не увидел тут своеобразного отражения общего тонуса жизни предприятия: какой-то опущенности, что ли, апатии. Как рассуждали? Не выполняем плана из года в год — и дальше не выполним: не по силам. Нам-де с «большими», у которых свои пансионаты на Черном море, не тягаться. Им все в первую очередь — и жилье, и сырье.

— Экономический фатализм?

— Как ни называть такое настроение, с ним надо бороться. Нужно видеть перспективу, иметь терпение. И за тем же «кухонным столиком» посидеть (только не соглашаясь, что это — навечно), пока не сделаются более неотложные дела...

— Какие же? С чего начинали вы?

— Прежде всего — кадры. Надо было людей расшевелить. Кого-то пригласить со стороны, кого-то поменять местами. Вот один пример (не назову фамилий, чтобы не обидеть ненароком, хотя на что тут вроде бы обижаться?): начальника цеха сделали начальником производства, а того вернули в начальники цеха, где он раньше был. И работает снова очень хорошо. Заводской же масштаб ему оказался не по плечу. Не потому, что плох как специалист, а просто характер работы иной. Ну, с кем-то пришлось и распрощаться.

— Часто приходится слышать и читать, что молодые специалисты привносят свежее, динамичное начало в жизнь «забуксовавшего» предприятия...

— Тут нет общего правила. Когда наши дела стали налаживаться, иные ветераны так воспрянули, так показали себя, что молодым впору позавидовать. Назову хотя бы начальника конструкторского отдела Николая Владимировича Роденкова — тридцать четыре года отдал он предприятию! Между прочим, оказалось, немало людей преданно любят наш столь долго бедствовавший завод. Любили его и в самые «черные» дни. Только показать себя по-настоящему не могли. А создались условия — и люди проявили свои лучшие качества. Роденков в том числе. Что же касается молодых... Мне вот сейчас позарез нужен молодой, думающий инженер в механический цех. Не загружал бы его тележкой, всякой там документацией, в просто пустил бы «гулять» по цеху. Пусть глядит и соображает: эту деталь делают сейчас так, а надо бы вот этак. Убежден, что от такого свежего глаза эффект был бы огромный!

— Коли уж идет разговор о кадрах, разрешите задать деликатный вопрос: какова судьба вашего предшественника?

— Работает заместителем директора — между прочим, как раз по кадрам — на другом предприятии. Уверен, что там он вполне на месте: человек образованный, интеллигентный, разбирается в людях... Знаете, есть у футболистов такое выражение: «видеть поле». Игрок не спускает глаз с мяча, а в то же время каким-то боковым зрением, иногда чуть ли не затылком видит, что творится в любом углу поля. Вот таким качеством должен обладать, как мне кажется, руководитель. Все держать в поле зрения: и производство, и кадры, и быт. В то же время в любой момент концентрироваться на главном. Таким главным стало для нас на каком-то этапе литейное производство. «Литейка» на многих предприятиях — узкое место, то же было и у нас. Решили установить полуавтоматическую линию. Посмотрели образец на родственном предприятии — не годится: велика, у нас помещение старое, тесное. Тогда сконструировали линию сами, позаимствовав только принцип. Сами и изготовили.

— Неужто все делали своими силами? Неужто «сверху» не помогли?

— Как не помогли — помогли, конечно. Заводу была давно запланирована реконструкция — двадцать миллионов по смете. В ожидании ее и перебивались кое-как. А тут — борьба с распылением средств, завершение в первую очередь уже начатых строек. Кое у кого совсем опустились руки: теперь помощи не дождешься. Но побывал на заводе наш министр, Брехов Константин Иванович, поглядел на все, подтвердил: да, реконструкция не получится, а вот техническое перевооружение будем осуществлять. И не остались его слова только словами: свыше пятидесяти единиц нового оборудования получили. Мы перевели ряд изделий на алюминиевое литье, многие детали — на горячую штамповку, то и другое значительно сократило трудоемкость, расход металла. Задумались и над номенклатурой наших изделий. Мы выпускаем машины для очистки и изоляции нефте-, газопроводов, агрегаты для разведки и бурения скважин. Прикинули: нельзя ли без ущерба для дела уменьшить их разнообразие? Оказалось, можно, и сейчас мы вместо двадцати трех прежних машин выпускаем — для тех же целей — всего четыре комбайна разного назначения...

Потом я увидел эти комбайны — огромные механические «перстни», надеваемые на многометровый «палец» стальной трубы, прежде чем ее уложат в траншею. Сначала скребки очищают металлическую поверхность, потом ее драют щетки, и, наконец, особое устройство «пеленает» великаншу в синтетическую пленку, предохраняющую от коррозии. Такие машины остро нужны сегодня, недаром столь часто звучит в цехе имя крупнейшей сибирской газовой кладовой — Уренгоя.

В цехах продолжалась беседа с директором:

— Видели наш обновленный механический? Облицованные столбы под из металлических плиток? Тоже немаловажно. Раньше, помню, станочники с «Русского дизеля» к нам заглянули и ужаснулись: да разве можно тут работать? Теперь другая картина. А ведь и у этой «эстетической реконструкции» были противники: придется производство останавливать, план совсем завалим. Оказалось, можно «облагородить» цех без остановки производства. Сначала одну сторону приводили в порядок, потом — другую. Глаза боятся, а руки делают! Правда, сейчас еще нет в цехе идеальной чистоты: конец квартала, не до того бывает... Это, так сказать, «хвостик» былой штурмовщины. Создание нормального ритма работы было одной из первых наших забот. Мы еще не добились, правда, чтобы механический, скажем, цех давал в первой декаде тридцать три процента месячного плана. Но двадцать два уже дает!

— А еще подобные «хвостики» есть?

— Не буду приукрашивать: есть. По-прежнему велика текучесть кадров. И, знаете, здесь я пока не нашел «ключа». Условия труда улучшаются, заработки у нас не хуже, а то и получше, чем на других предприятиях. Стараюсь с каждым увольняющимся сам побеседовать. Называют разные причины, а какой-то цельной картины нет. Что делать, не все задачи с готовым ответом... Но ответ надо стараться найти самому, а не ловить подсказки. Именно так поступают наши лучшие работники. Такие, как начальник отдела снабжения Леонид Борисович Московченко — благодаря ему я могу сегодня не заниматься «выбиванием» дефицитного металла (а когда пришел на завод — на столе лежал дефицит по ста пятидесяти «позициям»), как Илья Петрович Глушевицкий — наш «бог» по части реализации и сбыта. Каких только упреков не услышишь в последнее время в адрес железнодорожников, которые не подают вовремя вагоны! Но иногда хочется сказать: а сами-то мы всегда на высоте? Ритмично ли поступает к транспортникам наша продукция? Так вот, у нашего Ильи Петровича всегда все делается вовремя.

Конечно, нам многое нужно. Нужен, в частности, хотя бы еще один корпус. Думается, коллектив уже доказал, что помощь, оказанная ему, окупается с лихвой. Но, как и раньше, мы будем прежде всего спрашивать себя: а что можем еще сделать мы **сами?**

Беседу вел собственный корреспондент «Литературной газеты» Илья ФОНЯКОВ

ВЕСЕННИЕ ЗАБОТЫ. Колхоз «Красная звезда» Тульской области

Фото В. ТИМОФЕЕВА

«ЛГ» В ДЕРЕВНЕ

«ДА МОЛОДЕЦ ОН, ЭТОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ!»

(Из беседы с первым секретарем Мосальского райкома КПСС Калужской области С. И. Якушевым)

— Сергей Иванович, вы не думаете, что в сомнениях нашей читательницы Проскуряковой есть доля истины? Укрупняли-укрупняли фермы, а теперь разукрупняем...

— А меня ее письмо огорчило. Как все-таки плохо некоторые горожане знают реальную жизнь деревни! И как смело судят о ней! Да молодец он, председатель, которого по телевизору показывали! И правильно радуется...

Мы говорим с секретарем райкома о почте страницы «ЛГ» в деревне». Среди писем было и пришедшее из Свердловска от Г. Проскуряковой:

«Как-то показывали по телевидению: пенсионер-колхозник взял на откорм 40 поросят. Колхоз дал ему шифер, тес, комбикорма, то есть материальные ценности потянули из общественного фонда на частный двор. Председатель с довольной ухмылкой говорит, что раздал еще 400 поросят, и радуется, что ему теперь не надо строить новый свинарник. Это ли не уступка частному сектору в ущерб общественному? Продовольственную проблему могут решить только крупные механизированные комплексы».

...— Да, правильно он радуется, что не надо строить новый свинарник. Ему деревню строить надо! Считайте, что заново. Коттеджи для колхозников, школу, клуб, дорогу. Без этого не удастся закрепить постоянные грамотные кадры, а без кадров зачем поросячий дворец из железобетона? Продовольственную проблему без кадров не решишь. А в нашей нечерноземной деревне нет большей трудности, чем нехватка рабочих рук. И вместе с тем много ветеранов, подростков, многодетных матерей, рабочих и служащих, живущих на территории колхоза, — разве не могут они растить скот на своем подворье? Могут и хотят. Вот они-то и приходят на выручку колхозу.

— И получается?

— Отчего же нет? За двумя-тремя телятами в своем дворе ухаживать, понятно, легче, чем за сотней на ферме. Расход кормов на единицу привеса здесь ниже, а падежа вовсе нет.

— Уже и словечко такое возникло — «договорный теленок».

— А они к договорному так же ласково относятся, как к своему. Женщины в наших деревнях говорят: «Как это я своего накормлю, а колхозного голодным оставлю? Они ж для меня оба вроде родные...» Люди привыкают к животным, и тут уж трудно делить. Идут в корм отходы от стола, излишки картофеля и овощей, трава, накошенная вокруг усадьбы, — где колхозной ферме таких кормов набрать? Они и отварами трав телят выпаивают, яичный белок в пойло добавляют. Для «своей» скотинки ничего не жалко. Но «своя»-то условно! Теленок этот — подчеркиваю — был, есть и остается колхозной, общественной собственностью. Какая же тут угроза общественному сектору?..

Слушаю секретаря райкома и думаю о том, как много может дать кооперация личного и общественного сектора экономики в деревне. Об этом сейчас часто пишут, говорят. Успешно использует такую форму Венгрия, об опыте которой рассказывала «ЛГ». Там около половины мяса производится с помощью договорников. Не без их усилий Венгрия вышла на одно из первых мест в мире по производству мяса на душу населения. И в нашей стране это движение набирает темпы. Выработаны взаимовыгодные условия договоров. В разных регионах накоплен интересный опыт. Удачно применяют новинку и в Мосальском районе Калужской области, где договорная система распространилась широко.

— Минувшей зимой мы раздали в районе по дворам около полутора тысяч телят, — рассказывает секретарь райкома партии. — Год был хуже некуда: засуха, нехватка кормов. Не выручи договорники, падеж в хозяйствах был бы такой, от какого и через два года мы не оправились бы. Поклон им низкий. Не частники они никакие, а полноправные участники общественного, социалистического производства.

— Колхозы-то они выручили, а им самим выгодно ли это? Или все на сознательности?

— В общем, выгодно брать и сейчас: за откорм колхоз неплохо платит. Но ведь это и труд дополнительный, и время, оторванное от досуга! Кормов колхозы нынче давали мало. И, конечно, без призывов к сознательности в нынешних экстремальных условиях не обошлось. Пришлось руководителям, специалистам, членам партии подавать пример — некоторые по три-четыре головы брали. Думаю, в нормальном, урожайном году можно будет сделать условия договоров более выгодными для обеих сторон. Колхозы станут давать партнерам меньше «голых» денег, больше кормов. Вместо авансов, помесячной оплаты за уход деньги заплатят «кучкой» — за конечный результат. Тогда люди будут больше заинтересованы, чтобы раскормить бычка до 350—400 килограммов. За такой сверхнормативный вес государство платит намного дороже, и заработать семья может хорошо: рублей 700—800 на голове. Взять три-четыре теленка — вот вам половина «Москвича»...

— Так что же: вместо крупных комплексов — мини-фермы?

— Ничего подобного! Мы эту форму другим не противопоставляем. Все зависит от времени, места и условий. Почему «либо — либо»? Почему не «и»? У каждой формы есть свои преимущества и свои недостатки. При всем моем уважении к «Птицепрому» смею заметить: у него своей земли почти нет, он на готовых кормах сидит. А у нас здесь, в Нечерноземье, как раз самая главная задача — обеспечить скот собственными кормами, выкосить траву до последней былки. И договорная форма позволяет привлечь к этому важнейшему делу дополнительные рабочие руки. Я бы знаете с чем сравнил договорников? С безнарядным семенным звеном в полеводстве. Оно тоже небольшое, но работает-то сплошь и рядом лучше, чем огромная бригада. Заинтересованности больше, хозяйского чувства.

Мы будем и дальше укреплять основу общественного животноводства — крупную механизированную ферму. Но при этом непременно учтем уроки домашнего подворья, чтобы и за общественного теленка люди болели, как за своего.

— Из тринадцати тысяч жителей района, по сути дела, лишь небольшая часть живет в Мосальске. Вам не кажется, что горожан тоже надо привлекать к договорам?

— Это правильно! Здесь скрыт крупный, может быть, самый главный наш резерв. В городе много индивидуальных домов. Целый поселок — «Кавказ» (он на холмах стоит, потому так прозвали). Есть прекрасные, трудолюбивые семьи: Зайцевы, Малаховы, Скубковы, Богомоловы, многие другие. Мы уже сейчас ведем с горожанами работу, чтобы не упустить будущий сенокос. Когда-то наш Мосальск сам себе кормил, три больших стада по утрам выгонял, а сейчас... Важно, конечно, и личный сектор в городе возродить. Мы это тоже делаем, но без помощи колхозов и совхозов, без использования их кормов и угодий трудно будет людям скотину держать. И потому — курс на договоры! Часть оплаты можно, кстати, выдавать натурой, а у нас с мясом сейчас нелегко!

— Сергей Иванович, в «Литературную газету» часто пишут ветераны, которые полгода живут в деревне, в своих домах. Мы их защищали от нападок тех, кому они кажутся «бесполезными дачниками», доказывали, что они могут приносить пользу общественному хозяйству с выгодой и для себя, своей семьи. Вот довольно характерное из таких писем. Автор его — москвичка А. Кирсанова:

«Почему только селян привлекают к договорам? Есть ведь масса жителей малых и средних городов, у которых имеются собственные дома, участки и помещения для скота, — почему бы не сделать их партнерами соседних колхозов и совхозов? А если взглянуть на проблему еще шире — сколько людей можно вовлечь в этот процесс! Я имею в виду пенсионеров-горожан, живущих весь теплый сезон, а то и почти весь год в своих деревенских домах. Ведь таких — несколько миллионов человек! Зачем же хранить вокруг них заговор молчания и делать вид, что их вовсе не существует? Я знаю, что многие ветераны-дачники охотно держали бы птицу, мелкий скот, а кое-кто и крупный. Но туго с кормами, угодьями. И не хотим мы быть «частниками», кустарями-одиночками. Вот если бы кооперироваться с колхозом или совхозом! Возможно ли это? Есть ли где-нибудь подобный опыт?»

— В деревне Круглик, — говорит секретарь Мосальского райкома, — живет, например, трудолюбивая чета пенсионеров Поповых из Подольска. Они корову держат — молоко сдают государству, недавно взяли на откорм колхозного теленка. В город старички ездят попеременке. Это не очень удобно, конечно. У других горожан есть в деревне родня. Они кооперируются: помогают сельским членам семьи заготовить сено, вырастить картошку и свеклу для скота. Селяне в свою очередь помогают им продуктами. Так почему бы не перенести этот народный опыт «кооперации» и «специализации» на договорную форму? Пусть горожане будут вроде субподрядчиков. Тем более, что для договорного скота колхоз станет выделять дополнительные огороды, сенокосы, пастбища. Еще раз повторю, руки нечерноземной земле нужны. Всякие руки! И сезонные в том числе.

НЕ ЧАСТНИКИ, А УЧАСТНИКИ

ГОРОЖАНИН — ПАРТНЕР КОЛХОЗА?

ДЛЯ СЕБЯ, ДЛЯ ДЕТЕЙ, ДЛЯ СТРАНЫ

(Из беседы с А. Д. Зайцевой, мотористкой «Водоканала» города Мосальска)

— Мне рассказывали, что вы каждый год хороших бычков растите: по 350—400 килограммов. Сдаете в кооперацию или на базар везете?

— Не любим с мужем это занятие: торговать. Мы в кооперацию сдаем. А быки, правда, хорошие получаются — здоровенные, веселые. Как-то отвязался один, пошел землю рыть, рожками кидать, народ в стороны, а я подошла, погладила, он ко мне ласкается, руки лижет. Я животных люблю, и они меня понимают.

— Как с кормами?

— Да не ленись только — всегда накосишь. Я возле напорной башни своей кошу, в свободную минуту. В Вороновке, в лесничестве, накосить разрешают. Картошку мелкую бычкам даю, яблоки-падалицу за милую душу едят. Вот с комбикормами плохо. Отчего так, скажите, за молоко в кооперации их дают, а за мясо — ни грамма?

— В колхозе договорникам зерно выделяют.

— Ой, а разве можно горожанам брать телят на откорм из колхоза? Я думала, только колхозникам... Я бы две-три головы взяла. Но только из «Родины», от Смирнова Александра Кузьмича. Хороший председатель, хозяйственный. Мы его знаем. У него наша дочь Маринка год доярской работала, и он ее хвалил.

— А вам-то самим дети помогают вести хозяйство или в одиночку бьетесь?

— Нескромно наверно, а все-таки скажу: дай бог каждому таких дочек, как наши! Старшая, Галя, сейчас в Бресте, в институте. Ездила со студентами в стройотряд, не медалью наградили «За трудовую доблесть». Младшая, Маринка, на закройщицу учится. Помогают мне дочки — разве без них управилась бы? Во дворе иной раз до десятка голов мычит, блеет, хрюкает, так что без Маринки было бы немоготу. Приболею иной раз, она шумит, командует: «Не смей вставать, я сама, сама!» Отец шутит: «Я бы тебе, Маринка, тоже медаль дал: за доблестный труд в личном подсобном хозяйстве». Мне кажется, неразумно те делают, кто имеет возможность держать хозяйство и не держит. У нас дети сызмальства в труде росли. Никакой работы не боятся. В городе они городские, в деревне — деревенские.

МОСАЛЬСК ПОД БОКОМ...

(Из беседы с А. К. Смирновым, председателем колхоза «Родина»)

— У вас, Александр Кузьмич, телят по дворам немного роздано: тридцать голов всего. В других колхозах больше. Отчего так?

— Тут, думаю, шаблон: быть не может. Ведь какая цель договоров? Одна ближняя, тактическая: сберечь молодняк до травки. У нас с кормами и с помещениями хоть и туго, но получше, чем у других. Другая цель дальняя, стратегическая: привлечь в животноводство как можно больше рабочих рук. Дополнительных, свободных! Широко привлекать занятых, трудоспособных людей мы побаиваемся. Может ведь и так выйти, что ему пять телят выгоднее будет дома обихаживать, чем сотню на ферме. А там кто будет работать? На трудоспособного колхозника в развитии договорной системы надежда слабая. Он загружен «под завязку» летом — от зари до зари, да еще личное хозяйство. У нас колхоз компактный, деревни в одном кулаке, фермы рядом, есть где работать и есть кому. А вот в других хозяйствах много маленьких деревень. Живут там в основном ветераны, ферм поблизости нет, а сенокосов и выпасов полно. Им и карты в руки! В «Октябре», говорят, один такой боевой старик, Липатов, семь телят по договору взял. Его деревеньку, Крышилово, уже приговорили как «неперспективную». А он взял и сделал из нее колхозную мини-ферму. Вот вам и перспектива! Сколько таких деревень на Руси, а? Сколько мини-ферм можно организовать?

У нашего же колхоза свой резерв. Тут Мосальск под боком, нам бы с горожанами договоры заключить! Мы бы им бензокосилку чешскую ручную дали, зерна по триста кило на бычка...

Откорм скота по договорам может стать серьезным вкладом в решение продовольственной программы. Заняться этим резервом надо немедленно, сейчас. Тогда многие горожане успеют принять участие в производстве и заготовке кормов для своих «мини-ферм» уже нынешним летом.

А. НИКИТИН, собственный корреспондент «ЛГ» по Нечерноземью

УСПЕХ В ЖИЗНИ — ПОДЛИННЫЙ И МНИМЫЙ

Разговор о жизненном успехе (как, видимо, и должно быть в полемическом столкновении мнений) неожиданно обрел новое дыхание. Раздвинув тематические рамки спора, он вызвал новую волну читательских откликов.

Участники дискуссии, выясняя, что можно считать настоящим успехом и какие пути к нему нравственно оправданы, подошли к обсуждению главных мировоззренческих вопросов: какими идеалами должен руководствоваться сегодняшний «соискатель» истинного успеха? Какая жизненная позиция делает успех общественно значимым?

Продиктованы эти вопросы одним, общим для всех читателей желанием углубить свое представление о том, какой может и должен быть в век небывалых скоростей и научно-технических достижений содержательная, духовно насыщенная жизнь каждого из нас. Какие жизненные ориентиры помогают нашему современнику наиболее полно проявить свою трудовую и социальную активность.

Намереваясь в ближайшем выпуске дискуссионного клуба подвести итоги обсуждения, предлагаем вашему вниманию выступления социолога А. Радова, публициста И. Гурули и строки из читательских писем. Авторы этих публикаций ведут разговор о главных жизненных ценностях, о «красивой», то есть подлинно духовной, жизни, невозможной без чистой совести, без творческой самоотдачи, без заботы о благе всего нашего общества.

МНЕНИЕ СОЦИОЛОГА

Александр РАДОВ, кандидат философских наук

ПУСТЬ ДОН КИХОТ ОТКАЖЕТСЯ...

ГОВОРЯ об успехе в жизни, не стыжусь признаться: хочу жить красиво!.. Много зарабатывать, чтобы много тратить. На что? На необходимое, а иной раз и на лишнее, зато приятное мне и моим близким: на большую квартиру, где не надо тесниться; на загородный дом, где можно как следует отдохнуть и покопаться в земле; на библиотеку, фонотеку и прочие «стеки», на красивые вещи, в том числе — машины, которые и украсят, и облегчат быт, на добротную одежду под разную погоду и настроение, на ежегодные дальние путешествия...

Так ли уж нахальны мои мечты? Уточню — вовсе не требую исключительности. Вполне солидарен с Ф. Достоевским: «С условием 10-й доли части счастливцев я не хочу даже и цивилизации...» Но полагаю, что социалистический способ производства, перемноженный на Эн-Тэ-Р, вполне способен подобную красивую жизнь обеспечить для моих сограждан и обеспечит в конце концов. Разве нет? «При одном условии!» — скажет экономист, и я подхвачу его с полуслова: Да, конечно: ради красивой жизни я готов много работать — напряженно и продуктивно, с душой и выдумкой...

— Да кто тебе мешает? — спросят меня. — Иди, вкалывай и все получишь!

Э, нет, не все тут так просто...

Формула «А» и формула «Б»

Начну здесь с двух полярных разновидностей отношения к труду или — иначе — к двух формул философии труда. Формула «А»: человек готов мало получать, лишь бы мало работать. Формула «Б»: человек соглашается много работать, чтобы много зарабатывать. Однако у нас есть предприятия, которые не только держатся на формуле «А», то есть людях, которым мало надо, но и всеми способами закрепляют и узаконивают подобное отношение к труду.

Добавлю, что таким людям мало надо не только в плане материального благополучия, но и в условиях труда, его оснащенности, содержательности. Они излишне терпимы к зарвавшимся администраторам, снисходительны к грубости продавцов, чудачествам пьяниц... А ведь такого рода человеческое смирение — питательнейшая среда всякого застоя.

Вспоминаю, что на эти темы приходилось страстно спорить еще лет пятнадцать назад. Тогда взамен сплошь административного руководства промышленностью вводилось экономическое регулирование и материальные стимулы становились все полновеснее. И что же? Возникла странная ситуация: дав первоначальный импульс развитию, эти стимулы переставали вдруг действовать. Наука, к сожалению, этой загадкой тогда не заинтересовалась, но хозяйственники расшифровали ее так: «Семье на прокорм и себя на бутылку заработал, а больше ему понимаешь ли, не требуется...» Тормозом, по их мнению, стал человек, которому работать много и напряженно было не с руки, да и не для чего, обременять себя рационализацией или прочими инициативами — тем более. Заработав достаточную для себя сумму, он предпочитал дальше повольнить, поточить лясы. И тут отношение к труду и к заработку было, мне кажется, в жесткой зависимости от простоты привычного образа жизни.

Я заведомо не касаюсь происшедших за последние годы перемен нравственных — то разговор особый, но перемены в образе жизни — разительные. Переберите хотя бы своих знакомых — и городских, и сельских. Много ли наберется людей, которым в сфере материального благополучия мало надо? Не знаю, как кого, а меня это радует. А сработал тут всего-навсего «закон возвышения потребностей», о котором Владимир Ильич Ленин упоминал еще в 1893 году. Это значит, что началось — ступенька за ступенькой — наше движение по лестнице потребностей.

Правда, возник тут тип людей, которые хотят мало работать и много получать. Больше того — некоторым это удается разными способами, а чаще всего — спекулируя на дефиците кадров или на дефиците вещей. Но в любом случае это в конце концов исправимо.

Гораздо сильнее меня занимает случай, более, как мне кажется, распространенный: ради высокого заработка человек готов много работать, а не получается!.. Причин тут немало...

Одна из них — уравниловка, тысячу раз осужденная, но выжившая, а подчас даже торжествующая. Но и это не все. Стремление много работать, чтобы много зарабатывать и жить красиво, блокируют порой не только плановики и нормировщики, но и равные тебе по чину и зарплате, то есть коллеги, сотоварищи по работе. Вот как это получается...

Страсти у токарного станка

Вот что пишет в редакцию ветеран труда из города Святово Овчаренко Тихон Григорьевич: «Приходится наблюдать просто странные явления: поиски путей повышения производительности труда некоторые рабочие начинают не приветствовать. Они исходят из того, что норму заметно превзошли, то расценки срежут. Вот и перевыполняют не кубометры, лишь бы премию получить. А тем, кто не участвует в таких «торможениях», им палки в колеса». Для примера возьмем страсти уже не один год переживаемые товарищем Владимиром Копейкиным. Все дело в том, что, несмотря на препятствия, он много лет — упрямо и талантливо — перевыполняет нормы в полтора-два раза. Копейкиным движет одна страсть: желание всем доказать, что нынешние нормы труда в большинстве случаев устанавливают себе сами предприятия, которые подчас не заинтересованы работать напряженно. И получается парадокс: такие нормы рассчитаны на работу в режиме «не бей лежачего», но сильно не превзойти, чтобы много заработать, не смей.

Г. Лисичкин («ЛГ» № 52 за 1981 г.) на мой взгляд, прав: а человек не просто множество потребностей, которые необходимо удовлетворить, но кладезь энергии, которой следует дать выхода. Вот, к примеру, что пишет инженер-конструктор В. Я. Буйлов из Кирова: «Я приношу государству только минимум, а мог бы приносить — максимум пользы». Из этого очень неспокойного письма вижу, какая это драма, когда тебя распирает творческая энергия, мучают добросовестно усвоенные профессиональные знания, а ты не можешь выплеснуться, воплотиться в замечательных конструкциях... Нет, всякий успех будет тут горек, если не смог продвинуться в своем главном предназначении, реализовать свои внутренние потенции. И поможет ли тут потребление, пусть даже духовное, на котором настаивает экспрессивный участник дискуссии («ЛГ» № 10 за 1982 г.)? соблазняющий нас потреблением путешествий, книг, теорий? Разве все это заменит Буйлову настоящее большое дело?

Но вернемся к собеседнику, ясным для многих мнениям о красивой жизни. Как их осуществить, если уравниловка порой не дает это сделать обычным, так сказать, путем? Но есть, оказывается, еще два пути...

Счастье быть честным

Путь первый предлагает нам экономист и публицист Г. Лисичкин. Это путь «правого приработка», то есть в согласии с юридическим правом. Но, увы, не всегда в согласии с совестью. Почему? Если в двух словах — из-за несбалансированности цен государственных и рыночных. Выращивая на дешевке лук, врезая гражданам дверные замки или даже практикуя репетиторством, я легко обеспечу себе красивую жизнь, ибо могу получать не только прибыль, но чаще всего — сверхприбыль, то есть на сто рублей вложенного труда получать тысячи... Не знаю, как кому, а мне стыдно, хотя все вроде бы законно... Но эта тема требует отдельного и главным образом экономического разговора.

Второй путь тоже известен. Имею в виду «левые приработки».

Вот один из доступных мне примеров: молодой человек работал помощником машиниста метро и зарабатывал сто восемьдесят рублей. Но тут появился ребенок, а одновременно благодаря приятелям ребенка пошел по разгульной жизни. Тот порядок, который у нас в метрополитене, исключал возможность «повторить и еще». Знакомый стал подвозить разных подвыпитых в автомобилях с оплатой заранее в сто рублей. И что вот? Очень скоро благодаря клиентуре — торговатому кому-нибудь — он стал зарабатывать свои, в несколько раз больше, чем прежде. Но не дремлет, как мы видим, фининспекция: проверка квартиры показала, что за прошедший год мы ни разу не ходили в будущее, ресторан, в театры, рассчитывает продавать в два раза более жизнь, но отнюдь не счет крадущих чаевых.

Надо ли говорить, что все, без исключения, кривые приработки есть прямое нарушение закона, либо административно-правового, либо морально-нравственного порядка. Или, например, при подвозке бывать в городах, где находятся фабрики, мощные шерсть. Они порой имеют дело с импортной шерстью, которая в магазинах не продается. Но весь город расхаживает тем не менее в вязаных шапочках, шарфах, свитерах из этой формально недоступной шерсти. И детям ясно — вынесли, потом продали и перепродали. Известно, что за один раз можно вынести больше, чем заработаешь за месяц на станке. Надо ли удивляться, что работают в цехах без большого рвения?

Нет, ни я сам, ни многие из тех, кого я знаю, не клюнем на этот способ добывания средств для красивой жизни, хотя, как видим, он весьма доступен и гораздо менее обременителен, чем, например, путь Копейкина. А откажемся единственно потому, что стыдно, не так воспитаны! А еще и другой есть немаловажный момент — счастье быть честным намного выше разнообразных выгод от компромиссов. Чистая совесть — это и в самом деле потрясающее ощущение для тех, кто его испытал! И оно — не упустим этого — может быть и стимулом жизни и стимулом работы. Чистая совесть, пронесенная через годы, — высший жизненный успех! Разве не так? Порой мы забываем или не считаем нужным это пропагандировать и возвышать ни с чем не сравнимую роскошь чистой совести.

Итак, разделить два противных понятия: давать и брать. Дон Кихоту может и в самом деле не нужен «мерседес». Но пусть идальго откажется, а предложить ему — должны! И не за его мнимую совесть — она не требует оплаты, а за его работу по совести! А то ведь что получается: поглядывают честные труженики на чьи-то не всегда праведными путями нажитые «мерседесы» и рассуждают по принципу: «Не очень-то и хотелось!..» А я позволю себе им не поверить...

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПУБЛИЦИСТА

И. ГУРУЛИ

ЖЕНА НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

В ДИСКУССИИ часто звучало слово «духовность». В расхожем нынешнем содержании, как мне кажется, духовность все более и более приобретает черты потребительства, только интеллектуального. Задуматься над этой странной метаморфозой заставила меня история одной семейной пары.

...Они познакомились, когда она уже окончила школу, а он, свеженспеченный инженер, ждал направления на работу. Она была девочкой тихой, малообщительной, много читала и к своим восемнадцати годам прослыла в узком кругу близких родственников и знакомых умницей, непререкаемым авторитетом по части того, о чем пишут в газетах. Мать, человек тяжелой судьбы, очень гордилась неординарностью ее запросов, потакала им, как могла, и постепенно приучила дочь к мысли, что она не такая, как все.

Он был полной ей противоположностью. Веселый, жизнерадостный, отзывчивый, он, пожалуй, сильнее был по части практической сметки, нежели книжной премудрости. Он полюбил свою будущую жену любовью-поклонением. Они уехали в молодой город, вскоре она родила сына, через несколько лет — второго. За это же время она окончила педагогический институт и, вероятно, с получением диплома стала считать свою потребность в поучении непреложным правом.

Тихим голосом, настойчиво и неустанно, при людях и наедине, она высокомерно объясняла мужу, что так не говорят, так не пишут, так не думают и так не поступают. Он водил детей в садик, бегал по магазинам, стирал и готовил обед и все никак не мог заслужить ее благосклонности. Уязвленный мелочностью ее замечаний, но бессильный бороться с очевидным превосходством вычитанных истин, он уже не смеялся счастливо, как бывало, когда, придя после работы, заставал жену увлекшейся в разгар уборки книжкой и забывшей не то что сготовить обед — выключить пылесос. Он обреченно шел вечерами домой, где ждала его неумолимая в своем духовном превосходстве жена, чтобы рассказать, насколько правильно понял он прочитанные накануне по ее требованию рассказы, и получить задание на завтра. Она «разжевала» его, «поднимала до своего уровня» безжалостно и методично, ни минуты не усомнившись ни в приемах, ни в самом нравственном праве на такую переделку.

Нет, он не бросил ее. Он любил своих детей и ее полюбил на всю жизнь той единственной любовью, которой редко кто умеет любить. Он лишь стал много пить, и его страсть к алкоголю дала повод для еще более беспощадных унижений. Так и живут они — молодые еще, в сущности, люди, она — в броне своих высоких духовных запросов, он — в глухом отчаянии от гибельно проходящей жизни. Не жестокость поразила меня больше всего в этой женщине. Мало ли на света жестоких людей! Я впервые воочию увидела, к чему приводит односторонне понимаемая духовность.

В самом деле, что мы имеем в виду, когда призываем к яркой духовной жизни? Как правило — любовь к книгам и театрам, посещение музеев, участие в самодеятельности и т. д. То есть фактически основным атрибутом духовности выступает интеллектуальное любознательность, в то время как ее способность к нравственной отдаче, способность к сопереживанию остается в тени. Сейчас часто призывают поощрять духовные запросы, развивать их. Но речь почти никогда не заходит о том, для чего, собственно, эти запросы нужны. Ведь не автоматически же ведут они к духовному совершенству?

СПОРУ нет, лучше читать, чем не читать, более того — читать необходимо. Необходимо иметь и духовные потребности, и чем возвышенней они, тем интереснее человек в общении. Но духовное развитие не только развитие интеллектуальное, разум не может заменить сердца. Так почему же мы упорно забываем говорить о том, что у души есть не только потребности, но и обязанности, и чем выше потребности, тем глубже должна быть нравственная отдача?

Сегодня «духовность» нередко номинально выступает нравственной альтернативой, с одной стороны, суетному и заедающему бытовизму, с другой — потребительскому успеху. Фактически же она, в наиболее частом своем выражении, стала разновидностью потребительского успеха, его психологическим замещением, потому что основана на том же чувстве превосходства, противопоставления себя всем остальным.

Как правило, такие люди все знают, все умеют, все видели, слышали, читали. В любой момент они готовы авторитетно судить обо всем, и от их высокомерных суждений веет холодом и пренебрежением. Ощущая себя избранниками, которых озарило сияние культуры, они и ведут себя как ее полномочные представители. Кстати, по стилю отношения к культуре и чувству превосходства довольно просто отличить интеллигента истинного от того, кто недавно «приобщился». Во-вторых, и в связи с первым, стало почетно быть отмеченным знаком духовности: ведь она предполагает возвышенную внутреннюю организацию, определенные качества ума и наличный капитал — способность оперировать эпным количеством изысканных имен и названий. То есть она предполагает элитарность.

Нет! Не может быть возвышенной внутренняя организация, если «накопленные духовные ценности» не сумели переплавить душу. Не может быть нравственным то, что построено на идее превосходства, избранничества, на противопоставлении себя остальным. Культурные ценности — мощная сила, но для духовности требуется упорная работа души — души, а не интеллекта, — создающая определенное нравственное поле; без этого «духовный багаж» превращается в простое накопительство, а «духовные запросы» — в обычный утилитаризм, основанный на потребительски воспринимаемой культуре.

...МНОГО лет назад жила рядом с нами пожилая женщина Надежда Ивановна. С высоким гребнем в гладких волосах и в опрятном переднике, она изредка спускалась в садик при доме и, глядя на соседок веселыми глазами, рассказывала про свое житье-бытье.

Муж бросил ее с тремя детьми на руках без всяких средств к существованию. Уехал — как сгинул, и на слышала она о нем пятнадцать лет. Жила тяжело, нанималась работать по домам, немного шила, устроилась няней в детский сад. Подняла детей, всем дала возможность закончить десятилетку. Через пятнадцать лет, когда младший уже кончал школу, неожиданно появился пропавший муж. Больной. Пьющий. С больной и занозистой женой. Не имея ни родных, ни близких, изрядно потрепанным жизнью, в тяжелую минуту он пришел к ней. Попросил приюта. И она приютила их. Обоих. Утихомирила сыновей. Смирила невестку — благо, к тому времени старшие уже жили отдельно. Работала. Готовила. Стирала.

Через несколько лет муж опустился совершенно, все, что зарабатывал, пропивал и к судьбе своей второй жены был полностью безучастен. А ту разбил паралич. И кроткая Надежда Ивановна ухаживала за ней, бегала за лекарствами, кормила бульоном. И все это легко, как бы с охотой. «А куда ж им детьки — говорила она соседкам — Кто ж за ней следить будет? Пропадут без меня...»

Способность сочувствовать, помогать, укреплять душевно... Не в этом ли главное проявление духовности?

СОЛДАТЫ

Фото нашего читателя В. ШАШЕНКО (гор. ТОЛЬЯТТИ)

Строки из писем

● Среди моих знакомых я знаю десятки «инженеров Гавриловых», подрабатывающих если не пятаком нервами, то репетиторством, ремонтом телевизоров и др. Жизнь есть жизнь, и Гавриловы, существа плотские, нуждаются и в алебе насущном, и в книгах, и в «Жигулях» (ведь для них, Гавриловых, все это изготавливается). Поэтому не отпугивайте, пожалуйста, труд от дела выгодными писаниями. Никогда эти писания не заменят реальную, нужную людям порчину, сплетанную трудолюбивыми руками инженера Гаврилова.

Г. САПУНОВ

БАКУ

● Успех прямо связан с основной сферой жизнедеятельности людей — с трудом. Если что и объединяет сторонников подлинного успеха, так это уважение к труду. А результаты труда — не только плод-то изменение во внешнем мире, а еще и внутреннее изменение самого работника. И оцениваться должен не только первый из достигнутых результатов, а и автор.

Труд — это такая затрата человеческих способностей, которая не только на отшлифовывает, но и (чаще всего) формирует заново. Вот почему еще Ушинский в свое время писал, что материальные плоды трудов можно отнять, наследовать, купить, но внутренний, духовный, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии: она остается у того, кто трудится.

Вас. РЯЖАВСК.

доктор философских наук

РОСТОВ на ДОНУ

● В статье Бориса Можаева «Какою мерой?» («ЛГ», № 10, 1982) автор коснулся проблемы репетиторства, не ругая его, нам это принято, а задумываясь над тем, откуда оно взялось. Правильный подход! Я — репетитор со стажем. В то же время старший научный сотрудник одного НИИ. Конечно, совместить обе профессии нелегко. Репетиторство для меня — это подспорье в нормальном, обеспеченной жизни «среднего гражданина». Не более. Никаких излишеств мы себе не позволяем. Ни дачи, ни автомашины. А сил и времени уходит, он-ой, сколечки!

Приходишь усталый с работы домой и вместо того, чтобы сидеть вечером перед телевизором, работаешь в поте лица с учениками. А все потому, что я занимаюсь добросовестно, создал себе имя, пользуюсь успехом. Причем неожиданно для себя самого открыл в себе жилку преподавателя и по-настоящему увлекся. Вот, оказывается, в чем мое призвание — в репетиторстве, а вовсе не в науке. Но я в свой адрес часто слышу упрек: чем, дескать, ты занимаешься, делал бы лучше докторскую. А если душа не лежит?..

Конечно, халтурщики есть и среди репетиторов. А все отчего? Спрос на нас есть и будет, пока школа не поспевает в своем рвении за «бегом времени». Халтурщики в конце концов, я уверен, сами собой отметутся, а и таким, как я (добросовестным, дотошным, требовательным), люди будут идти, невзирая на все осуждения...

Д. М.

ТБИЛИСИ

● В статье «Какою мерой?» Борис Можаев чуть ли не призывает к донкихотству. Автор пишет: «Из века в век ходит-бродит он (то есть Дон Кихот, — И. К.) по земле, заглядывает во все немыслимые захолустья, и открываются навстречу ему сердца людские и души, и плачут вместе с ним, и утешаются. Вот что такое успех истинный». Выходит, только и можно познать успех, когда есть кого утешать?!. Думаю, ни столкновения с ветряными мельницами, ни поездки от комфорта на окраины страны не принесут всеобщего счастья. Этого счастья можно добиться только активной позицией и нравственной честностью КАЖДОГО в личной жизни и производственной деятельности. Должен действовать в нашем обществе один главный принцип: УСПЕХ ОДНОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИСТИННЫМ УСПЕХОМ, ЕСЛИ ОН НЕ НЕСЕТ УСПЕХА И ДРУГИМ. Как добиться такого положения? Вот о чем мы должны болеть душой...

Инне КОЛОКОЛОВА,

корреспондент газеты «Советское Зауралье»

КУРГАН

● Вот вам еще одно мнение об успехе — подлинном и мнимом: по-моему, успех в жизни — это возможность наиболее полно реализовать свои способности, найти отзвук и другом человеке, обрести друга — свое второе «я». Это — вырастить ребенка, несмотря на все трудности, вложить в него что-то свое, дорогое тебе: то есть в конечном счете быть нужным людям. Хорошо, если все это сочетается с определенным достатком, тогда у тебя появляется больше уверенности в себе, твоя жизнь счастливее. Если же достатка нет, но есть все, о чем говорила выше, то жизнь прожита не зря. Даже если нет семьи, а только работа, друзья, ребенок — то и это уже счастье.

Э. НОВАК

гор. КЫШТЫМ Челябинской обл.

АНКЕТА «ЛГ»

Искусство воспитания: личные наблюдения, идеи

1000 ОТВЕТОВ — 1000 МНЕНИЙ

Газета задала читателям всего четыре вопроса о том, как надо и как не надо воспитывать детей, и в ответ пришло свыше тысячи замечательных рассказов «о времени и о себе». Вот самая типичная примета наших дней: почти каждое письмо начинается с того, что «родители были малообразованными, а мы, дети, получили высшее образование». Эта разница, однако (по мнению читателей), не влияет на родительскую практику, не облегчает решения педагогических проблем.

Ряд писем мы опубликовали в «ЛГ», №№ 1, 3, 4, 5, 11, 12, 14.

Сегодня предлагаем вниманию читателей размышления Н. Логиновой над трудной семейной ситуацией, которая послужила поводом для телевизионной передачи. Публикуем также подборку писем о победах и поражениях на семейном фронте, ответы читателей на нашу «родительскую анкету», а также обзор почты.

Н. ЛОГИНОВА

БЕЗ СУФЛЕРА

ФЕЛЬЕТОН не был опубликован, поскольку женщина обратилась не в газету, а в редакцию ленинградского телевидения. Сотрудники были вправе переслать письмо по инстанции с просьбой «проверить факты и помочь» восстановить мир в семье. Разумеется, никто не мог дать гарантии, что такая помощь со стороны вконец не апелляции, по законам так называемой «житейской морали». Верующие в эту мораль обыкновенно бывают фанатичны и воинственны. В их личном житейском опыте — их сила.

ОБРАТИТЕ внимание, кто первым комментировал письмо несчастной матери в ленинградский телеэкран. Авторы усадили перед камерой группу женщин, у которых семейный статус внешне то похож на тот, что дан к исследованию. Это детдомовки, не создавшие семьи, матери-одиночки или разведенные. Детские работники (своих детей нет) и т. п. Они высказывали «обыкновенные» суждения, какие много в запасе у каждого зрителя. Сидя на диване, в кресле, он бы немедленно встрял в разговор. Но в телевизор как впрыгнешь? И возникает острое чувство дискомфорта: ты знаешь истину, а тебе не дают слова. Возникает свежий, мотивный интерес к передаче.

Вот пример. Женщина смотрит на нас с экрана и тихо произносит: «Как это случилось, когда пятилетний сын спрашивает, почему у него нет папы? Никто из собеседниц не не возражает. А зритель мог бы возразить. Например, так: «Не приписывайте ребенку свои переживания! Вопрос, конечно, пытливый, но нельзя ему женщины вместо выслушивать в ответ». Одна мать сказала обиженным тоном: «Я с ним посоветовалась». Ребенок спросил: «А папа?» — «Я сказала: папа не дал открытку». Ребенку было пять лет, и он ответил «решительным» отметом: «Папа — дело понятное».

Но женщина искренне продолжает свой рассказ о переживаниях одинокой матери. А зритель уже лежит в кресле: его интересует опыт не отражен. Услышь он те же тирады из уст автора-отца, он или возмутился, или восхитился. А ты? кто говорит? Такой же рядовой зритель, как я. Чертовщина? А я — пожилой бухгалтер, и ничего, вырастила детей одна...

Трудное это дело — впустить на экран живую жизнь, не отобранную художественно, провести опрос по семейным проблемам первых встречных. Но попробуем, наконец, нужно это делать! Пора начинать. Пусть и на экране, и в инвалидных креслах будут одни и те же люди, пусть высказываются неточно, с ошибками, но искренне. Есть ведущие, есть комментаторы, специалисты: они поправят, разъяснят. Но останется живой разговор о таких проблемах, который волнует каждого, потому что в семейной жизни дилетантов нет.

«А я не решилась завести ребенка без мужа. Не хочу, и всё!» — это говорит учительница, как бы осуждая пример своей жизни ту женщину, которая теперь просит помощи в прокуратуре. «Но у нас ведь такие же, как вы, женщины, — отвечает ситуацию другая. «У нас разное бывает, что ребенок из семьи? — провокационно звучит тут. Тут возникает упрек: «Кажется, вы два слова — и пора выносить приговор. «Но было рассмотреть — вступайте мягко, поверьте доброго. — Она семью хочет укрепить. Ведь бывает так, что ребенок связывает. Задумаешься. Прекрасные люди, не каждом — чем обусловлено их добровольная молодость, но вот такая судьба. «У меня в детдоме тоже одна такая, — вступает другая. «Мирной? Смирной? Тихой? Но такие семьи часто взрываются изнутри, и не поймешь, где скрывалась критическая масса не известная наука знания. Тогда, скажем, интересной? Бурной? Занятной? Где все смеются вовсю? Где много смеются? Но и такие семьи вдруг исчезают, и партнеры уходят сниматься в другие места. Никак их не запланируешь, эту семейную жизнь, не впишешь в план, не пустишь по нужным накатанным рельсам.

Кто из нас, например, не читал о семейных советах по вечерам? Где послушаешь еще раз молодую мамочку, прозвучавшую с экрана. «Самый мучительный вопрос для меня всегда был такой: «Почему ты меня не занятна? Я боялся этого вопроса. И потому часто сидел в своей комнате и просто шуршал бумагами... Но самые страшные часы — это семейные советы. «Виталий, мы хотим тебе только хорошего...» «Давайте обдумаем вместе, как поступить Витальку...» Иногда эти советы длились по пятьдесят часов. Боже мы, она запомнилась дольше, и бы сидел в углу...»

Вот как и живет, обаяние [illegible] Рабочих, который (мы знаем) [illegible] [illegible] [illegible]

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ УГРОЗА

ОТ «МАТАДОРА» К «ТОМАГАВКУ»

МОЩНОСТЬ ОДНОЙ КРЫЛАТОЙ РАКЕТЫ В 10 РАЗ ПРЕВЫШАЕТ МОЩНОСТЬ БОМБЫ, СБРОШЕННОЙ НА ХИРОСИМУ

С. ДАНИЯРОВ

Мы сохраним за собой достаточную мощь, чтобы одержать верх...

Президент США Р. РЕЙГАН

Если переход от холодной войны к разрядке является прогрессом, то мы не можем позволить себе такого прогресса.

Министр обороны США К. УАЙНБЕРГЕР

...Ядерные системы НАТО, базирующиеся в Европе... представляют собой конкретное проявление готовности НАТО прибегнуть, если понадобится, к ядерному оружию...

Госсекретарь США А. ХЕЙГ

Такие «марши мира» проходят по всей Западной Европе.

В то время, как количество ядерного оружия все растет и оно становится все совершеннее, все больше внимания уделяется разработке планов ведения ядерной войны и победы в ней. Это безумие: в ядерной войне не может быть победителя.

Р. МАКНАМАРА, бывший министр обороны США

Отрицательное отношение Западной Европы к размещению новых ракет средней дальности основано на боязни того, что Рейган воспользуется ракетами не в качестве инструмента сдерживания, а в качестве средства ведения войны.

Дж. БОЛЛ, бывший заместитель госсекретаря США

На сегодняшний день западный союз больше всего нуждается не в отработке ядерных вариантов, а в чатком решении избегать их, коль скоро так поступают и другие.

Из статьи видных политических деятелей М. Бандн, Дж. Кеннана, Р. Макнамары и Дж. Смита

Десятилетие, «сошедшее с ума», — так назвал 80-е годы американский журнал «Таймс». Год 1981-й займет в нем, по-видимому, особое место. Республиканская администрация провела новую программу укрепления и расширения американской ядерной «триады». Летом была спущена на воду первая подводная лодка «Трайдент», а спустя буквально несколько месяцев военно-воздушные силы США приступили к развертыванию крылатых ракет.

Призванные укрепить все три компонента американской стратегической «триады», они будут производиться в трех вариантах: для запуска с бомбардировщиков, с подводных лодок и надводных кораблей и в модификации для наземного базирования. В настоящее время в стадии производства и развертывания находится ракета воздушного базирования. Два других варианта вступили в финальную фазу разработок. Практически они не отличаются друг от друга, имеют один и тот же двигатель, одинаковую систему наведения и боеголовки одного типа. Различия носят чисто внешний характер. Ракеты морского и наземного базирования известны под названием «Томагавк». В сущности, это небольшой (самый крупный вариант — ракета морского базирования имеет около 6 м в длину и 50 см в диаметре) беспилотный реактивный самолет-снаряд, несущий ядерную боеголовку типа W-80 мощностью 200 килотонн. На ракете установлен малогабаритный высокоэкономичный турбовентиляторный двигатель нового типа, разработанный компанией «Уильямс риберч».

Оружие устрашения

Сама идея подобного оружия не является новой. На вооружении уже были беспилотные самолеты-снаряды «Мэтс» и «Матадор». Однако крылатая ракета 80-х годов обязана своим рождением достижениям сразу в нескольких областях науки и техники — таких, как микроэлектроника, материаловедение, авиационное моторостроение. Радиус действия новой ракеты может достигать 2000 морских миль (около 3.5 тыс. км), она способна совершать полеты на предельно малых высотах и обладает точностью, более чем в десять раз превышающей точность существующего поколения американских межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Бортовая электронно-вычислительная машина позволяет ракете в полете на малых высотах избегать столкновения с препятствиями, лежащими на пути к цели. Кроме того, специальные материалы затрудняют ее обнаружение с помощью радаров. По словам одного из «отцов» крылатой ракеты, адмирала У. Локка, сигнал от ракеты на экране радиолокатора будет практически неотличим от помех, создаваемых, в примеру, птицей.

Поначалу говорили про их относительно невысокую стоимость. Одну крылатую ракету Пентагон оценивал в пределах от 500 тыс. до 1 млн долларов. Но существуют и более реалистические оценки. Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Д. Миддлтон считает, что с учетом всех затрат крылатые ракеты обойдутся в 40 миллиардов долларов. Такова оценка максимального числа крылатых ракет — около 11 000. Хотя сегодняшняя программа администрации Рейгана предусматривает производство примерно 4000 крылатых ракет во всех трех вариантах, все равно она будет отнюдь не дешевым предприятием.

Главное, однако, в том, что Соединенные Штаты создали принципиально новую систему оружия, которая может оказать дестабилизирующее влияние на стратегическое равновесие в мире. Ограничение ядерных вооружений и перспективы дальнейших договоренностей в данной области окажутся под вопросом. Еще не воплотившись в металле, крылатые ракеты породили одну из наиболее сложных проблем в ходе переговоров ОСВ-2. Подписанный в Вене договор и протокол к нему содержали надежные методы учета и контроля ракет воздушного базирования и создали предпосылки для запрещения в будущем двух других модификации. Остается только сожалеть, что нынешняя администрация неоднократно выражала свое негативное отношение к этому важному шагу в области ограничения гонки вооружений.

Еще в 1977 году бывший министр ВВС США Джон Маккулукас говорил: «Пускаясь в производство крылатых ракет, мы не в состоянии предвидеть, к чему это приведет. Решение президента (об ускорении разработки крылатых ракет. — С. Д.) уводит из мира известных систем оружия, где все его крупные единицы могут быть измерены и подсчитаны, в мир вооружений, не поддающихся контролю». Таким образом, крылатые ракеты открывают новый канал гонки вооружений, перекрыть который в будущем будет все сложнее. Несмотря на это, американские стратеги заняты сегодня в основном поисками различных вариантов использования крылатых ракет. Для них крылатая ракета стала «оружием в поисках применения», как назвал ее отставной адмирал Дж. Ларок.

Ее пропагандировали как средство продления срока службы американских стратегических бомбардировщиков и как их эффективную замену; как неуязвимый стратегический резерв ВМС и как средство расширения функций флота. Крылатые ракеты поднимались на щит как ответ на «советскую угрозу», как «козырь для торга» в переговорах с СССР и даже как средство создания более «стабильной атмосферы» в мире. Всю же правду высказал напрямик бывший министр обороны США М. Лэирд. По его словам «разработка крылатой ракеты необходима для того, чтобы гарантировать возможность дальнейшего наращивания американской мощи в будущем ».

«Подрядчик № 1»

В США сейчас много говорят об «инерции», присущей будто бы процессу развития ядерных вооружений, о «закономерности» создания новых поколений оружия, о «давлении военной техники». Эти рассуждения, как и громкие слова о «стратегической стабильности», не стоят выеденного гроша. Жажда прибылей, новые чины для генералов, повышение престижа военщины в американском обществе — вот что движет теми, кто прикрывается заботой о «национальной безопасности».

В конце 60-х годов один из основных подрядчиков Пентагона корпорация «Макдоннелл-Дуглас» разработала принципиально новую систему наведения беспилотных аппаратов, получившую название «Тероман». Возможность существенно увеличить точность стрельбы встретила горячий прием в военных кругах. Первым за идею создания крылатых ракет с усовершенствованной системой наведения ухватились представители военно-морских сил. Адмиралы увидели возможность подставить ножку своему главному конкуренту в борьбе за большую долю в военном бюджете — военно-воздушным силам. Одним из главных пропагандистов данной системы стал адмирал Х. Риковер. Дело в том, что в конце 60-х годов руководимое им управление ядерных энергетических установок флота разрабатывало новый тип атомного двигателя для подводных лодок. Пропаганда крылатых ракет, Риковер не забывал напоминать о необходимости создания и нового типа субмарин. За разработку крылатой ракеты для ВМС принялись сразу несколько корпораций, среди которых «Дженерал дайнэмикс» впоследствии стала главным подрядчиком по этой программе, а вообще в списке, публикуемом влиятельным журналом «Форбс», она называется военным «подрядчиком № 1».

Для ВВС одно из пропагандировавшихся достоинств крылатых ракет — их малая стоимость — оборачивалось крупным недостатком, поскольку принятие на вооружение новых ракет вместо бомбардировщика В-1 означало бы потерю ВВС весьма существенного куска их «бюджетного пирога». Но, приняв решение остановить программу В-1, Картер поспешил успокоить генералов тем, что 24,8 миллиарда долларов, о которых говорили как о «выигрыше» в связи с отменой программы В-1, останутся в бюджете Пентагона. Большая часть этого «выигрыша» пошла на ускорение программы крылатых ракет и в виде прибылей должна была осесть в карманах компаний «Дженерал дайнэмикс» и «Боинг» — главных конкурентов в борьбе за право производить крылатую ракету для ВВС.

Компания «Боинг» также входит в десятку ведущих подрядчиков министерства обороны США. Тесные связи между ними существуют со времен второй мировой войны. Именно с бомбардировщика В-29, изготовленного на заводах «Боинга», были сброшены атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. После войны компания «Боинг» приступила к производству межконтинентальных баллистических ракет. Интерес этой компании к крылатым ракетам воздушного базирования подогревало и то, что согласно плану администрации Картера эта ракета должна была размещаться на бомбардировщиках В-52, выпускавшихся также заводами «Боинга». Тем самым компания надеялась получить дополнительные прибыли от программ модернизации и усовершенствования устаревших В-52 и обойти фирму «Рокуэлл интернэшнл», которая была главным подрядчиком по новому бомбардировщику В-1.

«Спасибо сенатору Джексону»

Так в борьбе за заказ на крылатые ракеты воздушного базирования схватились два гиганта военно-промышленного комплекса. Верх взял «Боинг», получивший крупнейший со времен вьетнамской войны отдельный контракт ВВС в 4 млрд. долларов. Успех «Боинга», очевидно, заслуга сенатора Г. Джексона. Он представляет в сенате штат Вашингтон, где расположены и штаб-квартира, и заводы компании «Боинг». Ему же компания обязана крупными военными заказами, выпадавшими на ее долю в последние годы.

Победа «Боинга» настолько значительна, что журнал «Тайм» поместил на обложке одного из своих номеров фотографию улыбающегося президента компании Т. Уилсона. На нью-йоркской бирже был отмечен стремительный взлет акции победителя. Конкурент «Боинга» компания «Дженерал дайнэмикс» также не была обижена. Пентагоном она получила заказ на производство двух других вариантов крылатой ракеты — морского и наземного базирования.

Долгое время вариант наземного базирования рассматривался как второстепенное направление программы крылатых ракет. Но в 1979 году на сессии совета НАТО в Брюсселе под давлением Вашингтона было принято решение о размещении на территории Западной Европы 464 крылатых ракет наземного базирования «Томагавк» и 108 баллистических ракет средней дальности «Першинг-2».

Ядерные средства ТВД (театра военных действий, как именуют Европу американские стратеги) занимают особое место в планах американской военщины. Высокая точность средств средней дальности, как считают «ястребы» из Пентагона, позволит применять их для ядерных ударов, именуемых «хирургическими». Однако о какой «хирургии» может идти речь, если мощность ядерной боеголовки американской крылатой ракеты в 10 раз превышает мощность бомбы, разрушившей Хиросиму?!

Смещение стратегических акцентов в сторону ядерных средств средней дальности связано с активизацией поисков выхода из «ядерного тупика» в котором оказались Соединенные Штаты в условиях сложившегося стратегического паритета между СССР и США.

Крылатые ракеты наряду с ракетами «Першинг-2» как средство доставки ядерного оружия на европейский ТВД могут, по замыслам американских стратегов, существенно изменить сложившийся стратегический баланс как на уровне СССР — США, так и на уровне НАТО — Варшавский Договор. Угроза ядерного столкновения, по мнению «ястребов», нависнет над Европой.

Что это означает?

Вот данные, с которыми познакомил участников конгресса врачей в Кембридже академик Л. А. Ильин. Предположим, на Европу обрушилась тысяча ядерных бомб мощностью в одну мегатонну каждая. 500 взорвались на земле, 500 — в воздухе над крупными городами. Что случится с 671 миллионом мужчин, женщин, детей, проживающих от Атлантики до Уральских гор?

167,7 миллиона убитых,

146 миллионов раненых...

На пути осуществления этих зловещих планов в Западной Европе нарастает мощная волна антивоенного движения. Его участники требуют от правительства США отказа от размещения крылатых и других ракет средней дальности.

Что же касается Советского Союза, то он, в соответствии с принятой на XXVI съезде КПСС Программой мира на 1980-е годы, выступает и за более широкий комплекс мер по ограничению гонки вооружений и разоружению. В речи Л. И. Брежнева на XVII съезде профсоюзов были выдвинуты конкретные предложения о сокращении вооружений в Европе. Поставить надежные заслоны на пути расширения мира крылатыми ракетами и другими видами оружия массового уничтожения — цель, отвечающая интересам всех народов.

«ХАЙПИНГ»

Владимир СИМОНОВ,
соб. корр. АПН и «ЛГ»

Перрон Белорусского вокзала. Неужели Антон? Хулиган, длинноногий парень в рыжей шапке сигнул в тамбур поезда. «Дядь Володь, не узнаете, что ли?» Точно, это был он, сын моего доброго приятеля. Мы обнялись. Кругом все говорили по-русски — носильщики, пассажиры, встречающие, сам Антон. Это казалось невероятным. Я приехал в Москву в краткосрочную командировку.

В такси Антон сразу извлек из кармана новенький рубль и изготовился платить. «А я тут уже стипендию получил!» — говорил этот широкий шаг. Действительно, за то время, что мы не виделись, Антон успел отслужить в армии и вот уже в институте...

Дальше площади Маяковского он все-таки не выдержал. Рыжая шапка чуть не двинулась от пламени любопытства, бушевавшего в глазах.

— Ну, дядь Володь, выкладывайте! Кто у нас там сейчас динозавр из динозавров? Кто самый, кто он на есть наимодернистый? Все еще «Пинк Флойд»? Или «Кисс»? Или «Полис»? А еще, говорят, сейчас ренессанс 60-х и снова пошли в ходу «Роллинг стоунз»? Так или нет, дядь Володь? Или не в курсе?

— В курсе,— ответил я.— Самое что ни на есть кодовое у них в поп-музыке, и не только в поп-музыке,— это хайпинг.

— «Хайпинг»!!! — Антоновы глаза полезли под рыжую шапку. — В первый раз слышу о таком группе. Она в каком же стиле? Как это у них быстро: раз, два и откопали новое явление на музыкальном небосклоне.

— Не очень новое. Думаю, ему лет десять уже будет...

Антон смотрел на меня завороженными прозрачными зрачками, в которых вдруг отразилась светлая дверь нашего подъезда. Настала торжественная минута вручения таксисту рубля. Так я и не успел тогда ничего толком объяснить.

Придется сейчас, письмом из Лондона.

Открытка Антону с видом на их музыкальный небосклон

«Привет, дружище!

Выхожу на минутку свой магнитофон, а то не выдержишь волнения, которое в эту минуту тебе по моим сих описать.

Вот оно, волнение, голосит сейчас с экрана моего лондонского телевизора. На вид это тройка мушкетеров с пиратами. На парне, рассыпчатый эполетом камзол, ниспадает кружевной кушак, высокие сапоги. Волосы заплетены в изысканную косичку, через лицо, от уха до уха, наискосок белая горизонтальная полоса. Как будто человек долго загорал, плотный полосатый нос снизойду. Рука лежа в пудовом стискивает микрофон — на ней килограмма два огромных сверкающих перстней.

Перед роялем в клубах белого бутафорского дыма и вытаращенных жестяных глазищ — мы с вами знакомы — девушка, в компании девушек моей в. Что внешне их доминирует — от мощных девичьих, можно сказать, не дотянуться — все остальные словно запущены грязной электронной гитар. Отвратительно мощно внутри, жестяной центральный звучит бы более звонким.

Это по самой в мы так каждый уже сейчас в таких британских поп-группах № 1, судя, которому становится желанным звонким конкурентом. Или этого бывалого — «Адам и муравьи». Три года назад вышел клавишник — Аллрдиа. Спустя Годдард сменила в группе и обнаружила все недостатки, которые имеет, пишет на медицине. Сама виртуозно играла, исполнения в центр мероприятия и скрытая. Адам. На диск «Адам и муравьи» были перезаписанные лучшие поп-группы 1981 года, а сам Адам — квадратная музыкальная личность» за год на отличный период.

Но этот мир, по мнению выдающегося критика, Адам выполнил свой потрясающий стиль — «муравьиную музыку». Соответственно им поклонники именуют себя «поклонниками муравьев». Внесены также предложения переименовать год 1982-й из года Собаки в год Муравья. И, кажется, сама ее высочество принцесса Маргарет осенила весь этот муравьиный переполох королевским благословением, попросив у Адама автограф!

Как же этот Адам изобрел такой кус от яблока сладкий? — конечно, спросишь ты, дружище. Неимоверным таланту! — отвечает здесь всем интересующимся мудрая критика. Прямое попадание в сердце юной Англии... Созвучность музыкального мышления с мышлением атомного поколения. Кто же еще, кроме миллионов восхищенных слушателей, мог запустить Адама и его муравьев на самую вершину «чарта», то есть «таблицы популярности»?

Тут-то мы подошли к самому главному. К этой самой таблице «Чартс» — это Олимп здешней поп-музыки. Покорение его означает для исполнителей все сразу: миллионные гонорары, мировую славу и справку о таланте. Почему?

Разберем-ка, Антон, этот Олимп по кирпичикам. Великая тайнство разведения новых пород «муравьев» начинается с того, что граммофонная фирма предлагает новые записи магазинам. Их, магазинов, на Британских островах, примерно 4500. Прежде чем диск купит покупатель, его должен купить оптовик. Он не сделает этого, если не будет убежден: товар удастся сбыть с рук, и быстро! Компасом в безбрежном море поп-музыкальных записей и призвана служить таблица популярности.

Вообще-то таких «чартс» много — их составляют журналы, кое-какие именитые критики. Но есть одна, главная, авторитет которой был до последнего времени непререкаем, — таблица Британского бюро по исследованию рынка (БМРБ). Это библия того плоского круглого мира, который вращается со скоростью 33 оборота в минуту. Объединение английских граммофонных фирм официально платит БМРБ 250 тысяч фунтов стерлингов в год за выпуск еженедельных списков 20, 40, 75 и 200 «самых популярных» поп-записей.

20—40 — это реестр для покупателя-обывателя. Не нужно думать. Не нужно слушать, да и негде — в магазинах проигрывателей нет. Зачем? Все уже четко пронумеровано.

— Мне номер 24, пожалуйста! «Влюблена по уши» в исполнении «АББА»...

В основу таблицы популярности БМРБ положены дневники, которые ведутся в 450 из 4500 магазинов страны. Знакомый продавец с Кенсингтон-хай-стрит охотно показал мне свою заветную книжечку.

— Видите, названия двадцати самых популярных на прошлой неделе дисков уже оттиснуты типографским способом. Я только ставлю галочки. Купили пластинку — галочка! Если купили вещь вне «великолепной двадцатки» — записываю полностью название, фирму, номер по каталогу...

Это золотые галочки. Даже попадание диска в таблицу за пределами «двадцатки» обеспечивает ему сбыт в большинстве стран Запада. Оптовые торговые фирмы имеют на этот счет специальные пункты в договорах с транснациональными граммофонными гигантами «EMI», «CBS» и другими. Со времен ансамбля «Битлз» Лондон продолжает оставаться законодателем музыкальной поп-моды. Значит, суд над ней вроде бы вершат те самые 450 человек с дневничками в милых клеенчатых обложечках.

Не маловат ли состав присяжных? А если, неровен час, с их объективностью что-нибудь стрясется?..

И стряслось! Это был сущий национальный траур, Антон! Надо было видеть эти опустевшие магазины пластинок, эти растерянные лица знатоков рока! Люди-муравьи расставались со своими муравьиными гимнами.

Все случилось за те полчаса, пока на экране шла сенсационная телевизионная передача «Мир в действии». На экране появилась некто Эвис Лингард, представительница крупнейшего в центральных графствах Англии концерна развлечений «WEA», и раскрыла поразительную тайну. Оказывается, граммофонная индустрия систематически фальсифицирует святая святых — таблицу популярности БМРБ. Оказывается, эти методы манипуляции настолько отработаны, что для них изобретен специальный термин «хайпинг» — от английского слова «hypodermic», означающего подкожное впрыскивание, влияние. А в данном случае — надувательство!

Эвис Лингард рассказала о скандальной практике скучным голосом, по-деловому. Она сама занималась этой практикой с начала семидесятых годов.

— Во вторник, когда выходит очередная таблица БМРБ, я обычно связывалась с руководством нашей фирмы и узнавала названия дисков, выбранных для «хайпинга» на эту неделю. Потом все решал мой телефонный звонок...

Продавцы охотно проставляли в своих дневничках стаи галочек точно там, где требовала Лингард. Почему? Во-первых, фирма осыпала их дождем подарков: часы, фотоаппараты, видеомагнитофоны. Но

Стихи о Ленине

Лучезар ЕЛЕНКОВ
(БОЛГАРИЯ)

Имя

Расширающимися напряженными дугами меридианов
на двадцать четыре равные части
разделены экватор и время.
В год того же числа
XX века
недалеко от Москвы,
оплакиваемый слезами земли, умер Ленин.

И вот это астрономическое число,
возникшее от магнитного движения небесных тел,
со скоростью земного шара
упорно вращает каждые сутки
рассветы, полудни и закаты.

От белой пристани Владивостока до станции Унгены
горами, полями, лесами, венами рек,
миллионами городов и сел, что, как пшеничные зерна,
огромная держава собою крепит планету.

А когда-то поводила на зыбкий осенний листок
стратегическая карта питерского штаба:
пульсировали на мостах через Неву
пулеметные гнезда, красногвардейские отряды...

Октябрь светил в Октябре — в окне Смольного, —
в окне дышали перо, лампа, декреты,
склоненное чело, чашка с чаем, телеграф, бессонные шаги.
И сигнальный снаряд с ожидающего борта крейсера
поставил точку на уже отошедших веках...
И новая, и молодая история, как вольтова дуга,
связала раскаленные, кровоносные меридианы.

Плети, занесенные над рабами, баррикады забастовок,
решетки тюрем, дома перед жерлами орудий,
голос весеннего жита и небо, набухшее надеждами,
колокола — богом дарованные тюльпаны —
загремели страшно и из темной утробы земли
позвали в бой последних живых и мертвых сынов.
И молодая борьба —
революция XX века —
зажгла свое новое имя
на алознаменных тополях в деревнях Болгарии;
на задымленных порохом камнях Иберии;
среди лотосов и рисовых посевов;
на сомбреро острова в Карибском море;
в рассеченных боках земли — селитровых шахтах;
между волнами великой воды
и скрипящими позвоночниками Кордильер;
на вспаханных болью окоемах
почерневшей от скорби Африки;
на груди меридианов
зажгла свое новое имя —
Ленин.

Перевел с болгарского О. ШЕСТИНСКИЙ

Раджив САКСЕНА
(ИНДИЯ)

В парке Смольного

Дрожа на промозглом ветру,
мы ждали минуты,
когда распахнется дверь
и впустит нас в Смольный дворец,
в тот кабинет, откуда
могучая мысль вождя
вела за собой революцию,
в тот кабинет, где рождалось
народное государство,
в тот кабинет, где крестьянские беды
обретали слова.
Как нам хотелось, чтоб Ленин
услышал и нас!
Вдруг теплое дуновенье —
и девушек пестрая стайка,
нарядней, чем майский букет,
щебеча и смеясь,
пронесла свою юность по парку.
Девушки нес окружили
и, открыв большую коробку,
предложили всем шоколада.
И нам не этом промозглом ветру
вдруг стало тепло.
Они ведь не знали
ни наших имен, ни занятий,
И мы не успели узнать
их имена.
Они прилетели, как радостный ветер,
и в дальней аллее исчезли
вереницею мотыльков.
И, провожая их взглядом,
мы поняли, что для любви
не нужны разговоры,
не нужны имена.
Мы были им просто —
Индия.
Они нам —
Советский Союз.
А связало нас
имя — Ленин.

Перевела с английского Любовь ЯКУШЕВА

БЛИЗ ВЕНСКОГО ЛЕСА

РЕПОРТАЖ

Георгий ГУЛИА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

• Свидание с Иоганном Штраусом • Что волнует австрийских писателей • «Красота — отражение правды»

ВЕНСКИЙ лес... Венский лес...

Сразу на ум приходит знаменитый штраусовский вальс «Сказки Венского леса». А еще: фильм Жюльена Дювивье «Большой вальс». И знаменитая сцена в лесу, когда Штраус (артист Фернан Грав) и Карла Доннер (артистка Милица Корьюс) «сочиняют» этот самый вальс. Замечательная сцена замечательного фильма! (А нельзя ли еще раз показать его на наших экранах?)

Итак, Венский лес.

И — прекрасная Вена!

Город не в Венском лесу, а у подножия Венского леса. Не уверен, знают ли поголовно все, что Венский лес — вовсе не лес, а горный хребет с вершиной Шёнфль (893 метра над уровнем моря), один из отрогов Альп. Он спускается здесь к самому Дунаю, и гора Каленберг, пожалуй, последняя высокая точка хребта, откуда вся Вена, как на ладони. Здесь лежит снег...

ФЕВРАЛЬСКАЯ Вена в дымке. Огромный город, вместивший почти четверть населения Австрии, лишь угадывается общими очертаниями «старого города» и окраин, высоким шпилем собора святого Стефана и громадами дворцов.

А внизу, на площадях и улицах, почти не осталось и следа от нынешней снежной зимы. Похоже, что весна не за горами. Однако люди одеты поразному: одни — почти по-весеннему, а другие ходят в шубах. Погода явно переменчивая, неустоявшаяся, и каждый по-своему реагирует на нее...

На одной из центральных улиц меня привораживают широкие витрины. В них — вдруг! — увидел я свое детство: великолепие гнутой венской мебели со спинками и сиденьями из соломы. Да, та самая венская мебель, о которой часто мечтали моя мать и наши сухумские соседи!

Я вхожу в магазин. Здесь выставлены кресла, качалки, стулья — да, настоящие венские стулья фирмы «Тонет». Оказывается, она существует до сих пор и делает не только гнутую мебель, но и наимоднейшую. Но меня интересуют только «гнутые венские стулья» — стулья моего детства, стулья молодости моих родителей. Вена, помимо вальсов, была знаменита у нас и венскими стульями. Но не только!

А венская оперетта?

Кто из нас не испытал и не испытывает до седых волос ее очарования? И опять же — Иоганн Штраус! Я был знаком еще до приезда в Вену с телевизионной постановкой «Летучей мыши» в венской «Штатс-опер». Теперь я попал на «Цыганского барона» в «Фольксопер». А приехав в Москву — на премьеру «Цыганского барона» в Театре Станиславского и Немировича-Данченко.

ЗАЛЬЦБУРГ. Вид на старую крепость

Венцы играют «Барона» строже, чем москвичи, делая особый упор на музыку, на вокал. Он где-то между оперой и опереттой. А москвичи играют просто по-опереточному — шутливей, задорней, веселей (режиссер Владимир Канделаки). От обеих постановок я выношу такое впечатление: Штраус прекрасен и в той, и в этой интерпретации.

В «Штатс-опер» была «Неделя Верди» (вслед за этой неделей по всей Австрии по традиции начнется «неделя балов», которая завершится балом в «Штатс-опер» с участием членов правительства). Я попал на «Фальстафа». В заглавной роли — Джузеппе Таддеи из Италии. Две исполнительницы — из Болгарии, один певец — из Японии, два артиста из Соединенных Штатов и еще певец из Мексики.

Мне сказали, что такую практику ввел знаменитый дирижер Герберт фон Караян. В свое время его за это критиковали. А теперь говорят:

— Нам надо поддерживать постановки «Штатс-опер» на высоком, присущем Вене уровне. Поэтому мы и приглашаем артистов из разных стран. На нашей сцене пели также советские артисты.

Это, по-моему, веский довод в пользу высокой артистичности.

ЛЮБОПЫТНОЙ была беседа с доктором Харальдом Гёртцем в Музыкальном обществе. Мы говорили о Бетховене и Штраусе, о Моцарте и Шуберте, о великой плеяде композиторов, живших в Вене.

Я спросил:

— Что самое примечательное в нынешней музыкальной жизни Австрии?

Доктор Гёртц ответил:

— К сожалению, мы не можем похвастать именами композиторов мирового масштаба. Но одно событие нас очень порадовало: это постановка в свое время незавершенной оперы «Лулу» покойного Альбана Берга. Ее закончил наш композитор Фридрих Церха. Премьера в Париже и Вене явилась большим событием в музыкальной жизни.

Он спросил меня, не собираюсь ли я в Зальцбург.

Я вспомнил слова пресс-атташе австрийского посольства в Москве господина Мартина Сайдика, который сказал мне:

— Вену мы, австрийцы, очень любим, но Австрию без Зальцбурга не мыслим. Город небольшой, а музыка в нем великая.

— Да, я собираюсь туда, — сказал я доктору Гёртцу.

— И правильно сделаете. В Зальцбурге ежегодно проводятся музыкальные фестивали. Там прекрасная опера, очень хорошая филармония. Постоянно даются музыкальные концерты.

Теперь и я могу засвидетельствовать: да, небольшой Зальцбург, с населением в полтораста тысяч человек, — большой центр музыкальной культуры не только Австрии, но и Европы. Он освящен именем Моцарта, родившегося здесь, на виду высоких гор, на берегу красивой реки Зальцах.

РАЗГОВОР о музыке, огромный вклад в которую внесли австрийцы, как бы сам собой продолжился в городской библиотеке Вены, где собраны уникальные экспонаты. Ее руководитель доктор Иоганн Циглер показал мне коллекцию рукописей Бетховена, Штрауса и других композиторов. Он влюблен в творчество Штрауса-сына. В то время как Иоганн Штраус поражает своей нотной чистописью, Бетховен повергает в полное недоумение, ибо записывал ноты особой скорописью, расшифровка которой весьма затруднительна. Его музыкальное мышление опережало технические возможности записи.

ВЕДОМСТВО печати при федеральном канцлере, чье гостеприимство в лице его руководителя доктора Герберта Ноймайера помогло мне лучше понять не только Сказки, но и Были Венского леса, пригласило меня на пресс-конференцию. Она состоялась во вторник (как обычно) во дворце Хофбург.

Я видел, как собирались министры и журналисты, секретари министерства и работники телевидения. После непродолжительного заседания правительства к журналистам вышел канцлер Бруно Крайский.

Он отвечал на многочисленные вопросы, которые касались внутренней жизни Австрии, проблем занятости, строительства, социального обеспечения.

Канцлер отвечал неторопливо, взвешивал слова. А через несколько дней, касаясь внешней и европейской политики, он твердо заявит:

— Мы не можем здесь просто следить за тем, какие сигналы нам подает Америка. Мы должны проводить свою собственную политику...

ЛИТЕРАТУРНАЯ жизнь Австрии непроста. Организационно писатели группируются вокруг трех центров: отделения Пен-клуба, Общества литераторов и Общества писателей города Гарца (последнее совсем молодое).

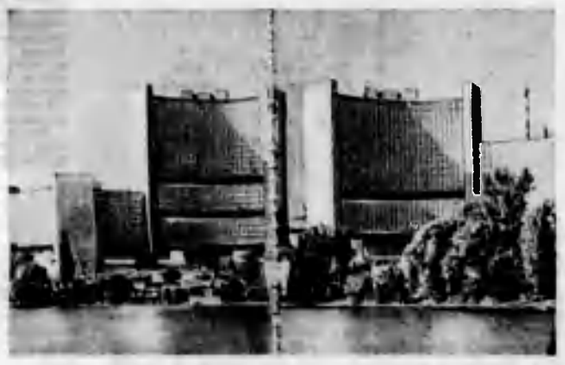
Мне довелось побывать в Обществе литераторов, где, в частности, познакомился с молодым, пишущим для молодых писателем Петером Розеи. Это приветливый, ладно скроенный человек. Многие в Австрии возлагают на него как на прозаика большие надежды. (Наше издательство «Радуга» скоро выпустит в свет его сборник «Отсюда и туда», в который вошли повесть и рассказы). Высказывания Розеи о роли литератора, о буднях и их отражении в творчестве содержат много и верного, и спорного. Они напечатаны в «Альманахе» издательства «Резиденц».

— Полагаю, что работа художника состоит не в изобретении новаций, а в развертывании картины мира, нахождении соответствующего звучания, — пишет Розеи. Касаясь тех, кто материальное благополучие ставит превыше всего, он говорит: — Но за это благополучие надо, конечно, платить, и его цена: нивелировка общества... перерождение демократии в могущественное объединение нескольких компаний... Мечта же нашего столетия все же заключалась в том, чтобы дать всем людям возможность жить в атмосфере свободы... — И еще — Красота — это отражение правды...

Во всяком случае, без правды жизни не бывает и красоты формы. В этом еще раз убеждаешься, читая недавно вышедший сборник австрийской новеллы XX века в переводе на русский. Выпустило эту книгу в свет издательство «Художественная литература». Она включает в себя произведения почти сорока писателей, начиная с Петера Альтенберга, Стефана Цвейга и кончая ныне здравствующими Барбарой Фришмут и Францем Кайном. Австрийская новелла — явление в европейской культуре примечательное, и знакомство с ней и приятно, и полезно...

Еще два слова об Обществе литераторов. Оно в основном занимается устроиством авторских вечеров. Его связи с издательствами минимальные, стало быть, и собственно творческие вопросы — очень важные для литератора — почти исключены.

Скажем так: издательство «Резиденц» в Зальцбурге издает только оригинальные произведения на немецком языке. Здесь я узнал, что стихи «расходятся плохо, требуют дотации». И еще: почти все австрийские писатели, за исключением Эриха Фрида, не в состоянии жить на гонорары. Прекрасно изданные книги, в частности по архитектуре, дотируются. Это делают или земельные правительства, или министерство культуры. «Резиденц-ферлаг» издает в год до тридцати названий книг, из них две-три книги стихов, а всего художественных произведений — до двадцати названий. Общий тираж всех книг — около двухсот тысяч экземпляров.



ВЕНА. Международный центр ООН

ОДНАЖДЫ вечером в центре Вены, недалеко от собора святого Стефана, я увидел металлическую ленту наподобие бельевой веревки, соединившую два столба на уровне глаз. На этой ленте были приклеены бумажные листочки. Оказалось, что это стихи и маленькие рассказы. Кстати, один из их авторов оказался здесь же. Спрашиваю:

— Это вы пишете?

Молодой человек лет тридцати улыбается.

— Да, я, — говорит он.

— Разве вас не печатают?

— А я не хочу. Предпочитаю живое общение с читателями.

— Кто же они, ваши читатели? И как вы общаетесь с ними?

— Студенты, школьники. Они, если хотят, приглашают меня.

— И этим зарабатываете деньги? И сколько?

— Немного, тысячи три-четыре шиллингов. Но мне хватает.

— А все-таки печатают вас или нет?

— Кто захочет — напечатает.

Я просмотрел стихи. Вот одно из них:

Многие ждут
каждый день
своего дня.

Многих ждет
каждый день
лишь ожидание
следующего дня...

И в заключение:

Многих не ждет
каждый день
даже ожидание
следующего дня.

Еще одно стихотворение:

ПРЕЖДЕ ЧЕМ БУДЕТ РЕШЕНО,
кем ты должен стать, —
вершишь ли ты,
что это сам
решаешь свою судьбу?

Поэт считает, что судьбу человека «решает кто-то другой за него», и отвергает эту опеку.

Он сказал мне:

— Полиция время от времени делает мне замечания...

— И что же?

— А я не подчиняюсь ей...

Еще несколько молодых людей развешивали свои произведения на липкой железной ленте...

ЕСТЬ в Венском ботаническом институте лаборатория, которой руководит профессор Карло Карниель. Его жена хорошо говорит по-русски, в свое время пополнила свои знания на курсах русского языка при Московском университете.

Профессор Карниель обменивается научной информацией со многими нашими учеными. Его пытливый взгляд старается проникнуть внутрь самой клетки и тем самым лучше понять биологические процессы. В этом ему помогает электронный микроскоп.

Мне продемонстрировали тончайший срез листа и увеличили его в... 700 тысяч раз. Непонятные цепи точек и точечек увели меня в фантастический микрокосм.

Австрийские ученые давно вносят большой вклад во все области знаний. Многие их работы отмечены Нобелевскими премиями. Среди лауреатов мы находим и имя Вольфганга Паули, одного из создателей квантовой механики.

Профессор Карниель с гордостью показывал мне книги наших ученых с дарственными надписями, он очень дорожит научными связями с советскими биологами.

Перед зданием института тротуар огорожен низенькой металлической изгородью: это охраняется двухсотлетняя липа, могучее растение с огромной кроной. Я вспомнил, что в Москве, на Тверском бульваре, против дома номер тринадцать, растет двухсотлетний дуб. Что, если и его огородить и учинить возле него соответствующую надпись?

АВСТРИЯ — страна нейтральная. Не так давно здесь отмечали двадцатипятилетие договора, который гарантировал австрийскую государственность, и статуса нейтральной страны. Этот договор, под которым стоит подпись и Советского Союза, способствовал росту благосостояния народа. Верно, многое изменилось к лучшему. Однако то и дело слышишь ворчание: снова повысились цены на проезд в метро и автобусах, снова то здесь, то там уменьшилось количество рабочих мест! А когда спрашиваешь о жалованье, неизменно следует встречный вопрос: «Брутто или нетто?» И тут же объяснение: слишком высоки налоги, они растут так же, как и цены. У всех на устах пример, когда один известный деятель культуры перешел в гражданство княжества Лихтенштейн, чтобы избежать высоких налогов... Что же, может, все и так. Австрийцам виднее...

ВЕНА — МОСКВА

И ЕГО ИЗНАНКА

КАК ДЕЛЬЦЫ СОЗДАЮТ ИДОЛОВ

главная взятка состояла в другом. За ящики с самыми ходовыми альбомами, поступавшими в самый бойкий торговый день — субботу, концерн «WTA» не брал с магазинов ни пенса. Так замыкался круговорот одурачивания публики. Продукт вчерашнего «хайпинга» шел в уплату за новый «хайпинг». Очередного лжеидола сотворяли из ребра прежнего.

«Меморандум «Коламбиа бродкастинг систем».
Всем отделам по продвижению продукции.
Всем бригадам коммивояжеров.
Срочно. Указание исполнительного директора:
Вы должны вновь заняться альбомом группы «Ветс» и попытаться вновь протолкнуть его вверх (по таблице БМРБ — В. С.). В качестве благодарности используйте 12-дюймовые диски и альбомы группы «Стрейтс» — или что угодно!»

Этот и десятки других закрытых служебных документов мне помогли добыть из недр крупнейших граммофонных фирм знакомые английские журналисты. Как видим, язык шулеров стал официальным языком бизнеса. Это устраивает и фабрикантов, и продавцов поп-обмана. Подсчитано, каждый оптовый торговец, владеющий заветным дневничком, получает ежегодные взятки дисками на 5—10 тысяч фунтов стерлингов. Тайные расходы только нескольких граммофонных концернов на подтасовку таблицы популярности перехлестывают за 5 миллионов.

«Хайпинг» стал основой всей граммофонной индустрии», — признал уже после телевизионного разоблачения Брайан Маллиган, редактор профессионального журнала «Рекорд бизнес».

С этого звереста цинизма миллионы западных поклонников поп-музыки действительно выглядят суетливой муравьиной кучей. Сунь им старую подошву — и ту облепят, обсосут, на лапках в дом потащат.

Вот и все, Антон, что хотелось рассказать тебе в этом письме. Можешь врубать свой маг, дружище. Музыкальная продукция типа «Хайпинг» представлена среди твоих записей богато.

Твой сосед
с четвертого этажа»

ТОЛЬКО не подумайте, что адресат моего письма — тоже «человек-муравей». Ни в коей мере: Антон — парень с головой, за золотой рыбкой моды так просто в прорубь не бросится. Он искренне хочет разобраться в лабиринтах поп-музыки. Поэтому ответственно следит за новинками фирмы «Мелодия», коллекционирует суждения, высказываемые в нашей прессе отечественными рок-знатоками.

Увы, толку от этого мало. К сожалению, и у нас не обходится без оглядки на западные реестры популярности, и до нас долетают брызги взбитой на Западе музыкальной пены.

Как-то Антон доверил мне свой альбомчик с вырезками. Вот, например, одна газета с восторгом цитирует письмо читателя: «А ведь такие группы, как «Эмерсон, Лейк и Палмер», «И-Эл-Оу», «Генезис», могут привить молодежи и вкус, а возможно, и любовь к классической и симфонической музыке». Другой автор делает открытие, что англичанин Элтон Джон привнес «в рок-музыку особую утонченную интеллигентность». Третий поет аллилуйю группе «Пинк Флойд» за ее альбом «Стена», который — умиляйтесь и падайте ниц! — признан на Западе лучшим диском такого-то года.

А может, полезнее было бы задаться вопросом: почем нынче признание? Во сколько обошелся «хайпинг» «Стены» хозяевам рок-группы? Впрочем, «Пинк Флойд» вполне могла войти с ними в пай. Группа восседает на вершине мультимиллиардного финансово-промышленного конгломерата, насчитывающего 30 концернов, которые занимаются чем угодно: от плавучих ресторанов до салонов электронных игр. В гаражах гигантского особняка «пинк-флойдовца» Ника Мэсона собрана коллекция старинных и современных гоночных автомобилей, оцениваемая в полмиллиона фунтов стерлингов. Чтобы познакомиться с этой коллекцией, нужно лишь перепрыгнуть через стену, которой кумир отгородился от толпы. Только не через ту рисованную «стену» с обложки «самого лучшего диска года», а через самую настоящую.

— Позвольте! — воскликнут иные любители носить шлейф за «Пинк Флойд». — Да ведь творчество этой четверки глубоко социально! Вспомните-ка их знаменитую композицию «Нам не надо никакой науки». Разве это не протест против косности буржуазной системы образования?

Нет, это все тот же «хайпинг», если понимать его не только как примитивный подкуп, а шире — как систему гибких изобретательных приемов мимикрии коммерции под искусство. Когда города Западной Европы взрываются молодежными мятежами, когда безработица становится для юного поколения образом жизни, никакой маломальски смекалистый рок-идол не может пренебречь позой социального негативизма. Именно позой, пустой и кокетливой. «У них нет работы, — соблазняет миллионам своих поклонников тот же муравьиный царь Адам, — но я хочу, чтобы они принарядились, как я, и разделили со мной мои сны...»

И царь щедро делится с голытьбой своими шелковыми кафтанами, пиратскими поясами и мушкетерскими сапогами. Он носит их на сцене, а те разглядывают на обложках дисков. Питер Тауншэнд, руководитель некогда знаменитой группы «Ху», в отличие от других рок-«звезд», изъясняющийся не только междометиями, хорошо сказал недавно о такой моде на ханжеское приобщение к трагедии миллионов:

«Это то же самое, как если бы я поехал навестить своего безработного приятеля где-нибудь в Брикстоне (лондонское гетто для черных. — В. С.) на золотом роллс-ройсе...»

Но порой в английских клубах и дискотеках — не самых шикарных — можно услышать и другой рок:

Один из десяти,
число с бумажного листка,
я — ста-ти-сти-ка!
Я — обиженье миру,
что бесится
с жиру!

Бессмысленно искать эту песню безработного в таблице популярности БМРБ. С точки зрения казенных идеологов молодежной «субкультуры», само название группы — «UB 40» — дерзкая ересь. Ведь это номер бланка, которым заполнили три миллиона англичан, выпрашивая у государства пособие-милостыню взамен отнятого права на труд. Не помню и доброго словца здешней критики по адресу одаренного ансамбля «Бит». Его занесли в черный список после песни «Отступись, Маргарет!», где премьер получает очень ритмичное предложение удалиться в отставку.

Только что вышел интересный альбом «Жизнь в европейском ТВД» с антивоенными рок-балладами. Авторы передали гонорар организации «Кампания за ядерное разоружение». Где диск? Нет его ни в магазинах, ни в эфире. Проклят и забыт. Не слушателями — манипуляторами популярностью.

Песни — зеркало общества. Но буржуазное общество разбивает это зеркало вдребезги, если отражение слишком правдиво.

По сверкающим осколкам маршируют армии адамов, сотворенных за семь дней из ничего новым богом по имени «Хайпинг». Если бы поп-музыка была его единственной стихией! Увы, подтасовка шкалы духовных ценностей, затаптывание искусства и коронация коммерции, торговля «общественным признанием» за взятки, возведение муравьев на пьедестал властителей дум — от подобных «реальностей» не свободен на Западе ни один храм «свободного» творчества.

ЛОНДОН

Продавец музыкального магазина — чиновнику фирмы грамзаписи «Шулер-рекордс»: «Видишь, на чемоданчике!
— А ведь вы правы! Это гениальный диск! Вот вам галочка!»
Рисунок из английского журнала «Тайм аут»

Ирина ПУТЯЕВА,
юная поэтесса

О любви не говори

Любимый!
Лучше мне не прекословь.
Я своего достигну непременно.
Лишь там,
где оступается любовь,
всегда свое успеет взять измена.
Твой каждый шаг хочу предугадать,
когда в себе не знаю
что таю...
Готова душу дьяволу продать
лишь для того,
чтобы понять твою.

Анастасия ЕРШОВА,
студентка МГУ

■

Белая дубленка с вышивкой роскошной
По проспекту главному двигалась в толпе.
Двигалась дубленка очень осторожно,
Тельце человечье кутав в себе.

И дубленке белой с вышивкой из меха
Загадал загадку наш коварный зак:
«Почему дубленка носит человека,
Ведь носить дубленку должен человек!»

Игорь МИХАЙЛОВ,
студент МГУ

■

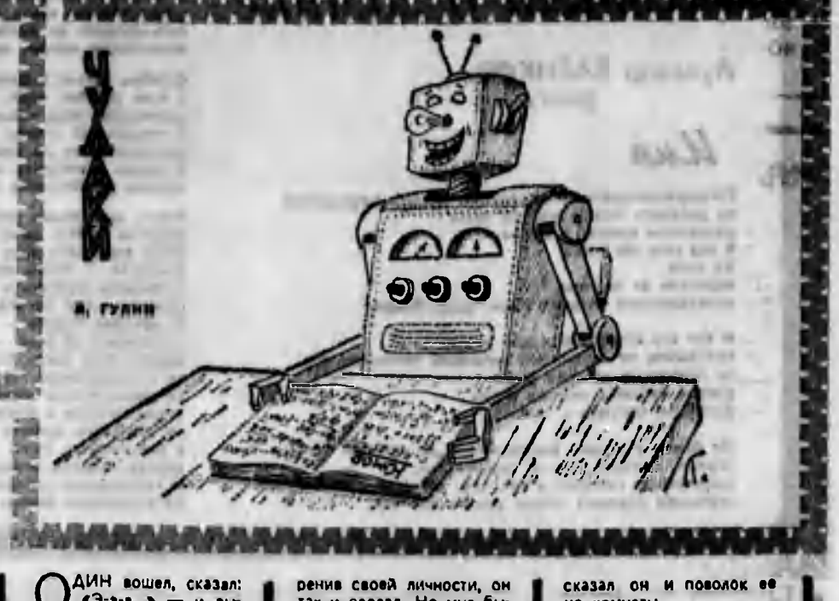
Ошибка это,
страшный сон.
Я почему-то окрылен.
Лететь в аэрсо
не хочу.
Не ощущаю, что лечу.
Я даже вскрикнуть
не успел...
Опять я с должности
слетел.

Старшеклассник дарованиям

Илья ВИННИЦКИЙ
(12 лет, 6-й класс, стихи написаны в десятилетнем возрасте)

Шутка

Я гулял на улице
И увидал курицу.
Говорю я курице:
«Ты чаго на улице?»
Отвечает курица:
«Я того на улице,
Что другие курицы
Тоже вся на улице».



ВЫСОКАЯ девушка стремительно вошла в купе, села на свое место, достала из сумочки косметичку и начала красить глаза.

— В соседнем купе едет Кеша, — объяснила она сидящему напротив нее мужчине, — придется накраситься.

— Кеша — ваш знакомый? — вежливо поинтересовался мужчина.

— Не совсем, — девушка выглянула из-за пудреницы и загадочно посмотрела в потолок. — Кеша — это один известный артист. Он играл в эльдаровском фильме. А Андрюша написал вальс к этому фильму. Неужели не знаете? В нем Деточкин машины воровал.

— А-а, — протянул мужчина. — Вы о фильме «Берегись автомобиля!». Но кто же Андрюша и, как вы сказали, Эльдар?

— Господи, — пожала плечами девушка. — Эльдар Рязанов — режиссер, а Андрюша Петров — композитор!

— А Кеша-то кто? — осознавая свое тугодумие, спросил мужчина.

— Как кто? Смоктуновский!

— А почему Кеша? — спросил мужчина.

— Иннокентий, — пояснила девушка. — Его так в детстве звали.

— Кеша, — умильнулся мужчина и, развернув газету, стал читать.

Девушка почувствовала себя брошенной.

— Я вообще-то больше люблю Андрюшины картины, — с вызовом произнесла она.

— Андрюша — это композитор Петров, — кивнул головой мужчина, не отрываясь от газеты.

— Да нет же. Петров — композитор! А это — Тарковский. Режиссер. Рита в «Зеркале» меня просто потрясла.

— Какая Рита?

— Терехова.

Мужчина отложил газету и почтительно спросил:

— Вы что, сами-то в кино работаете?

— Нет, что вы, просто люблю фильмы.

А. ЕВСЕЕВА,
студентка МГУ

— А их всех, наверное, лично знаете?

— Кого их?

— Ну Кешу, Андрюшу, Риту?

— Никого я лично не знаю, — с сожалением произнесла девушка. — А вы что думаете, они какие-нибудь особенные? Абсолютно такие же, как мы с вами. В тех же поездах ездят. Свои ребята, в общем.

В это время по коридору, о чем-то разговаривая с молодым человеком, прошел... Смоктуновский.

Девушка выпрямилась по стойке «смирно». Через пару минут она пришла в себя.

— Видели?

— Что?

— Какие на нем джинсы!

— Нет, — произнес мужчина, — не разглядел.

— Интересно, — прошептала девушка, — на ком он женат? Вы случайно не знаете?

— Случайно не знаю, — пожал плечами мужчина. — А зачем вам?

— Ну как же, — изумилась девушка, — вы что же, совсем кино не интересуетесь?

— Ну почему? — мужчина снова взглянул в окно. Поезд проезжал мимо маленькой станции. — Я и кино люблю, но больше литературу. Книги, — уточнил он. — Шуру люблю — «Станционного смотрителя», в Женю перечитываю каждый год.

— Шура — Калягин — артист. — обрадовалась девушка. — а Женя кто?

— Нет, — сказал мужчина. — Шура — это Пушкин, а Женя — это я так ласково «Евгения Онегина» называю. А в кино люблю экранизации. Я Кешу вашего все время в «Гамлете» вспоминаю. Знаете, у Вильяма есть такая трагедия.

— У какого Вильяма?

— У Шекспира.

— А-а, — протянула девушка.

— А вот Лёвина Аня меня потрясла. Читаю-перечитываю, никак начитаться не могу.

— В кино Львов нет, — уверенно сказала девушка.

— Я о книгах говорю, — сказал мужчина. — Лев Толстой, «Анна Каренина», не читали?

— Читала, — кивнула девушка, — в школе. А вы что, писатель?

— Нет, — улыбнулся мужчина, — я инженер.

— Так вы их лично знаете? — испуганно произнесла девушка, внимательно разглядывая мужчину и пытаясь предположить, сколько ему лет.

— Да куда уж лично. Просто я их очень люблю. Мне кажется, они все — свои ребята. — Мужчина отвернулся к окну.

В соседнем купе ехал человек, удивительно похожий на Смоктуновского.

Каждому хорошо знакома поговорка «Обещанного три года ждут». Но сегодня она уже морально устарела. В наш век технического прогресса и гигантской акселерации возросли не только скорости передвижения в космическом пространстве, но и скорости выполнения обещаний. И в этом смысле «Клуб ДС» тоже не отстает, а местами и опережает. Действительно, не прошло и трех месяцев (на пять) со дня объявления конкурса по набору достойных кадров в студию «Юное дарование», как отдельные произведения отдельных дарований шагнули из ученических тетрадей прямо на 16-ю страницу «Литературной газеты». Тут следует отметить, что состязались в остроумии 483 конкурсанта в возрасте от 12 до 35 лет, приславшие более 2,5 тысячи произведений, поэтому искусственный процесс естественного отбора получился затяжным, как прыжок без парашюта, и продолжается по сей день. Однако администрация приняла волевое решение действовать по принципу некоторых различных автоматов, которые, замигав сигнал «Доза готова», никогда не обманывают...

Итак, «Доза готова»! Самая первая. А уж определить в отпущенном субстрате концентрацию юмористических белков, жиров и углеводов — как всегда, дело взыскательных читателей.

МОЛОДОЖЕНЫ Гриша и Люба Клинкины решили свадьбу свою отпраздновать дома у невесты, где в будущем им предстояло жить. Да и родители с обеих сторон мягко напомнили, что ресторан снимать дороговато.

И нельзя сказать, что родители новобрачных были жадюгами, — они просто не хотели баловать своих детей.

Вот почему к пятиэтажному дому в Черемушках подкатили в прекрасный зимний день два таксомотора, и в дверях подъезда Гришу и Любу встречали их мамы с хлебом-солью в руках, а не распорядитель ресторана с мельхиоровым подносиком и двумя дешевыми бокалами с шампанским, которым предстояло разбитие об пол под одобрительный рокот гостей.

Гриша неловко принял хлеб-соль, поцеловал растроганную тещу и, позабыв пропустить невесту вперед, ввалился в узкий подъезд. Мать жениха в это время шла в со слезами на глазах растроганную Любу, а отцы наблюдали эту сцену, сомкнув плечи и переглядываясь, качали головами — вот, мол, женщины! Горе — плачут, счастье — тоже в слезы...

Квартира была на первом этаже, и вошедшие сразу попадали в коридор, а через мгновение — в объятия Гришиного дяди и Любиного троюродного брата, ставшие за время двухчасового ожидания новобрачных хорошо здорово подружиться. После суматохи с поздравлениями и взаимными представлениями, после поисков [illegible] перепутали этажи, и щекотливого вопроса, кому где сесть за праздничный стол, возникла тишина, предшествующая первому тосту.

В тишине отчетливо было слышно, как в квартире наверху хлопнула входная дверь и кто-то неторопливо начал затопал в невестину одному ему направлению.

— Дорогие Люба и Григорий! — вдохновенно начал Константин Иванович, отец невесты. — Сегодня в вашей жизни светлый и праздничный день...

Он помедлил, как бы ожидая, что вдруг сверху раздастся:

— Ты почему же днем надрызгался? Сегодня что, праздник какой?

Женский голос произнес эти слова с такой безотчетной злостью, что стало понятно — тот, к кому они обращены, пощады не дождется.

Гости слегка смешались, не зная, что делать и как соблюсти приличия, чтобы и послушать, как будут развиваться события этажом выше, и не вибрироваться из общего застолья.

— Пусть на вашем жизненном пути вам всегда сопутствуют мир и любовь! — повысив крика, закончил свой тост Константин Иванович, но не счел заглушить хриплого баритона, который, казалось, звучал рядом, а не сверху:

— В гробу я видал твою любовь!

Борис Викторович не выдержал, вскочил с места и произнес:

— Как отец жениха, я хочу пожелать тебе, Григорий, беречь свою жену, потакать ей, не спорить и не ссориться... — он многозначительно посмотрел вверх. — Только тогда в вашем доме будет полная чаша!

Гости машинально чокнулись, но звон рюмок был заглушен грохотом разбиваемой посуды в женском воплем:

— Паразит! Мамин подарок?! Чашки мои любимые! Ну, держись!

Матери переглянулись, и Галина Глебовна подтолкнула Константина Ивановича, прошептав на ухо: «За свидетелей выпей! Сделай что-нибудь, а то у ребят уши вянут!»

Тот охотно наполнил свою рюмку и рюмки свидетелей, поднялся и произнес:

— Дорогие Маша и Миша! Прошу прощения! Ах, Митя! Извини, дорогой! Машенька и Дмитрий! Я хотел бы поднять этот маленький бокал с большим чувством, как говорят на юге, за вас — за свои...

— А свидетели у меня найдутся! Укатают тебя лет на пять, тогда поймешь, мерзавец! — уверенно проговорил женский голос наверху.

— Мужа учечь хочешь? Гадюка!—прохрипел не на шутку оскорбленный муж.

— Горько! — отчаянно закричала Ксения Петровна, мать жениха, и ее сначала нестройно, а потом все увереннее поддержали и другие, вспомнив, видимо, что пришли они все-таки на свадьбу.

Гриша и Люба обнялись и уже готовы была соединить уста, как с верхнего этажа донеслось:

— Да за что же мне все это? Ты, Вась, вспомни нашу свадьбу! Ведь я нам «горько» кричала... И за детей будущих пили... А ты вот не просыхаешь, как тут ребенка завести?

Борис Викторович вспомнил, что следующий тост он собирался предложить за внуков, и поперхнулся.

А Гриша побледнел и дернулся было к дверям, но железная рука тестя усадила его на прежнее место:

— Ты чего, парень? У нас праздник, а у людей будни. Они уж год как женаты, да все грызутся... Привыкай!

— Дядя Костя... — промолвил вдруг Гриша, — а если и мы так? Приедет кто-нибудь с молодой женой на этаж ниже, сядут за стол, а мы с Любой... как эти?

— Да что с тобой, милый? — искренне удивился Константин Иванович. — Кто приедет? Этаж-то первый! А я подвал невесту не поведены!

И после такого веского аргумента свадьба пошла своим чередом...

Степан ДМИТРИЕВ,
переводчик

ОДИН вошел, сказал: «Э-э-э...» — и вышел.

Другой вошел, сказал: «Э-э... Простите!..» — смутился, открыл дверь наизнанку и вышел.

Дверь упала.

Третий посетитель сказал:

— Простите, это не ваша дверь?

— Моя. А что?

— Извините, но ведь она упала.

— Кто?

— Ваша дверь.

— Да, — покачала я головой. — Отпала она.

— Извините, — сказал он. — Я думал, вы не заметили. Не смею больше вас беспокоить.

И третий посетитель ушел.

В это время где-то внизу открыли дверь на улицу. От этого пошел сквозняк, и все бумаги, которые я собиралась регистрировать, взлетели и вылетели в окно.

Это было неожиданно.

Я подошла к окну и стала смотреть им вслед. Документы полетели в сторону центра. Те, которые были без скрепок, умчались первыми. За ними, распушив паруса пристегнутых конвертов, суетливо и замысловато кружа, будто лодки, застигнутые непогодой, спешили остальные.

Наконец, вся документация завернула за угол дома и скрылась, кроме одного циркуляра, полетевшего совсем в другую сторону, за город, и еще долго виднелевшегося на фоне перенаселенных, окутанных дымкой расстояния Филей.

Мои размышления о том, что же теперь со мною сделают и как решат, прервал очередной посетитель. Войдя, он стал вытирать о дверь ноги. Тут я разозлилась.

— Скажите, — спросила я, — а если бы у дверей лежал человек, вы бы об него тоже стали вытирать ноги?

Посетитель удивленно посмотрел на меня.

— Это же вам не половик, в все-таки дверь!

Тогда посетитель посмотрел вниз и еще больше удивился:

— А почему у вас дверь лежит на полу? Это что — так принято?

— А вам какое дело?! Вы, вообще-то, откуда?

— Я?!

— Да! Вы!

— Я... Да я начальник девятого управления.

Тут мне стало не по себе, но я вспомнила проулегевшие письма и махнула на все рукой. К тому же начальник девятого управления, наше министерское начальство, вдруг совершенно неожиданно полез в карман и стал несолидно показывать удостоверение своей личности, будто испугавшись, что я ему не поверю.

Если бы я была на его месте, я бы просто спросила фамилию, записала бы ее и грозно ушла. Впрочем, убрав удостоверение своей личности, он так и сделал. Но мне было все равно.

Тут позвонил начальник АХО и спросил:

— Ну как? Теперь не хлопает?

Дело в том, что раньше дверь сильно хлопала, и начальник АХО присылал все время столяров, но ни один не мог справиться с поставленной перед ним задачей. Вчера тоже приходил столяр, по-моему, это была последняя попытка, этот столяр считался у нас специалистом наивысшей

Александра СПАЛЬ,
секретарь

квалификации. У него тоже ничего не получилось. Вот начальник АХО и спрашивает:

— Ну как дверь? Теперь не хлопает?

— Нет, — говорю, — спасибо, теперь на хлопает. Только сквозит.

— Ну, его на страшно — сказал начальник АХО — Лишь бы не хлопала. А насчет того, что сквозит, мы что-нибудь придумаем.

— Скажите, а вы не могли бы прислать кого-нибудь, кто умеет навешивать двери?

— А зачем навешивать? Вам одной двери мало?

— Да нет, — сказала я. — Одной двери достаточно. Но у меня теперь вообще ни одной двери нет

— Ну ладно, некогда мне с вами шутки шутить, — сказал он. — Мне еще ехать, на олифу фонды пробивать.

И он положил трубку

Во время нашего разговора в дверном проеме появился снабженец Барсуков и стал сосредоточенно разглядывать дверь. Он присел на корточки, ощупывал ее и поглаживал, поковыряя ногтем большого пальца, обстукал, вслушался и сказал:

— Дубовая...

— Вам что, Барсуков?

— Дверь-то, говорю, дубовая. — сказал он и поставил дверь на попа

— Тяжелая, — примеряясь к тяжести двери сказал он и поволок ее из комнаты.

— Эй, Барсуков! Положите дверь на место!

— А план? — пропыхтел он из-под двери.

— При чем же здесь план?

— Как то есть при чем? — разволновался Барсуков. — Да мне за эту дверь, знаете... мне за нее на «двух пятерках» все, что захочу... да мне даже за нее диодов дадут, «три-пэ-эм — двадцать пять-сорок-кыс», а не то что... без фондов! Заводу нужны диоды, а им как раз нужен дуб.

«Ну и черт с ней! — подумала я. — По крайней мере хоть стучать не будет. Завтра надо свитер надеть».

— Послушайте, Барсуков, а зачем им дуб?

— Это уже их дело... — буркнул Барсуков, взвалил дверь на спину и ушел по лестнице, скрежеща дверью по стенам.

Я подошла к окну и через пять минут увидела внизу проплывающую параллельно асфальту дверь. Дверь нес Барсуков, но так как его на было видно, то казалось, будто дверь движется сама по себе или ее кто-нибудь телетранспортирует.

Черт его, этого Барсукова, знает! Ну как его, например, пропустили с этой дверью через проходную? Столяром небось прикинулся. И ведь даже машины не взял, на троллейбус поперся...

Тут еще и начальник мой появился. Он, правда, сначала ничего не заметил. Он и всегда так, входит прямо, смотрит прямо перед собой, вдаль как будто, ничего не видит, кроме своей цели, даже не здоровается никогда, а уж потом, когда в кресло сядет, тогда разбираться начинает.

Вот и тут прошел — и глазом не моргнул. Минуты через полторы вдруг выбегает из кабинета и опустошенно смотрит в пустой дверной проем:

— Где дверь?!

— Барсуков увез, — быстро говорю я.

— Вызвать Барсукова!

— С дверью?

— С дверью!

— Так он же уехал.

— Как — уехал?! С дверью?

— С дверью.

— Куда?

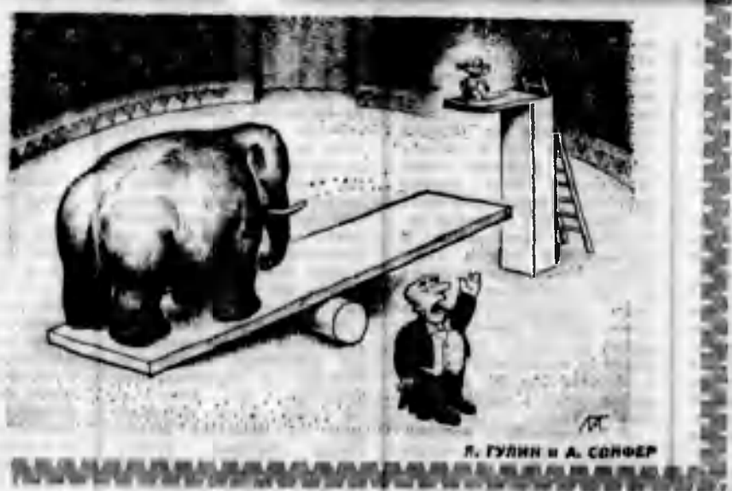
— На «две пятерки». Он говорит, ему тем диодов за эту дверь дадут. Без фондов.

— Диоды — это хорошо! — успокаивается начальник. — Диоды нам позарез нужны. А с вами пора кончать. Пора! Нам такие работники не нужны. Все! Хватит!

И он скрылся в своем кабинете, лишив меня возможности объяснить ему, как все было.

Сижу я, думаю. А тут как раз и столяр пришел.

— Где тут сквозит-то у вас? — равнодушно спросил он.



ХРОНИКА

ВЕСЕЛЫЕ ДНИ!

Недавно, точнее 1 апреля, совершенно случайно оказавшись в Сочи, администрация «Клуба ДС» ахнула:

— Ба! Знакомые все лица!

С концертных афиш улыбались многие постоянные авторы, артисты и вообще друзья «Клуба ДС». Все вместе? На курорте? В межсезонье? Почему?

На эти вопросы знакомые администрации лица ответили, что приехали в Сочи на десятидневную Дней юмора и сатиры под девизом «Смейтесь на здоровье!». Посетив многочисленные сатирические мероприятия и отметив, что декада юмора оказала положительное влияние как на работоспособность сочинцев, так и на здоровье курортников, администрация постановила:

1. Общий тон декады смеха и инициативу сочинской филармонии одобрить.

2. Признать за Днями юмора и сатиры в Сочи право на продолжение одесских юморин.

3. В дальнейшем оказывать сочинцам моральную поддержку, включая высадку на побережье 1 апреля будущего года еще более мощного сатирико-юмористического десанта.

Дежурный администратор «Клуба ДС»
В. ВЕСЕЛОБОВСКИЙ

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 20 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13
АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ И ТЕЛЕГРАММ: 103064 ГСП, Москва, Цветной бульвар, 30. Справочный телефон 200-74-11

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, А. ТЕРТЕРЯН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А — 07390 Номер подписан в печать 19.IV-82 г. Типография «Литературной газеты»: Москва, Ц. Цветной бульвар, 30 Зак. 326 ИНДЕКС 50067